ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 29 ИЮЛЬ 1990

МАЛЫШИ ВСЕХ СТРАН, РАЗОРУЖАЙТЕСЬ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 29 (3287)

14 — 21 июля

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

Главный редактор

В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

А. Ю. БОЛОТИН,
В. В. ГЛОТОВ,
А. Э. ГОЛОВКОВ,
Л. Н. ГУЩИН
(первый заместитель главного редактора),
Е. А. ЕВТУШЕНКО,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
Н. И. ТРАВКИН,
С. Н. ФЕДОРОВ,
О. Н. ХЛЕБНИКОВ,
А. В. ХРОМОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,
В. Б. ЧЕРНОВ,
А. С. ЩЕРБАКОВ
(ответственный секретарь),
В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Наши дети готовы начать переговоры с детьми разных стран об игрушечном разоружении. (См. 3-ю и 4-ю страницы обложки.)

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии О. И. КОЗАК

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 25.06.90. Подписано к печати 11.07.90. А 00333. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2498. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

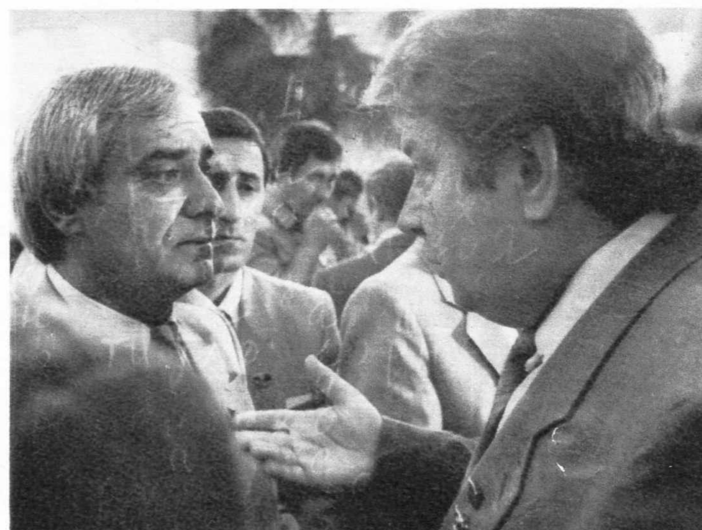
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

© «Огонек», 1990.

XXVIII
СЪЕЗД
КПСС
ИЮЛЬ
1990 г.

Десятого июля 1990 года в Москве, в Кремлевском Дворце съездов в ходе работы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза состоялось голосование по выборам Генерального секретаря ЦК КПСС.

Генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза избран Михаил Сергеевич Горбачев. Делегаты утвердили протокол счетной комиссии.

Фото Алексея ГОСТЕВА

■

Должно быть, не мне одному первые дни XXVIII съезда КПСС внушают большую тревогу. Тяжело смотреть, как один за другим поднимаются на трибуну невыразительные, скучные люди и одинаковыми, стертыми словами говорят о необходимости «дать отпор» и «призвать к ответу». Вся эта до смерти надоевшая трескотня уныло сопровождается клятвами в верности единственно правильному учению и нудными обещаниями творчески его развивать... Им кажется, что они обращаются к народу. Они уверены, что народ их поддержит. Они полагают, что у народа дел и забот других нет, кроме как удержать над собой власть партчиновников и генералов!

Одиноко и печально звучат на этом съезде трезвые голоса А. Н. Яковлева и Э. А. Шеварднадзе, размышляющих не о спасении партии, а о спасении народа и государства. Им аплодируют, но их не слышат. Оттого, вероятно, в речах и интонации вольнодумцев из Политбюро столько отчаяния и обреченности. Яковлев, например, не сомневается, что это его «последний съезд». Получается, что с политической арены должны уйти те немногие, кто на деле, а не на словах работал на перестройку, кто принес реальную пользу своей стране — успехи наши во внешней политике и внутренней демократизации ясны, кажется, всем.

Кто же останется рядом с Горбачевым? Не одиноко ли и ему сегодня в окружении скучных и некомпетентных людей, год за годом успешно проваливающих экономику, растлевающих армию и госбезопасность, грабящих крестьян и рабочих, обирающих науку и культуру, зато поднаторевших в «сфере» идеологии, в умении мертвыми, бессмысленными словами отстаивать мертвую, бессмысленную догму.

Мне думается, никакой антикоммунист, ни один обозреватель Би-би-си или радио «Свобода» не в состоянии нанести КПСС столь сильного и непоправимого политического ущерба, какой наносят с трибуны съездов — сперва российского, теперь всесоюзного — большинство его делегатов.

А. ЕРОШЕНКО
Иваново

■

...В одном из февральских номеров «Огонек» напечатал мое письмо об отказе от повышения зарплаты и передаче этой суммы в Нальчикский детский интернат, в котором я воспитывался. Этот обыкновенный гражданский поступок имел огромный психологический эффект. Сознавая, что ничего героического не совершил, я чувствовал себя очень неловко от множества рукопожатий и искренних поздравлений. Но были и такие, которые с издевкой предлагали мне отказаться и от зарплаты, и от квартиры. Это были как раз те, кто сумел урвать наибольший кусок от общественного пирога.

А потом все улеглось, стало на свои места, теперь уже нет ни упреков, ни поздравлений, я продолжаю по-прежнему ежемесячно перечислять 140 рублей и даже партвзносы плачу из повышенной суммы зарплаты... Казалось бы, безобидный поступок, но мне его не простили. Сначала мне не разрешили выдвигать свою кандидатуру ни в какие органы Советов, а потом на выборах происходила странная вещь: избирателям выдавали бюллетени, где моя фамилия уже была зачеркнута, тем самым делая выбор за них... Я стараюсь не делать из этого трагедии, беспокоит меня другое.

Работники нашего обкома партии мне объяснили, что повышение зарплаты аппарату одобрено, так как якобы из-за маленькой зарплаты партийные работники не хотят работать в аппарате. Это явная ложь — я не знаю ни одного аппаратчика, освободившего кресло по этой причине (и даже ни одного вахтера, освободившего свой табурет!), из аппарата человека очень трудно выгнать, а попасть туда без протекции практически невозможно.

И если Горбачев верит, что повышение зарплаты было таким уж необходимым, то кто так его обманул?

Коммунист КУЧМАЗОКОВ
Нальчик

■

В «Аргументах и фактах» № 20 сотрудник пресс-центра ВЦСПС Акритов ответил на вопрос читателя: «Почему же ВЦСПС не защищает права работников, подпадающих под перечни 1 и 2?» Ответ был дан более чем обтекаемый, со ссылкой на якобы неоднократные предложения со стороны ВЦСПС в адрес Верховного Совета СССР об отмене перечня этих категорий работников, судьбы которых зависят не от закона, а от отношения администрации.

Эта проблема коснулась и меня. В прошлом году, когда я был на военных сборах (я офицер запаса), меня заочно освободили от занимаемой должности секретаря Таджикского республиканского комитета профсоюза работников связи. Это, конечно, было не случайно, готовилось против меня, поскольку я пытался в одиночку добиться пересмотра методов устранения несогласных. Сначала меня предупреждали, приглашали на «товарищеские» беседы — после публикации статьи в «Литературной газете» в мае 1988 года, поддержавшей меня и на основании моих материалов огласившей, каким образом и кому уходят квартиры в Душанбе.

Пятеро моих самых активных выживателей являются номенклатурой ЦК Компартии Таджикистана. Поэтому мои неоднократные обращения в республиканские правоохранительные органы с просьбой о защите ни к чему не привели. Дважды совет профсоюзов восстанавливал меня в должности, но в итоге я все-таки уволен «как не оправдавший высокое доверие членов профсоюза». Прокуратура республики, куда я обращался за помощью, считает формулировку незаконной, но отказалась заниматься этим делом, так как должность подпадает под перечень № 1.

Ленин говорил, что «профсоюзы — школа коммунизма». В качестве кого же в этой школе пребываем мы — профсоюзные работники? Ведь явно не в качестве учителей. Пора уже коренным образом менять не только структуру профсоюзов СССР, но и их функции в защите прав трудящихся. А наличие этих пресловутых перечней вовсе не способствует обновлению.

Е. БУХТОЯРОВ
Душанбе

■

На съездах народных депутатов СССР, заседаниях Верховного Совета СССР, на Съезде народных депутатов РСФСР и на наших областных сессиях стали обычными вопросы этики поведения депутатов. Но в ряду этих вопросов, по-моему, еще не затронут один, принципиально важный — обращение депутата к председателю Совета.

Стало обыкновенным, когда народный депутат на официальных заседаниях обращается к Президенту страны: «Уважаемый Михаил Сергеевич!» К Председателю Верховного Совета РСФСР: «Уважаемый Борис Николаевич!» К председателю нашего областного Совета: «Уважаемый Евгений Федорович!» Не исключаю, что на сессиях Советов народных депутатов всех уровней характерным стало поименное обращение к первому руководителю того или иного Совета.

В этих случаях я усматриваю личностные моменты с обеих сторон. И это не так уж безобидно, как может показаться. Поэтому во время официальных заседаний народных депутатов разных уровней и обращение должно быть официальное: «Уважаемый Президент!», «Уважаемый Председатель!», «Уважаемый председательствующий!». Так происходит, видимо, еще и потому, что регламент соответствующих Советов не предусматривает эту этическую норму.

В. БОНДАРЕНКО,
народный депутат областного Совета
Темиртау

■

Почти за сорок лет пребывания в партии под знаком «должна, должна, должна!» у меня просто не возникало никаких мыслей насчет денежных средств КПСС.

Совсем недавно услышала: партия дает десятки миллионов на то-то, полмиллиарда — на другое. Все это благие дела. Но суммы! Но тон! Например, на сессии Верховного Совета СССР, где шел разговор о повышении минимальных пенсий, как будто «скинулись» в Политбюро (извините за жаргон) и «отстегнули» полмиллиарда — «партия дает»! Теперь еще интереснее — перед выборами в новые Советы лихорадочно ставится на баланс КПСС движимость и недвижимость, газеты — в центре, в республиках, в городах, в районах. Идут разговоры о дележе там, где партия раскололась, или предполагаемом дележе, где намечается раскол.

Чьи это средства? Партии? Значит, почти двадцати миллионов ее членов? Я и не задумывалась, что являюсь миллиардером!

По идее член КПСС, выходя из партии, должен иметь право на пропорциональную часть имущества и средств, судя по всему, огромных? Занятно? Может быть, это имеется в виду, когда говорят об опасности «растащить партию по национальным квартирам»?..

О. МОССИАК,
член КПСС с 1952 г.
Москва

■

Во 2-м номере журнала «Огонек» были опубликованы фотографии мясокомбината в г. Краснодаре, фотограф Веленгурин. Надо сказать, что фотографии отражают далеко не все безобразия, которые творятся на комбинате. Но это отдельный вопрос. Эти фотографии взбудоражили коллектив комбината; те, кто на них изображен, начали искать виновных и пришли к выводу, что организовала все это Н. С. Титова, ныне пенсионерка, член КПСС с 1954 года, старый, опытный работник, много сделавший для комбината. Когда она уже была пенсионеркой (в 1987—1988 годах), райком партии попросил ее вновь выйти на работу и помочь комбинату поднять показатели. С этим она прекрасно справилась, по ее рекомендации занял должность директора комбината В. Ильин. Потом он настоял, чтобы Титова ушла на пенсию, так как якобы на ее фоне он, директор, выглядит бледно и никогда не заработает себе авторитета.

Через год после окончательного ухода Титовой было открытое партийное собрание, Титову выбрали в президиум, доверили ей вести протокол. Повестка дня собрания была: «Рассмотрение записки краевой ревизионной комиссии при крайкоме КПСС». Но повестка осталась в стороне, а вместо этого секретарь Октябрьского райкома КПСС В. Басов направил собрание на рассмотрение персонального дела Титовой Н. С., свалив на нее все беды мясокомбината, в том числе и публикацию фотографий в «Огоньке». Два часа продолжалось обсуждение этого вопроса, сыпались личные оскорбления, призывы снять ее с партийного учета, угрозы физической расправы. Страсти подогревались директором, секретарем парторганизации комбината и секретарем РК КПСС. Составлялись компрометирующие письма, был организован сбор подписей. Работникам популярно объяснили, что после публикации фотографий их будет чаще проверять ОБХСС, тем самым они будут лишены возможности что-то выносить с комбината — а, что греха таить, многие из-за этого и работают, ведь зарплаты-то невелики.

Общественное мнение было восстановлено против Титовой. Честное имя коммуниста, ветерана труда было опорочено, облито грязью, подорван ее авторитет. Настоятельно требуем дать доказательства непричастности Титовой к этим фотографиям. Нам бы хотелось, чтобы люди, два часа посвятившие публичным оскорблениям Титовой, так же публично извини-

лись перед ней на очередном партсобрании — в том числе и директор.

А. СТЕПАНЧЕНКО, А. ЗАХАРЖЕВСКАЯ, Ф. СЕНЧЕНКО и др., коммунисты мясокомбината
Краснодар

ОТ РЕДАКЦИИ: Уважаемые руководители! Если на страницах журнала появились фотографии вашего предприятия, которые оскорбили вас в лучших чувствах, то искать и наказывать надо отнюдь не «наводчика»... Тем более что в данном случае его и не было.

■

Каждый день церкви столицы открывают свои двери для верующих и всех желающих. Каждый день на утренней службе совершается таинство покаяния и причащения. Но наши дети оторваны от этого духовного мира и зачастую не имеют никакого представления о том, что же совершается в церкви, в чем причина и смысл обращения людей к религии.

Несколько месяцев священники и миссионеры Московской городской общественной просветительной организации «Богородичный центр», созданной в начале этого года, вели «Евангельские чтения» в восьми московских школах. Дети очень заинтересованно слушают, задают вопросы, грустно только, что тысячелетняя история православной Руси воспринимается ими как легенда, как нечто давно ушедшее, затерянное в веках...

Общества и благотворительные заведения, посвященные матери Божией, издавна существуют во многих странах. «Богородичный центр» является единственной такой организацией. Цель, которую центр ставит, обращаясь в школы,— способствовать воспитанию в детях начал праведности и благочестия на основе живого и глубокого освоения духовной истории, Евангелия, истории религии и церкви.

Конечно, перед центром возникают многие трудности. Не определена окончательно форма занятий — классный час, или обычный урок, или факультатив... В разных школах это решается по-разному. Иногда, например, учителя просто «уступают» свои уроки. Не решен вопрос с оплатой,— а ведь большинство миссионеров, чтобы заняться благовестнической деятельностью, оставили свою прежнюю работу. Трудно с духовной литературой, которой просто-напросто нигде в продаже нет, хорошо, что верующие смогли достать школьную Библию, изданную за границей. Нет наглядных пособий, диапозитивов, нет твердого графика проведений подобных уроков. Все зависит от личной инициативы священника, миссионера, от личного отношения директора школы к подобной практике. В общем, ситуация всем понятная и широко известная.

Но главное уже произошло — Центр начал свою работу. Священник и духовный миссионер пришли в школу. Мы обращаемся ко всем, кто заинтересован в подобном сотрудничестве: миссионеры «Богородичного центра» готовы прийти к вам.

Священник о. КИПРИАН (в миру НЕСТЕРОВИЧ Александр Петрович)

■

Высочайшим Указом генерал КГБ Олег Калугин лишен чинов, званий и наград. Профессиональный разведчик, он оказался слишком осведомлен в тайнах своего учреждения и не пожелал скрывать эти позорные тайны от сограждан.

Какие же тайны выболтал опальный чекист? Учитывая его специфический предыдущий опыт, уж не раскрыл ли он секретную нашу агентуру в Америке, не «засветил» ли явки под носом у ЦРУ, не раскрыл ли какого-нибудь засекреченного верного друга СССР? Нет, Олег Калугин всего лишь рассказал о тесных связях партаппарата и его карающей десницы — «органов», о чудовищно раздутых штатах охраны любого мало-мальски значимого начальничка, о тысячах добровольных и завербованных стукачей, опутывших нашу жизнь, о тщательно продуманной и безотказно действующей системе дезинформации — словом, о том, что мы и так прекрасно видели, слышали, знали.

Так подтвердились отнюдь не КГБ распространяемые много лет слухи о сложных взаимоотношениях внутри этой грозной конторы. О том, например, что настоящие профессионалы из разведки и контрразведки с презрением относятся к некоторым коллегам-комитетчикам, делающим карьеру на провокациях и беззакониях против своих сограждан. В самом деле, мог ли тот же Калугин, долгие годы имевший дело с нелиповыми противниками из западных спецслужб, всерьез относиться к «подвигам» пресловутого отдела, успешно сокрушавшего диссидентов — в большинстве своем людей немолодых, интеллигентных, начисто лишенных конспиративных навыков, нередко выступавших с принципиальной открытостью, дабы подчеркнуть законность и легальность своих действий? Но возьмите наугад любой политический судебный процесс 60—80-х годов: следствие, обвинительное заключение зачастую шиты белыми нитками на скорую потную руку... Да и чего стараться было, когда заранее известно, что суд влепит ровно столько, сколько потребует прокурор, а прокурору всегда подскажут, сколько на сей раз потребовать?

Что ждет Олега Калугина? Можно предположить, что КГБ станет изыскивать возможность привлечь его к суду за какие-нибудь прошлые «провинности» или нынешние высказывания либо попытается опорочить в глазах народа — такие попытки уже предпринимаются. Ясен и смысл недавних указов — не к Калугину они обращены, а к его единомышленникам, продолжающим служить в органах. Им в острастку. Чтобы читали и делали для себя выводы.

Думаю, что запугать и принудить к молчанию удастся не всех. Более того, надеюсь, что перестройка коснется и КГБ, для чего нужна малость: чтобы талантливые и умные люди взяли верх над бездарными. Чекисты-профессионалы, объединяйтесь! Вы нам нужны — против мафии, террористов, рэкета, наркобизнеса, да и шпионов тоже изредка надо ловить — чтобы не наглели.

Но покуда все у вас так темно и неопределенно, прошу редакцию (хоть оно ей известно) не указывать моего имени. Не взыщите.

В. МАКАРОВ
Рязань

Кому доверять рычаги

Энергичное выступление генерал-полковника Макашова на Учредительном съезде Компартии РСФСР уже достаточно обсуждалось в печати.

Думается, многим будет интересно узнать, что генерал выпустил в свет специальное методическое пособие под выразительным названием: **«Наука побеждать» — в мирное время боевой учебы войск».**

Конечно, с непривычки им могут показаться странноватыми кое-какие положения. Ну вот, к примеру, такое:

«На стрельбе штатным снарядом обязательно присутствуют и обеспечивают ее: командир; замполит; секретарь парткома; секретарь комитета ВЛКСМ... начальник клуба».

Человеку военному, да еще партийному, все должно быть ясно. Что ж это за стрельба без секретаря парткома? Не говоря уже об идейном руководстве — кто, как не партия, указывает нам цели? Тут, правда, с начальником клуба не совсем ясно... Ну, да бог с ним. Генералам виднее.

Должно быть, многим делегатам российского съезда понравилось бы и практическое воплощение идеи относительно единства рядов: **«У каждого командира список людей, оторванных от строя, от коллектива: повара, хлеборезы... собаководы... и т. д. Никто вне казармы не живет! (Ни в огневом городке, ни на свинарнике и т. д.) Не менее раза в месяц посети эти объекты, побеседуй, посмотри, чем занимаются».**

Командир, по А. М. Макашову, всегда начеку: как там, на свинарнике? Все ли спокойно? Не читают ли что неположенное? В пособии-то ясно написано: **«Во время дежурства не читать художественную литературу (не развлекаться), а читать политическую, техническую литературу, можно готовиться к занятиям».** Ну а «на свинарнике» — как уследишь? Ведь это такой народ — только смотри. Так их и тянет из казармы! А что бы не жить? Все условия. Командующий округом лично отмечает: **«На койках в казарме всегда должна быть простыня и наволочка».** Помнит, значит, заботится. Ничего не упустил: **«В бане должно быть тепло, чисто. Вода — горячая».**

Ведь вот, кажется, мелочь — вода. Другой бы, может, взял и забыл. У нас с этим просто. А заглянет в книжечку «Наука побеждать» — и все ясно.

«Стричься всем два раза в месяц (1 и 15 числа).

Убедить солдат и сержантов стричься коротко и аккуратно «под бокс» и «полубокс».

Приветствовать тех, кто стрижется наголо...».

Ну не мудро ли? То есть, с одной стороны, конечно, «всем два раза в месяц». Но ведь — и «убедить», и «приветствовать»!

Строгость, бесспорно, нужна. Вот, скажем, проблема медобслуживания. Тут никаких нежностей. **«Заставить работать врачей. Он в части операции не делает, в лучшем случае йодом мажет да в госпиталь отвезет».** Прямо залюбуешься, как управляется генерал с проблемой. Кстати, вопрос с врачами этим и исчерпывается. Еще только один раз они упоминаются: **«Совместно с врачами выяви всех «дебилов», кому нельзя доверять оружие, руль, рычаги».**

«Учи командиров и старшин выдерживать последовательность ремонта:

1. Выдерни лишние гвозди.

2. Зашпаклюй.

3. Аккуратно покрась».

Тут уж и последнему дебилу все ясно. Или: **«Не мажь заборы солидолом и отходами ГСМ. Не позорь часть!**

Не делай фонтанов, не разводи павлинов, делай боеготовой часть. Не бели деревья, бордюры... Мусор собирается в баки... Механизируй уборку, дернул за рычаг — все вывалилось в кузов самосвала...» Или вот: **«Помывку в бане проводить во внеучебное время в любой день по графику».** Или так: **«Все конспекты пишутся командирами и начальниками в одной тетради за период».** Или еще: **«Никто домой с пистолетом не ходит, жену не проверяет, чай с соседкой не пьет».** При этом: **«Пистолет носится всегда на ремешке, дабы не потерять его».** Ну, и последнее: **«Все хранилища должны иметь ворота».**

Дело ведь не в стиле. Надо ли требовать от простого военачальника, хоть бы и окончившего две академии с золотыми медалями, знания русского языка? Дело в смысле. Если вдуматься — не будь генеральской книжечки, ведь прямо драматические могли бы возникать ситуации. Ну, скажем, подходит рота к хранилищу — технику от дождя прибрать или еще что... Подходят они строем, все честь по чести — **«Командир отделения (хоть какого роста) всегда впереди своего отделения (хотя в отделении 2—3 человека)».** Туда, сюда — нет ворот. Страшно представить.

Да, тяжело генералам. Уж если офицеру нужно объяснять, почему пистолет следует «носить на ремешке», то Вооруженные Силы действительно «один из обнаженных нервов перестройки», как эмоционально выразился Альберт Михайлович на съезде. Это что же за вопросы приходится решать командующему округом, который «простирается от Воркуты до Оренбурга, от Балашова до Тюмени»? За всем-то не усмотришь. Того и гляди разведут павлинов, те начнут перепархивать, клевать что попало, на технику гадить...

Уж не начитавшись ли «желтой прессы», стали командиры забывать насчет воды, строить фонтаны, белить бордюры и мазать заборы всякой дрянью? Ведь вон какое отличное руководство есть у командиров. С таким руководством не то что округом — всей страной можно командовать. Не напрасно Альберт Михайлович рекомендовал Президенту кое у кого поучиться. Про все написано — и про списки, и про гвозди... И главное, чем дольше вчитываешься, тем интереснее: **«В коридорах, на лестничных клетках — никаких лозунгов, стендов. Для этого есть ленинские комнаты...»** Для чего, для чего, вы говорите, «ленинские комнаты»? А как там насчет «патриотизма», который «воспитывается веками»?.. А то еще: **«В утренние часы, после обеда, в выходные дни надо работать на стройках массами».** Зачем бы вы думали? Да очень просто: **«Если рота выполнила задачу по строительству, получила удовлетворительную оценку по боевой подготовке, в роте нет ЧП и преступлений, то командир роты первый кандидат на повышение».** Похвальная откровенность, прямо скажем.

Конечно, не был бы генерал генералом, если б не дал парочку советов, так сказать, «по жизни»:

«Что губит командира? Пьянство, женщины, воровство. Не пей, не гуляй, не воруй. Если еще и работать будешь, тебя слава сама найдет!

Не иди на поводу у жены. Ты — мужчина!» Ну и т. д.

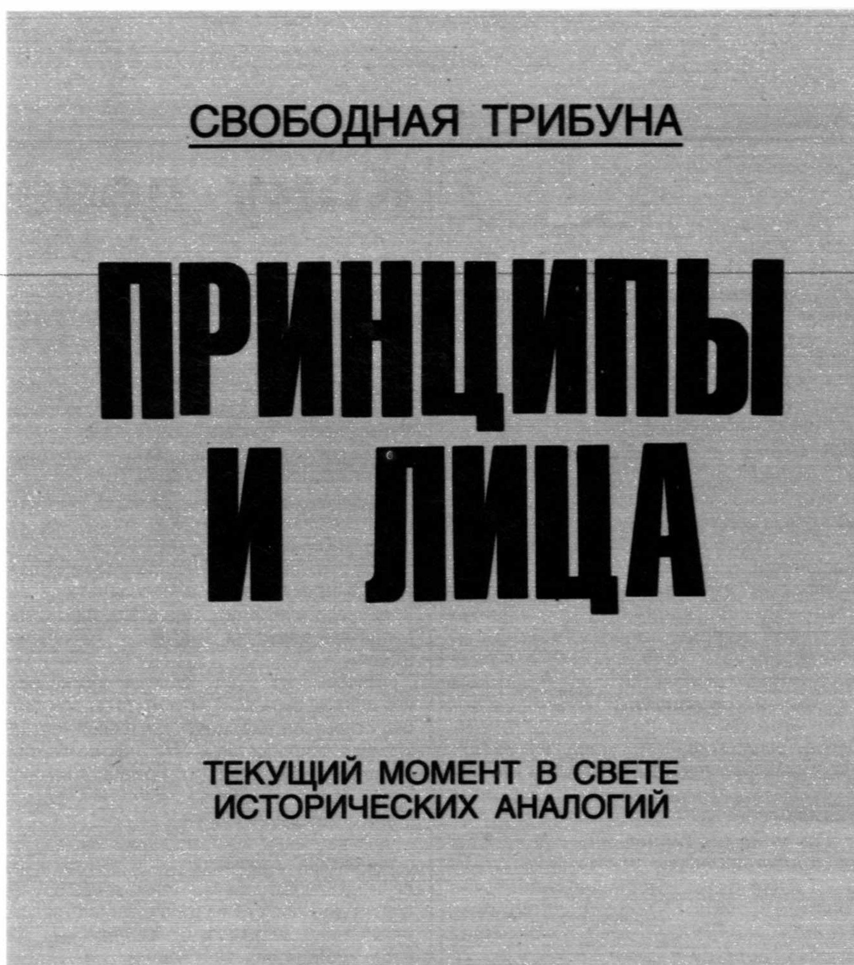
И уж просто приятной неожиданностью оказалось вот это рассуждение:

«Не оскорбляй людей. Каждый оскорбленный тобой обзывает тебя так же мысленно, вслух в курилке или рассказывает в таких же выражениях своей жене».

Трудно, конечно, представить себе А. Собчака или Б. Васильева, «обзывающих так же мысленно» товарища генерала, да и вообще рассказывающих что-либо «в таких же выражениях». Может быть, поэтому и отступил Альберт Михайлович на съезде от своего похвального правила?

«Все, что я высказал на съезде,— сообщил А. М. Макашов корреспонденту «Сына Отечества»,— сформировалось под воздействием увиденного в войсках, общения с людьми». Что ж, пожалуй, теперь мы можем по достоинству оценить это признание. «Увидено» генералом немало...

Светлана ВАВРА

Ушел в историю I Съезд народных депутатов России. У меня нет цели подводить его итоги: они слишком велики и разноплановы. Хотелось бы порассуждать не о самом, быть может, главном — о личностном. Хотя... не исключено, что это и есть главное. Для этого надо вернуться к началу Съезда — оно было драматичным. Соблюдение недальновидной нормы — председатель Центризбиркома ведет заседание до избрания Председателя — обернулось фарсом. Впрочем, со штурмом трибуны. Творцы этой нормы никак не предполагали, что все пойдет не по сценарию, хотя просчитать ситуацию было нетрудно. Ну, а потом были драматические выборы Председателя. Если бы творцы избирательного закона обладали пророческим даром, уж наверняка бы они возвели баррикады: предусмотрели бы, например, исключение из дальнейшей борьбы кандидатов, сыгравших вничью в первом туре.

Попытку постфактум все же сделали: не имея опоры в законе, взывали к совести кандидатов. Спекуляция на чувствах, как известно, не прошла. Ельцин стал Председателем. И напрасно один из депутатов бросил пренебрежительную реплику: он-де победил всего четырьмя голосами. Да, это отражает баланс сил на Съезде. Но за четырьмя мандатами — настроение общества. И думать не хочется, как бы оно реагировало, если бы эти четыре мандата перешли, допустим, к Полозкову... Впрочем, возможно, ничего бы и не случилось: избрали же его первым в Российской компартии, и зал поздравил Ивана Кузьмича аплодисментами. Ну, а что дальше будет — посмотрим. Тем более что меня занимает сопоставление Ельцина совсем с другой фигурой.

И в последующей работе российского Съезда, как мы знаем, возникали конфликтные ситуации: то история с телеинтервью Ельцина, то вопросы депутатов, поздравил ли Президент страны российского Председателя. Основательны поводы для этих стычек или вздорны? Не так уж важно, важно, что недоразумения рождали страсти и конфликты. И хочется уяснить глубинные причины напряженности.

Да, Борис Николаевич завоевал, а скорее выстрадал необыкновенную популярность, а затем и высокое избрание не столько программами и концепциями, сколько личными качествами борца. Он первый, кто, будучи вытесненным из ареопага власти, не сдался. Это уже потом, излагая перед Съездом свою кандидатскую программу, Ельцин показал конструктивное мышление, это уже ведя Съезд в качестве Председателя, явил искусство компромисса. Начинал же нынешнюю свою карьеру как бунтарь, а они на святой Руси всегда были в большой чести.

Но только ли поэтому возникла напряженность? И возможно ли ее рассеять, если, допустим, Горбачев лично этого захочет? Для этого ведь надо преодолеть не только себя, но и мощнейшую инерцию, сложившиеся традиции нашей истории — прежде всего советской. Все 73 года страной и народом правили не Законы, а Лица. Говорят, что во многих случаях Ленин бывал в меньшинстве по принципиальнейшим вопросам. А разве он когда-нибудь, хоть раз уступил большинству? По принципиальным? О Сталине говорить не стоит... Хрущев, разоблачивший его культ, тут же начал лепить свой. О Брежневе сочиняли анекдоты и одновременно цитировали его высказывания, даже абсурдные. М. Горбачев стал Первым Лицом в результате традиционных бюрократических раскладов в Политбюро.

На Первом Лице — вожде — держалась вся «власть Советов». Первый был в стране, Первые правили балы в республиках, областях и районах, располагая практически неограниченной властью. Им не нужно было бояться подданных — только более высокого Первого. Вторые были лишь подручными Первых. Никто до 1985 года и не думал покушаться на эти устои. Горбачев решился. И в общем-то система абсолютной власти Первых лиц разрушена. В этом мне видится главный итог перестройки. Горбачев не просто извлек из небытия революционный лозунг «Вся власть Советам», но и, как говорится, наполнил его содержанием. Партаппарат поначалу вроде бы это поддержал, надеясь на брак по расчету. Советы будут держать в своих руках Скипетр и Державу, аппарат же — по-прежнему править. Однако расчеты не оправдались: появились на свет внебрачные дети — в забастовочных смутах и митинговых стихиях, потрясших страну в 1989 году. Одряхлевшая власть партаппарата уже не могла держать штурвал. Лишь стачкомы да неформальные лидеры оказались способными в иные моменты управлять бунтующими массами, только их слушали. Обозначились вехи «триумфального шествия» этой стихийной власти: Кемерово, Донецк, Волгоград, Воркута... «и далее везде», как стали шутить. Обкомы и райкомы, совсем недавно непререкаемо всесильные, подают в отставку или заискивают перед толпой.

Новые Советы, включая Верховный Совет СССР, получив все необходимые конституционные полномочия, приняли важнейшие законы, ввели новое для нас президентское правление, а бюджетом страны — основой основ парламентского могущества — так овладеть и не смогли. К Октябрю 17-го, считается, привело двоевластие. Мы приближаемся, похоже, к многовластию. И, естественно, народ возлагает надежды опять на Лицо, которое «все даст». Полагаться на непривычные принципы страшновато, словно перед омутом. До царя хоть и далеко, но он как бы лично всем известен, понятен. Принцип же — что это? Как его пощупать?

Давайте представим себе, что президентский пост вводился бы не «под Горбачева», а вообще, безлично, в президенты бы свою кандидатуру Михаил Сергеевич не выставлял. Принял бы внезапно созванный Съезд народных депутатов закон о коренном изменении характера власти в стране? Не прислушался ли бы к настойчивым голосам, советовавшим сначала определиться с Союзом, выработать демократические противовесы сильной власти, а потом уже решать вопрос о посте Президента? Если бы не было в наличии конкретного Лица?

Не один я уверен, что перестройку начала не партия, даже не ее аппарат и даже не узкая группа прогрессивных партийцев. Ее начал Горбачев. Может быть, это не так, наверное, это не так — чтобы один, совсем один. Но в моем сознании этот стереотип засел прочно. Один был Ленин, один Сталин, один Хрущев... Почему бы не быть в моем сознании одному Горбачеву? И только ли в моем?

Он сразу завоевал симпатии народа, едва появившись на экранах телевизоров в качестве Первого Лица, сначала просто по контрасту с ликами полутрупов. Он отлил себе памятник из застывших слез матерей, чьи сыновья вернулись из Афганистана. Он дал нам свободу, пусть пока в ипостаси гласности. Не говорю уже о международном аспекте этой фигуры: ее престиж в мире, быть может, даже выше, чем в Отечестве. Но... Я помню шок, вызванный одним событием послевоенного лета 1945 года. Потсдамская конференция началась в составе Большой тройки: Сталин, Трумэн (волею судьбы заменивший Рузвельта), Черчилль. Потом в конференции произошел перерыв: британский лидер поехал на выборы. А вернулся в Большую тройку совсем другой человек — никому не ведомый Эттли.

Герой Сопротивления фашизму, непримиримый враг Гитлера, несомненно, Первое Лицо в своей стране — и вдруг... не получил каких-то там голосов. «Да как же это так,— рассуждали тогда мы,— отстранить человека с такими заслугами перед своей страной, перед человечеством... Хороша демократия!»

Тогда я не понимал, что демократия, если это демократия, ориентируется на принципы, а не на личности. В этом ее прочность и сила. Правление закона без всяких скидок, наверное, единственный гарант свободы. Кстати, одно сравнение: герой Франции генерал де Голль тоже потерпел поражение на демократических выборах и ушел. Герой Югославии маршал Тито был объявлен пожизненным президентом. За неоценимые заслуги перед страной и народом. Но разве у героя Франции было меньше личных заслуг?

В том-то и принципиальное отличие устоявшейся, вобравшей опыт веков демократии, которую почему-то мы называем буржуазной, от той, что, не имея под собой принципов и традиций, ориентируется на Лица. А значит, и на прихоти судьбы. Судьба подарила нам Горбачева, но разве не могла преподнести Гришина?

Так что дебаты в Верховном Совете, а потом и на Съезде были, если уж честно, не столько об учреждении поста Президента, сколько об учреждении поста Президента Горбачева. И я, например, не мыслил другого на этом посту. Но меня покоробил фарс выдвижения альтернативных кандидатов. Зачем, если и так все было ясно. (На российском Съезде, как мы знаем, борьба шла уже, как говорится, без дураков, однако по-прежнему соперничали не Программы, не Принципы, а Лица.)

В этом смысле характерна полемика, вспыхнувшая на сессии Верховного Совета СССР, между двумя депутатами, выступавшими один за другим, когда решался вопрос о том, вводить президентское правление немедленно или сначала установить правовые принципы новой власти. Процитирую.

Из выступления А. Собчака: «Мы должны вспомнить о том, что в России, к сожалению, и в советский период, и в течение столетий правили не законы, а люди. И сегодня, решая вопрос о введении президентского правления, мы должны отрешиться от конкретных личностей, мы должны подумать о создании такой системы государственной власти и государственного правления, которая будет работать независимо от того, кто конкретно будет занимать тот или иной пост».

Из выступления Д. Кугультинова: «Я с товарищем Собчаком совершенно не согласен. Он у нас мудрец, он у нас напичкан статьями всех законов, но плохо чувствует жизнь, плохо чувствует то, что делается сейчас в стране. Нам нужен Президент, нам нужен человек. Даже начало выступления депутата Собчака о том, что мы должны отрешиться от людей, а полагаться только на законы, меня просто смутило... Законов было очень много, прекрасных законов, но мало было прекрасных людей, которые исполняли бы эти законы».

Мне кажется, что в этой полемике лицом к лицу встали два начала: демократическое и вечевое, выстраданное Европой и традиционное для России, западническое и славянофильское, если вернуться к спорам наших прадедов и о путях развития Отечества. Мы сейчас как бы опять на этом перепутье. Нам предстоит делать выбор, причем не в трибунно-публицистических спорах, а в определении реального пути. Преодолеть груз исторического наследия и народного характера очень сложно. На нас ведь давит не только груз 73 лет, но целые пласты отечественной истории.

Некоторые историки и публицисты ищут аналоги демократических институтов в «преданиях старины глубокой». Веча, земские соборы, думы они выдают чуть ли не за опыт парламентаризма. Ох, сомнительны эти истоки. От веча ниточка тянется скорее к митингу, где легко выкрикнуть вождя, но вряд ли можно сформировать правительство. Земские соборы больше напоминают партсъезды недавних времен, где лишь освящалась «государева воля», чем парламенты. Ну, а предреволюционная Государственная дума... Она од-

ного ведь Распутина не имела сил нейтрализовать. Пришлось по «древлему обычаю» убить. Так что там ли ищут некоторые историки?

А вообще-то исторические аналогии просматривать полезно, ибо нам нелишне знать, какие пласты придется переворачивать в собственном сознании, чтобы прийти к господству Принципов (Законов), уйдя от власти Лиц. На исторических судьбоносных поворотах нашего Отечества пока что именно вечевые, а не демократические начала брали верх. Как заметил Бердяев, у русского народа «сильная стихия опрокидывает всякую норму». Вспомним эти крутые повороты. Угасла династия. На престоле выборный царь Борис Годунов. По всем параметрам это куда лучший царь, нежели его предшественники — что блаженный Федор, что кровавый Иоанн. Но на нем кровь зарезанного царевича. Действительная или мнимая — не имеет значения: этим все предрешено. Не законность или незаконность избрания, не поступки царя определяют его судьбу,— исключительно эмоциональный момент — проклятие... Лжедмитрий — не важно, кто это: проходимец или восставший из небытия наследник — вносил в русскую почву зачатки демократии, хотя бы в варианте Речи Посполитой, он был мягок и незлобив. Но... у него жена «полячка», он не «такой». Он лично. И судьба его предрешена.

Может быть, все это потому, что оба царя незаконны в глазах общества? Нет, не в этом дело. Дело в личностях и вечевой стихии. Немецкая принцесса София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская — муже- и цареубийца, в ней нет и капли русской крови. Но узурпированный ею трон куда надежнее законных престолов. Так что не Принципы, не Законы определяли судьбу державы и народа — все те же Лица.

Мы ломаем свою административно-командную систему, изживаем партийный диктат и одновременно донашиваем старые одежды единовластия. Пока мы еще не можем предвидеть, какой характер будет у президентского правления — демократический или авторитарный. Депутатов не случайно занимал этот вопрос. Он не может не волновать и общество: речь-то о принципиально новом в характере власти. В России иногда довольно легко скидывали царей. Но никогда не удавалось ограничить их самодержавную власть. Когда призвали Анну Иоанновну, она, если помните, по прямому наущению гвардейских офицеров разорвала «кондиции» — некое подобие парламентского ограничения власти. А уже упомянутое «завещание Ленина»? Его «разорвали» стоящие у подножия воздвигаемого для Сталина трона: когда же он узурпировал власть, в принципе бы мог найтись смельчак, который бы его убил, но ограничить власть тирана уже было невозможно.

Ни на святой допетровской Руси, ни в Российской империи никогда не было борьбы за демократию и свободу. Вспышки борьбы за волю, бунты — это было. Наши пращуры, когда становилось невмоготу, поднимались на бояр-притеснителей, на тогдашние «кремлевские мафии» и крушили все и вся. Но на хозяина Кремля не поднимались никогда. Вдохнув глотка безудержной воли, шли в привычное рабство. Каждый бунт за волю не ограничивал самодержавного царя, а лишь утверждал его власть, ибо понятия демократической свободы никак не укоренялись на родной нашей почве. Царя-тирана прославляли, за Царем-освободителем гонялись четверть века и таки доконали. Реформы середины прошлого века в народе встретили с настороженностью, а не с восторгом. Что это за свобода, если за землю надо вносить выкупные платежи ее законным собственникам. Вот когда в 1917-м на короткий миг дали волю громить дворянские гнезда и делить, что от погрома осталось,— вот это пришлось по душе.

В этом смысле пророчески прозвучали слова Белинского: не в парламент побежал бы освобожденный русский народ, а в кабак побежал бы пить вино, бить стекла и вешать дворян. Обидно? Конечно. Но разве в нынешней ситуации не проглядываются те же родимые черты и пятна? То, что «генсек-освободитель» подвергается критике, как это было, например, во время выдвижения его на пост Президента, это нормально, это демократия, по крайней мере ее элементы. Но когда безнаказанно треплется и поносится имя главы государства на партконференциях и митингах — это томление по всесокрушающей воле. Наши митинги, санкционированные или незаконные, все время заряжаются энергией бунта. Это, конечно, более привлекательно, чем дебаты в парламентах по процедурным вопросам. Но насколько конструктивно? Очень точно ведь замечено, что во время голодного бунта толпа способна громить пекарни.

Нам крайне трудно, гораздо труднее, чем на Западе, искать и утверждать конституционные демократические начала, ибо идея правопорядка никогда еще не овладевала до конца российским народом. Запад проходил эту науку веками. У нас совершенно нет времени, но зато есть мировой опыт. Лишь бы не шарахаться от него, не считать себя «третьим Римом», которому никто не указ, а он сам указ всем другим. Лишь бы отойти от идеи особого пути одной отдельно взятой страны, не желающей быть похожей ни на кого.

Очевидно, сложность нашей реформации, которую называют во всем мире перестройкой, в том, что она требует внедрения начал законности и порядка во всю ткань жизни — политической, экономической, бытовой. Это трудно на нашей почве потому, что законность неразрывна с соблюдением формальных запретов и разрешений, нравятся они народу или не нравятся. Регулярность претит «славянской душе» в большей степени, чем «германской». Опять на поверхность выплывает конфликт Принципа и Лица. Но если все же утверждать Принцип и Закон, то необходимы жертвы, даже такие жертвы, которые вызываются не необходимостью, а всего лишь соблюдением формы. Сошлюсь опять на аналогию. Галлы захватили юный тогда еще Рим и осадили последний его оплот — Капитолийский холм, где заседал сенат. Народ собрал войско вне стен города, но главнокомандующий мог быть назначен только сенатом. С риском для жизни безымянный воин пробрался сквозь вражескую армию, залез чудом на осажденную скалу и получил от сената необходимый документ — только тогда полководец вступил в должность.

Никакого здравого смысла в такого рода формализме. До правопорядка ли тут? Но то, что Рим стал мировой державой,— исторический факт... И не потому, что его граждане были умнее и храбрее. Законы там были выше Лиц в отличие от всех тогдашних племен и государств.

Мы сейчас в пиковом положении. Нам надо, обязательно надо создать демократическое общество, и у нас нет времени для этого. Нам надо выработать процедуры и законы, что требует рассудительности и спокойствия. А у нас все время чрезвычайное положение. «Чрезвычайное» мы впитали, увы, с молоком матери-революции. Собственно, с Октября 1917-го все у нас происходило под этим индексом: индустриализация, коллективизация, целина, космос, не говоря о годах войн,— все любой ценой, с напряжением последних сил, не считаясь с потерями. Немудрено выработаться особым «генам чрезвычайности»! Но чрезвычайность — всегда антиправо.

В таких обстоятельствах Съезд выбирал и первого Президента страны. Никто не скрывал: всенародные выборы были бы демократичнее. Но в данных обстоятельствах... Я был уверен, что будет избран именно этот Президент. На сто процентов и даже больше. Но всякий раз у меня внутри что-то обрывалось, когда появлялась хотя бы тень иного варианта. Во время президентских выборов А. Нуйкин писал в «Известиях» (№ 72): «Он нам и перестройке необходим... Как лидер. Другого у нас нет». Это не частное мнение публициста, уверен. И у меня сомнений нет в личных достоинствах Президента. Он творец той политической обстановки в стране, о которой несколько лет назад не могло присниться и в сладостном демократическом сне. Но если «нет другого», то в этом и драма становления демократической государственности, ее слабость.

Мы связывали всю свою реформацию с одним Лицом. Горбачев мужественно пошел на такие преобразования, которые его самого — Первое Лицо — вывели из сферы неприкосновенности. То есть сам поставил себя в положение, в котором никогда еще у нас не был ни один «руководитель партии и правительства», включая Ленина: того критиковали, но лишь в узком партийном кругу. Это, согласитесь, ново и непривычно. И мы иногда захлебываемся. Ах, разрешили не стесняться в отношении Первого? Давай, жми на все педали. Горбачев — достаточно выдержанный человек и искусный политик, чтобы спокойно, за редким исключением, к этому относиться. Гораздо труднее, полагаю, было иное испытание, появление того «другого», которого не мог разглядеть Андрей Нуйкин, как, впрочем, и все мы.

Ельцин, как носитель отрицательного, конфронтационного начала, был, конечно, неудобен, но понятен, успел стать даже привычным. В этом качестве он мало чем грозил Первому. Но когда он стал конструктивным лидером, сравнимым соратником по перестройке, в известном смысле — «другим Первым», вот тогда наступил экзамен посерьезнее привычной конфронтации. Наверное, Горбачеву было нелегко, но он испытание выдержал, остался верным тем демократическим принципам, которые провозгласил. Согласитесь, ни у одного меня вырвался вздох облегчения, когда Президент Горбачев встретился с Председателем Ельциным и они пожали друг другу руки. Для всей страны это не просто жест, а для российского парламента — словно залп по грозовым тучам...

Но испытание было ниспослано не только вождям. Увы, не парламентскими и демократическими началами руководствуются некоторые народные витии, выступающие в печати и с телеэкранов. Скорее ими владеют завещанные нам пращурами «гены рабства и бунта»: лишь бы «скинуть князя». Что будет? Как будет? Кто придет? Этими вопросами пророки и пророчицы не задаются, с вожделением предрекая лишь смену лиц. Опять Лиц!

Говорят: на I Съезде народных депутатов СССР сразу же выдвинулись яркие личности. А на российском-де Съезде этого нет. Стоит ли этим огорчаться? Больше обнадеживает тот факт, что российский Съезд принял два документа, утверждающие принципы демократической государственности: Декларацию о суверенитете вначале и постановление о разграничении функций в конце. Да и вообще Съезд шел планомерно, поступательно, без дерганий под давлением злобы дня. Регулярность, думаю, ценнее «даров судьбы». Особенно для России. Ибо регулярность — вне отечественных традиций и аналогов российского законотворческого процесса. В старых парламентских демократиях он идет по широкой накатанной дороге. У нас пока — словно по струне, натянутой над бездной стихий. Бог с ними, с яркими личностями, удержаться бы на этой струне. Лица придут...

Юрий ФЕОФАНОВ

■

В понедельник, 25 июня, рейс № 252 из Парижа прилетел в Москву с опозданием. По этой ли причине или потому, что, как объяснила бортпроводница, Шереметьево не приспособлено к нынешнему наплыву авиапутешественников, только самолет не причалил, как принято, к рукаву, а остановился посреди поля. Ждали трапа. Ладно, дело для тех, кто более приучен к отечественным, чем к «их» нравам, не новое. Но вот трап наконец подан — нас, столпившихся в нетерпении у выхода, останавливают. Сначала выйдут пассажиры первого класса. Их трое. Среди них замечаю лицо, знакомое по телевизионному экрану и фотографиям в газетах миллионам людей. Ярый ревнитель завоеваний колхозного строя, обладатель доброго десятка высоких титулов, Василий Александрович Стародубцев не спеша спускается по трапу, и только после этого великодушно дозволяется ступить на него простым смертным. В том числе женщине с ребенком, одетым отнюдь не по московской погоде — в легкое платьице. Стоим на лестнице без движения: пограничники не разрешают выйти на поле.

Между тем к трапу подкатывает автобус, и лучший друг советского крестьянства располагается в его салоне, нисколько не смущаясь по тому поводу, что огромная машина укатит порожняком, а его недавние спутники в полном недоумении, растерянности и кипении самых разнообразных чувств останутся на ступеньках.

Пограничник, озабоченный тем, что трап может рухнуть, предлагает всем возвратиться в салон, чтобы там дождаться, пока вернется автобус. Но мы, пассажиры так называемого экономического класса, хоть и говорим на разных языках, проявляем солидарность и отказываемся тащить свои сумки теперь уже вверх по лестнице. Сжалившись, нам разрешают спуститься на земную твердь, и мы жмемся друг к другу под ветром и начинающим накрапывать дождем. А автобус почему-то задерживается, и потому, когда в конце концов мы (все без исключения) забираемся в его теплое нутро, никто уже вслух не вспоминает о возмутительном недавнем его отбытии.

Никто, кроме меня и какого-то иностранца, который в ожидании багажа обменивается со мной впечатлениями. Мы оба говорим не на самом изысканном английском, и все-таки я понимаю его горький вопрос: «Теперь вам ясно, какими принципами такие, как этот ваш босс, никак не могут поступиться? Да возможно ли то, что мы с вами только что видели, при нормальном порядке вещей?»

Я молчу, потому что воспитана в старых правилах: о родимом Отечестве с чужестранцем — только хорошее. Но мне очень хотелось бы дознаться, что думает о чести этого самого Отечества человек, чей главный титул — народный депутат СССР. Ничего не скажешь: с народом, на чьи кровные денежки с удобствами вояжирует его покорный слуга, смешиваться этот слуга по-прежнему не желает.

Читатель догадывается, должно быть, как не хотелось трепать громкое имя этого человека. Пыталась спорить с самой собой: разве именно он виноват? В конце концов не он первый и не он последний. Так заведено. Мол, что положено Юпитеру... А сведущие люди еще и добавляли: так делается во всех аэропортах мира.

Не знаю, не знаю. Сравнений с иными аэропортами не терплю, потому что никто ведь не сравнивает наши магазины с теми, что блистают витринами несколько западнее Бреста. Знаю другое: покойный Андрей Дмитриевич Сахаров, осененный не только депутатским флажком, но и всемирной славой, никогда не поступил бы подобным образом. Наверняка остановился бы в дверях поданного ему автобуса и, неловко склонив голову, позвал: да что же вы — садитесь поскорее. Конечно, все зависит и от совестливости, и от воспитанности того, кому положены и этот автобус, и многое другое. Но, определяя меру положенного, тоже не худо бы поразмыслить о том, как отражаются в сознании неизменно многочисленных наблюдателей сценки, подобные описанной, чему способствуют, на какие раны сыплют соль. Нет, мне кажется, если времена так изменились, пора меняться и нравам.

И. ОВЧИННИКОВА

ПРОШУ СЛОВА!

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

«МЫ НЕ СЕЕМ И НЕ ПАШЕМ...»

ИЗ ОПЫТА ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ ПОГОДОЙ

...Образцовому городу — образцовую погоду!

19 октября 1981 года Моссовет выносит решение № 3013, перевернувшее общефилософское понятие о сложности и неделимости природы. Производственному главку, ведающему дорожным хозяйством, предлагалось заняться совершенствованием... метеоусловий в столице путем «перераспределения осадков в Москве и Московской области». Не вдаваясь в подробности этой сложнейшей во всех отношениях задачи, отметим, что уже сама ее постановка была неправомерна,— ущемлялись права жителей тех районов, над которыми имелось в виду осаждать избыточные для Москвы осадки, к тому же замешенные на искусственных примесях.

Принятое Моссоветом решение прямо противоречило и выводам сессии ВМО (Всемирной метеорологической организации), согласно которым работы по перераспределению осадков методами активного воздействия на облака ввиду непредсказуемости их результатов следует относить к сфере научных исследований, не более того. Это означает: данная технология научно еще не обоснована, внедрять в производство ее нельзя! Наши чиновники обходят это препятствие, прикрывшись ширмой производственного эксперимента: хорошо пойдет дело — инициатива наша, что-то вдруг не заладится — проводим эксперимент (в самом густонаселенном районе страны!).

Конечно, прояви Госкомгидромет

принципиальность — идея быстро бы захлебнулась. Но этого не произошло. После непродолжительного бойкота авантюрной новации наука спасовала и, сломленная столичной администрацией, оказалась в одной упряжке с Моссоветом. При Главмосдоруправлении образовалась метеоконтора (экспериментально-производственная лаборатория), производящая улучшенную для Москвы погоду.

Приближались ноябрьские праздники. Буквально за считанные дни (напомним: решение о создании ЭПЛ было принято 19.10.81 г.) выбиты самолеты, топливо, проведены согласования (вернее, даны указания) по обеспечению режима полетов в перегруженной движением Московской воздушной зоне. Штабами ВВС и ПВО сняты ограничения по внетрассовым полетам, и в ночь с 6-го на 7-е авиазвено Ил-14 Мячковского авиаотряда подается под загрузку реагента.

Твердая углекислота — в 20-килограммовых брикетах, дробить нечем, а к Красной площади уже подтягиваются войсковые колонны. Часовой механизм партгосмероприятия заработал, и никакая сила уже ничего не могла изменить. Брикеты размяли гусеницами трактора, то, что удалось собрать, побросали на борт и уже в полете «гранулировали» куски до безопасных для сбрасывания размеров молотками... Позже у местного совхоза приобрели кормодробилку, но разве это могло что-то изменить? Сколько бросать реагента, какого и куда — никто толком не знал, не знает, кстати, и сейчас, так как все существующие на этот счет рекомендации науки относятся к облакам, не дающим естественных осадков.

Только такие облака, да и то при довольно редких обстоятельствах поддаются какой-то объективно регистрируемой трансформации при их засеве осадкостимулирующими реагентами; все же попытки человека «руководить» уже начавшимся процессом выпадения осадков ничего не дают: они просто не обнаруживаются на фоне больших колебаний естественных факторов. Образно говоря, в деле защиты Москвы, и в частности Красной площади, от непогоды результаты, идентичные нашим, можно было получить и путем разгона облаков палками с колоколен Кремля...

В день первого же вылета авиазвена ЭПЛ (7 ноября 1981 г.) с целью улучшения погоды боженька сильно осерчал и, оскорбленный недоверием коммунистов, брызнул на «метеозащищаемую» Красную площадь снежной мокротой, наивно полагая, что таким образом образумит их и избавится от нежданно-негаданно появившегося в его владениях «ПИСКа» — такую образную аббревиатуру подобрали для нашей лаборатории специалисты Центральной аэрологической обсерватории — из инициалов руководителей ЭПЛ,— но вложив в нее прежде всего потенциал самой новации.

Вскоре стало очевидным, что работа ЭПЛ не имеет ничего общего с проведением эксперимента. С первых же дней она превратилась ретивыми администраторами в ритуальное мероприятие, в демонстрационный фарс. Выделяемые на обслуживание таких мероприятий самолеты выпихивались на вылет столь спешно и «организованно», что на некоторые из них не успевали загрузить реагент, и «метеозащитники», заправленные под завязку топливом, в течение многих часов «улучшали погоду» винтами. (Летчиков винить здесь не надо. Профессионально ощущая авантюрность затеянных аппаратом метеоигр, они позволяли себе не страдать хотя бы материально.)

«...Первому и второму авиазвеньям сосредоточиться в районе Волоколамска... Сброс реагента производить по схеме «этажерка» со всех бортов одновременно, дозировка — максимальная...»

Эти выдержки из предполетных указаний экипажам говорят о весьма нелегких ситуациях, которые возникают на атмосферных фронтах циклонов, где, не жалея живота своего и средств народных, бьются с облаками и осадками метеозащитники столицы, пытаясь то ли пробить в них искусственную брешь в целях «недопущения...», то ли найти естественное окно в целях спасения... Трудное дело летать во фронтальных облаках, немыслимое — бороться с ними. Дающие свыше 90 процентов всех осадков, с зонами сильных ветров и обледенения, они в лучшем случае не реагируют на комариные укусы вторгшихся в их многокилометровую толщу инородцев. Чаще такие облака приходится обходить стороной, сбрасывая куда попало так и не пригодившийся реагент...

Надо сказать, что наука, хоть и прикрыла своим авторитетом новацию, в открытую все же не решилась делать погоду сама, научных сотрудников официально в штаты ЭПЛ не делегировала и удовлетворяла свое извечное любопытство с весьма удобной позиции наблюдателя. Профессиональное ядро необычного для Главмосдорупраления подразделения составили инженеры-бортаэрологи Центральной аэрологической обсерватории (ЦАО) — автор в их числе,— уже вышедшие на пенсию и, вероятно, потому согласившиеся участвовать в необычном предприятии. Конечно же, мы полагали, что будем участвовать в хорошо поставленном эксперименте, и надеялись получить какой-то объективный результат (пусть даже и отрицательный), причем без значительных материальных затрат, силами 2—3 экипажей.

...Мы полагали — начальство располагало, в результате чего вскоре пришло ощущение несбыточности наших надежд. Начальник Главмосдорупраления Лившиц Борис Аркадьевич (спонсор и хозяин ЭПЛ) имел более четкую программу: быстро нарастить объемы авиаработ до уровня, соизмеримого с затратами на уборку московских улиц от снега (а это многие миллионы рублей ежегодно), внедрить таким образом в производство новую «технологию». Уже через год после создания лаборатории, вероятно, для того чтобы вселить уверенность и в нас, он заявил: «Авиаработы по метеозащите Москвы дают хорошие результаты, они будут расширяться и продолжаться... вечно (!)». В какой-то мере мы догадывались об истоках таких суждений. Поскольку перераспределение осадков труднообъяснимо научно, так же трудно будет и опровергать представляемые нами результаты. Но, как выяснилось позже, метеовоинственность Лившица подпитывалась благосклонностью чинов МГК КПСС. Ажиотаж нарастал. К нему подключилась пресса. Ну, разве не возгордишься, прочитав лишь заголовки газетных статей: «Чистое небо над Москвой» («Московская правда», 8.11.83 г.), «Если снег не нужен» («Известия», 6.12.84 г.), «Как усмирили циклон» («Комсомольская правда», 28.07.85 г.), «Как сделали погоду» («Известия», 28.07.85 г.). Всеобщий бум вконец расслабил самих автодорожников. Сбитые с обычного трудового ритма появлением «самолетной метлы», они резко ухудшили качество уборки города от снега. Понять их вполне можно: по данным ЭПЛ, эта самая метла «снимает» за зиму в черте города... до 40 сантиметров снега! Вот и поглядывали с надеждой на серое небо уставшие бороться с нудно падающим снегом дворники: «Где вы там, защитнички наши? А ну-ка поднатужьтесь да сдуйте прочь от Москвы этот опостылевший снег... Ведь денежки берете немалые — за два-то миллиона нам и студенты перелопатят его куда угодно...»

Уже в первый же длинный день 81—82-х гг. нас поставили на круглосуточную вахту по борьбе со снегопадами, хотя к тому времени не было у нас даже «временной методики» по такой борьбе.

Облака (особенно фронтальные) — сложнейший, постоянно меняющий свои характеристики, можно сказать, живой природный объект, и прежде чем воздействовать на них с целью искусственного вызывания осадков, конечно же, необходимо провести исследования, зафиксировать физическое состояние, прощупать, что называется, пульс облака или облачной системы. Именно точность и постоянство такой фиксации и определяют в основном качество проведения эксперимента. Мы же, бросая реагент (измеряя при этом его количество лопатами), часто не имели понятия, куда он попадает: в облака, в слой дымки или в межоблачную прослойку,— в условиях отсутствия видимости горизонта и естественных ориентиров без соответствующих приборов определить это в полете практически невозможно.

Успокаивали себя тем, что специально под наш эксперимент разрабатывается новая авиатехника (вокруг ее создания почему-то существовал некий ореол таинственности). Все ждали ее с нетерпением. К лету 85-го года, к началу Всемирного фестиваля молодежи и студентов, первые машины Ан-30 «МЕТЕОЗАЩИТА» прибыли в Быково, а модель этого самолета — на ВДНХ. Поговаривали о возможном участии на Международной выставке. И каково же было наше удивление (если не испуг), когда мы, бортаэрологи, не обнаружили на борту этого отмеченного медалями чуда техники ни единого (!) прибора для исследования облаков и осадков.

Здесь мы подошли, дорогой читатель, к самым темным закоулкам метеозащиты — к подсчету ее эффективности. Поскольку с борта самолета следы ее не видны (при довольно редком стечении обстоятельств иногда можно наблюдать образование просветов в тонких слоях переохлажденных облаков), попробуем уже на земле вместе с теоретиками «снегоразгоняющей метлы» определить, что же все-таки «намела» за восемь лет эта метла.

Исходные данные, как мы определили — липовые, для машинной обработки не годятся. Но мы, как говорится, в столбик — так, как считали сами специалисты, в основном отставники армейской метеослужбы (для сомневающегося человека это дело непосильное).

Суть методики необычайно проста. Отбираются карточки метеоданных, в которых количество осадков, выпавших в Москве, меньше, чем в районах проведения воздействий. Естественно имеющей место разнице присваивается наименование — «количество снятого в Москве снега». Природа преподносила иногда счетчикам и более приятные сюрпризы. Это происходило в дни, когда снега в Москве не было, а в районах, где коптили небо «метеозащитники», он выпадал. В таких случаях «умельцы» вносили весь этот по нечаянности не дошедший до столицы снег в свой актив под упомянутым наименованием «количество снятого в Москве снега от полностью недопущенных снегопадов» (да простит меня читатель за эту абракадабру, но, если есть желание добраться до «кухни погоды», надо терпеть).

К концу зимнего сезона «данные» (в сантиметрах) передавались экономистам и финансистам, которые эти условно снятые сантиметры переводили в якобы вывезенные с московских улиц кубометры снега. Слой свежевыпавшего снега толщиной всего в 1 сантиметр при перерасчете на площадь московских улиц и тротуаров дает в объеме более 600 тысяч кубометров. Если учесть, что его вывозка самосвалами по нормам обошлась бы не менее чем в 300 тысяч рублей, становятся понятными огромные возможности для манипулирования показателями эффективности. Для того чтобы авиаработы по метеозащите были прибыльными, требовалось одно — предоставить данные о «снятых сантиметрах снега»... Ну а их счетчики ЭПЛ поставляли исправно (в среднем это 25—30 сантиметров в год).

Из расчетных затрат на уборку и вывозку якобы не допущенного к Москве снега вычитаются затраты на содержание ЭПЛ, и образовавшаяся разница объявляется экономией за счет внедрения в производство названного метода и самолета Ан-30М. При показателях «снятия снега» в 30 сантиметров и затратах на содержание ЭПЛ в 2 миллиона рублей эффективность авиаработ может, например, составить:

300 тыс. руб. × 30 см — 2 млн. руб. = =7 млн. руб!

Но будем снисходительны к счетчикам. Они, вероятно, считали бы и «как положено», если были бы на этот счет объективные рекомендации, а их у науки пока нет. Вот и запутывают метеополковники из групп «недопущения» автодорожников столицы. Тех же, кто не верит в «снятые сантиметры», добивают совсем уж прямолинейным методом — метеозащитой партгосмероприятий.

В качестве наглядного примера почитайте фрагмент из «Отчета ЭПЛ о проведенных авиаработах с задачей обеспечения наиболее благоприятных погодных условий в Москве в день выборов в Верховный Совет СССР 4 марта 1984 г.»: «Прогноз погоды: переменная облачность, ветер ЮВ. Фактическая погода: облачная, **без осадков**. Поставленная задача — ВЫПОЛНЕНА».

Действительно, в то время, когда проводились авиаработы, осадков в Москве не было. Так распорядилась Природа. Счетчики же распорядились по-своему.

В таком же ключе составлен и отчет об авиаработах, проведенных 14 февраля 1984 года, в день похорон Андропова Ю. В. ...Да, метеозащитой обеспечивались и живые, и ушедшие в мир иной — лишь бы был соответствующий ранг. Непонятно только, при чем здесь эксперимент и зачем покойнику «улучшенная погода»?

Летали «метеозащитники» и в день похорон Брежнева. Летали просто так, как приложение к траурному церемониалу — другого объяснения нет, как нет и другого смысла в подобной метеозащите.

Помнится, болтались мы тогда в тоске и безделье над слоем теплых облаков (которые не только наша четверка Ил-14 не разгонит — авиадивизии будет мало) и думали: «Не дай бог в момент погребения облака раздвинутся и засияет солнце! Для кого-то радость, а вот родня Брежнева может обвинить нас в кощунстве».

Можно продолжить перечень метеоуслуг, предоставляемых Московской метеоконторой. Монополия на исходную и конечную метеоинформацию при отсутствии объективных средств контроля позволяла и позволяет ей браться за выполнение любых заказов, не боясь разоблачений. Да и разоблачать некому: аппарат набирает на этих играх очки, ну, а всем остальным выдается строго дозированная информация, в основном, конечно, рек-

ламного характера. Народ верит.

Многие люди убеждены, что погоду у нас при случае могут «сделать». Приводят примеры. Ссылаются, в частности, на «Олимпиаду-80»... Да, действительно, погода тогда удивила всех: на общем фоне дождливого и прохладного лета изолированным солнечным пятном выглядели две недели, отведенные празднику спорта. Так было. Но разве можно представить, что такую благодатную брешь — размером с пол-Европы — сотворил человек? Нельзя. Вот разве если только человек этот — советский... А если без шуток, надо еще раз поблагодарить наших, советских, синоптиков, сумевших рассчитать лучший вариант по более чем 100-летнему статистическому ряду наблюдений. Ну и, конечно, самого Господа Бога, который, приняв во внимание благие намерения метеорологов-мирян, не стал им возражать...

...Никто не решался усомниться в целесообразности метеозащиты потому, что целесообразность эта определена рекомендацией МГК КПСС. Вот и скатывались вниз по цепочке указания, возникшие не от ума, а, как говорится, на нервной почве. «Ну, сделайте же что-нибудь! Догоните в конце концов. Догоните и уничтожьте!» — вот с таким возбужденно-испуганным требованием обратился однажды на пункт управления полетами один из ответственных Заказчиков «улучшенной погоды» после того, как ему доложили, что к Красной площади приближается дождевое облако...

Деятели, заказывающие «улучшение погоды», масштабов онаученных безобразий могут и не представлять. Но наука знает все. Знает, например, о том, что полеты по таким заявкам в большей части используются для «накручивания» налета часов, и способствует этому. Вот еще два примера.

25.2—6.3.86 г.— XXVII съезд КПСС. В Москве, как и почти во всей Европе, стоит устойчивая антициклональная погода. Легкий, приятный морозец. Так было в течение всех дней работы съезда. И в течение всего этого времени ЭПЛ проводит его круглосуточную «метеозащиту». Налетано более 300 часов, и только арендная стоимость самолетов на эти дни составила почти 150 тысяч рублей!

18, 19, 20 сентября 1987 года. Мероприятия, посвященные Дню Москвы. В небе Подмосковья также почти круглосуточно «улучшают погоду» два авиазвена Ан-30 и Ан-12, оборудованных для сброса большого количества реагентов. Посильную лепту вносят старушки Ил-14 и Ил-18. Со всех бортов ведется интенсивный засев натекающих на Москву облаков углекислотой и обстрел пиропатронами. Где-то выше этой многосамолетной вращающейся «этажерки» и чуть в стороне (чтобы ненароком не сбросить на своих) сериями отстреливает многокилограммовые упаковки с цементом экипаж стратегического бомбардировщика Ту-16. В общей сложности налетав около 200 часов, эта воздушная армада обошлась казне почти в столько же тысяч рублей. Впечатляющая акция! И абсолютно неадекватный итог: 18 и 19 сентября погода в Москве точно соответствовала прогнозу и ее характеристики не выходили за пределы естественного состояния, а 20 сентября количество осадков в Москве оказалось значительно большим, чем в районах, где проводился засев облаков. И здесь впору предъявлять метеозащитникам иск за УХУДШЕНИЕ ПОГОДЫ... И этот пример не является исключением. Ученым Госкомгидромета СССР и лично его председателю члену-корреспонденту АН СССР Израэлю Ю. А. должно быть известно, что осадки в Москве в результате проводимого ЭПЛ «перераспределения» вероятнее всего УВЕЛИЧИВАЮТСЯ!!!

Летом 1986 года КПК при ЦК КПСС создает комиссию из ведущих специалистов по активным воздействиям Госкомгидромета СССР для рассмотрения письма доктора физико-математических наук Лескова Б. Н. Комиссия принимает решение: лабораторию ввиду некомпетентного проведения эксперимента ликвидировать, средства передать науке для продолжения исследовательских и экспериментальных работ по данной проблематике с учетом интересов Моссовета.

Приняв это объективное решение за оскорбление, московские чиновники кулуарным методом добиваются у того же КПК создания другой комиссии, состоящей не столько из специалистов, сколько из искренних партийцев, поддержавших пошатнувшуюся в этом деле позицию МГК: решение пересматривается — лаборатории дается год для «коренного усиления межведомственной кооперации с привлечением подразделений АН СССР и ГКНТ». И хотя указанные высокие организации и поныне не привлечены, время было выиграно, ну, а дальше было, как говорится, дело «техники»: эксперимент забюрократизируется так искусно, что отныне у ЭПЛ уже не возникает никаких проблем с проверками.

Избавившись не без помощи КПК от оппонентов, метеозащитники еще более решительно берутся за выполнение заказов по преобразованию погоды.

Полетные задания напрямую увязываются по времени с программами мероприятий. Чем выше ранг принимающих в них участие руководителей, тем большее количество самолетов и реагента выделяется для авиаработ, тем более строгий режим устанавливается в районе их проведения. Если, например, в День Победы руководители партии и правительства возлагают к могиле Неизвестного солдата цветы, то именно в это время кружится в воздухе основная масса метеозащитников. А вечером, когда по всему городу проводятся народные гулянья, погоду обеспечивают один-два борта с остатками реагента, а то и без него. И никто в это время уже не просил и тем более не требовал «догнать и уничтожить облако».

За время проведения авиаработ по метеозащите Москвы уже налетано около 20 тысяч часов! В натекающие на столицу облака сброшены тысячи тонн углекислоты, десятки тонн цемента, отстреляны десятки тысяч пиропатронов с йодистым серебром и свинцом. Вполне понятно, что вся эта «химия» вперемежку с ядовитыми продуктами горения самолетного топлива осаждается на землю. Может быть, на усредненного жителя Московской области доза и незначительна. Но если учитывать, что сброс реагентов согласно розе ветров производится в основном над одними и теми же районами, то для конкретного жителя этих районов она будет вполне осязаемой, тем более что идет в виде добавки к уже достаточно загрязненной природе Подмосковья. Между прочим, летом 1985 года, после завершения крупномасштабных авиаработ по метеозащите Всемирного фестиваля молодежи и студентов, в некоторых районах, в частности в Загорском и Дмитровском, необъяснимо быстро почернел картофельный лист... Объективных доказательств вины метеозащитников здесь нет, но дело в том, что такие доказательства никто и не собирает: метеоигра идет в одни ворота.

Серьезную угрозу здоровью тысячам людей несут ночные полеты метеозащитников, эксплуатирующих известные своим неукротимым ревом самолеты Ан-30. Жители, проживающие в районе аэропорта «Быково», где они базируются, хотя бы знают, на кого им жаловаться! А каково тем, кто проживает вблизи ночных рабочих трасс, по которым взад-вперед снуют на малых высотах эти неизвестно откуда прилетевшие монстры. Проблема эта не будет казаться малозначительной, если учесть, что по правилам ИКАО (международная авиационная организация) ночные полеты на малых высотах в густонаселенных районах запрещаются вообще, а закомплексованная шапкозакидательскими лозунгами ЭПЛ в зимнее время проводит их почти еженощно, да не одиночным самолетом, а группой, летающей по схеме «этажерка» укороченными галсами или кругами с радиусом не более 10 километров... Вряд ли долго утюжило бы это скопище ревунов небо, живи в тех районах московские руководители!

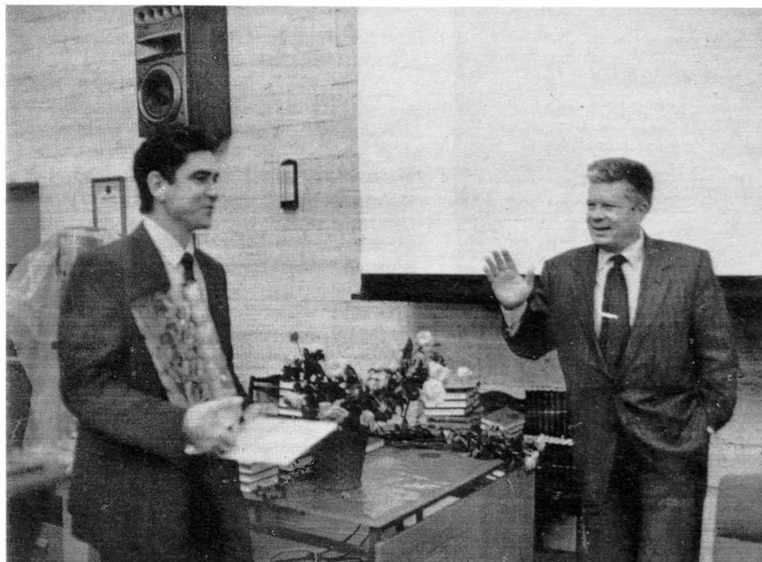
Что будет дальше? Пока метеовозня с так называемым «перераспределением осадков» приобретает все большую масштабность. Действия основного подрядчика — Госкомгидромета СССР — сопоставимы теперь с намерениями бывшего Минводхоза, одурачившего в свое время общественность глобальными проектами перераспределения земных вод. Метеорологи уже сейчас выполняют производственные работы на миллионах гектаров, засыпая их то ли искусственными дождями, то ли химическими реагентами, причем количество заказчиков на подобные метеоуслуги, а также объемы таких услуг год от года увеличиваются. Так, якобы в целях скорейшего решения Продовольственной программы проводятся уже в производственных масштабах работы по увеличению осадков в некоторых районах Украины, Молдавии, Грузии. Планируется их значительное расширение. Завороженные тенденциозно подсчитанной эффективностью таких работ, производители искусственных дождей, не задумываясь, за счет кого и чего это делается, готовы обеспечить ими всех жаждущих. Пополняется «отжимками» из облаков озеро Севан, прорабатывается такой же вариант по Аралу.

С натяжкой применение до конца еще не апробированных методов активных воздействий на облака можно было оправдать в 1986 году, когда Госкомгидромет пытался не допускать дожди в район Чернобыльской АЭС (в целях предотвращения возможности смыва ими радиоактивных веществ в реки). Но к чему проводить крупномасштабное перераспределение осадков в районах Средней Азии? Не надо думать, что, иссушив за несколько ударных пятилеток море благодаря лозунгу «Даешь стране хлопок», можно из встречного — «Спасем Арал» — выжать эту влагу обратно, не причинив вреда какому-либо другому региону.

В последнее время у Госкомгидромета появился конкурент — А. Чумак. Он утверждает, что может управлять и погодными условиями — «раздвигать облака». Вероятно, часть заказчиков переориентируется на более дешевое метеобслуживание — к Алану Владимировичу. Дай Бог ему здоровья: много денег народных спасет. А может быть, и природу, ведь для достижения тех же целей ему не требуется засыпать ее (в отличие от метеорологов) химреагентами. Не обострит его метод и межтерриториальные отношения при юридических разбирательствах по поводу определения принадлежности облаков.

Юрий ИЛЬИН,
инженер-бортаэролог,
бывший сменный руководитель
авиаработ
по метеозащите Москвы

И СНОВА МОСКВИЧИ!

Член-корреспондент АН СССР С. Н. Федоров вручил приз «Огонька» Н. П. Паштаеву, заместителю директора московского филиала.

У А. В. Осипова приятная ноша.

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

Три года назад, открывая первый из филиалов, чебоксарский, генеральный директор межотраслевого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза» С. Н. Федоров прогнозировал: «Когда войдут в строй все двенадцать филиалов, мы будем делать тысячу операций в день, в год — двести тысяч...»

Сегодня в строю все 12 филиалов; московский имеет отделение в болгарском городе Албена; кроме того, на берегу Персидского залива, в Дубае, в Объединенных Арабских Эмиратах, бросила якорь плавучая клиника.

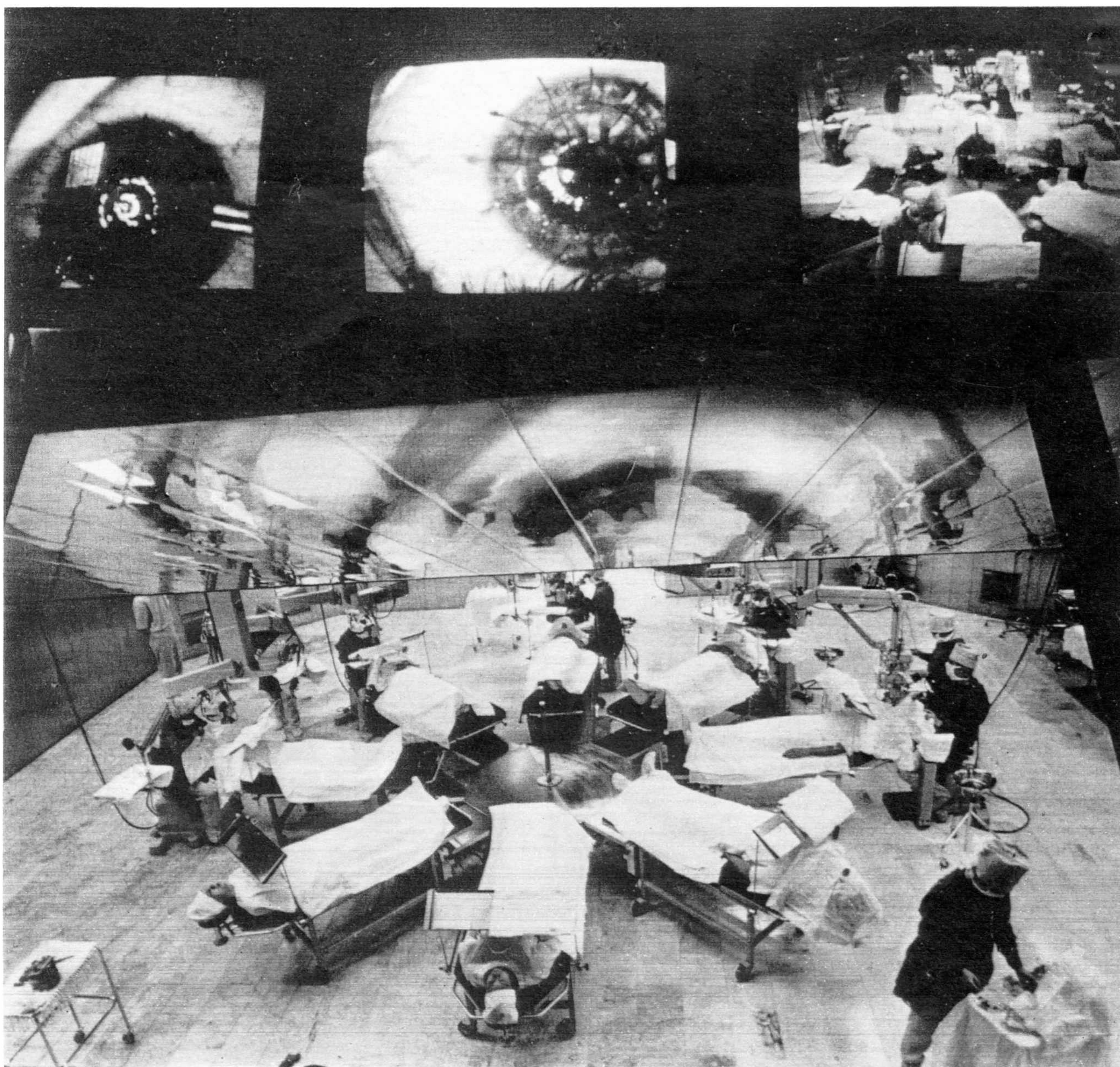
Недавно на обычной утренней конференции офтальмологи доложили: за минувший день сделано полторы тысячи операций. А всего в прошлом, 1989-м году благодаря им прозрели и были спасены от неминуемой слепоты 203 281 человек. Кроме того, только в самом институте прошли обследование и получили консультацию более 300 тысяч больных.

По итогам традиционного соревнования филиалов комплекса за переходящий приз журнала «Огонек» снова, как и в прошлом году, лучшим оказался столичный. Здесь успешно осуществляются сложнейшие реконструктивные операции глаза. Достаточно привести всего две цифры: 18 268 и 1,3. Первая — количество сделанных операций, вторая — процент выявленных при проверке и повторных обследованиях осложнений, что намного ниже, чем в обычных клиниках.

Персональной премии, как лучший научный сотрудник головного института, удостоен Алексей Валентинович Осипов. Им разработана технология получения новых, биосинтетических материалов, уже нашедших применение в ряде операций. Лучшим хирургом года признана Валентина Ильинична Синедубская, определившая новые методы лечения отслоений сетчатки с помощью специальных клеящих веществ. Лучшей медсестрой стала старшая медсестра Галина Семеновна Тихонова, ветеран института,— она здесь с 1974 года.

А. В. Осипову, В. И. Синедубской и Г. С. Тихоновой вручены почетные грамоты журнала и комплекты литературных приложений к «Огоньку».

Идут операции...

...Я НЕ БЫЛ ДИССИДЕНТОМ — МЕНЯ ЗАСТАВИЛИ ИМ СТАТЬ...

ИГРА БЕЗ ВАРИАНТОВ

Сразу хочу предупредить: я не подписывался рассказать о всех шахматистах, в разное время и по разным причинам покинувших нашу страну (совсем недавно «Огонек» опубликовал мое интервью с Гатой Камским). Моя встреча с 59-летним Виктором Львовичем Корчным произошла почти случайно, но так же, как и с Камским, в Испании, только с полугодовым перерывом. Бывают и такие совпадения.

Корчной в Испании, в городе Мурсия, играл турнир по быстрым шахматам. Гроссмейстеров было много — около ста. Призов тоже немало — двадцать четыре. Первое место оценивалось в 15 тысяч долларов. Но призы из-за особенностей регламента достигались ценой необыкновенного напряжения. Обычно игралось по четыре тура в день. Час на партию, по его половине на каждого соперника. Не турнир, а путешествие на легком корабле по бурному морю. Гроссмейстер Гуфельд жарко дышал в перерыве: «Ты понимаешь! Цейтнот! А каждый ход тысячу долларов стоит! Разве можно в таком состоянии двигать фигуры?»

Корчной начал турнир хорошо. Два с половиной очка в трех турах. Зная о его вспыльчивом характере, я ходил вокруг него, но подойти не решался. Любопытство победило, да и потом, если он меня бы и погнал, кто бы видел мой позор? А тут мы оказались на обеде по соседству — и я рискнул. «Я советским журналистам интервью не даю»,— первое, что мне заявил Виктор Корчной. «Хотя нет,— подумав, добавил он,— я недавно разговаривал с одним эстонцем. Его как прикажете считать?» «Мы еще сами не разобрались,— неуклюже увернулся я,— но я не прошу интервью, мне бы хотелось просто поговорить с вами...»

Надо быть более чем наивным человеком, чтобы поверить в подобное. И, конечно, Корчной понимал меня. Тем не менее он сказал: «Пятнадцать минут после турнира вас устроят?»

Что заставило непреклонного Корчного уступить? В своей книге «Безлимитный матч» Гарри Каспаров пишет, что, возможно, из-за того, что по малолетству он не принял участия в общем поношении Корчного (было бы странно, если бы письма в газету подписывал в числе наших ведущих гроссмейстеров и 11-летний перворазрядник из Баку), точнее, его не включили автоматически в набираемый хор, в котором, безусловно, были и солисты-добровольцы, отношения с гроссмейстером-изгоем у него складывались приличные. В конце концов Корчной согласился переиграть с Каспаровым матч, в котором ему уже засчитали победу.

И хотя я постарше Каспарова и пару гадостей про «претендента» успел бы и опубликовать, но не сделал этого. Впрочем, вряд ли Корчной подозревал о моем прошлом скромном диссидентстве в советской спортивной прессе. Должно быть, меняются времена, а с ними, наверно, становятся мягче и «железные» люди.

...В конце беседы, которая действительно состоялась после турнира (правда, пять дней я заговорщически улыбался Виктору Львовичу, тем самым напоминая, что не забыл про его обещание), но продолжалась она, к счастью, несколько дольше. На прощание я сказал, что если сумею опубликовать наш разговор, то вырезку обязательно пришлю. «Зачем,— поднял брови и передернул плечами Корчной,— я прессу о себе не собираю».

Расшифровывая магнитофонную ленту, я на другой стороне кассеты наткнулся на выступление Каспарова в МАИ, причем включился в тот момент, когда он отвечал на вопрос о Корчном. Я понимаю, что еще одно подобное невероятное совпадение подорвет доверие к автору навсегда, но удержаться не в силах. Считайте высказывание Каспарова как эпиграф к предстоящей беседе.

Итак, чемпион мира о Викторе Корчном: «Это незаурядный шахматист, большой талант с совершенно невероятными бойцовскими качествами, которые позволяют ему почти в 60 лет показывать высокие результаты, хотя стабильности прежней уже нет. Что касается его человеческих качеств, то мне трудно о них судить. Но за те семь лет, что я его знаю, наши отношения всегда были уважительные. Корчной человек эмоциональный, зажигающийся.

Что я думаю насчет тех конфликтов в Багио и Мерано, которые привлекли внимание к Корчному? Он вел себя в них как обычный человек. Он, естественно, был возмущен, что на него в матчах на первенство мира обрушили мощь государственной машины и делали это не таясь. Второй матч с Карповым, я считаю, к шахматам вообще отношения не имеет. Хотя, скажу откровенно, я не думаю, что Корчной мог победить. Карпов в то время играл сильнее. Но во многом влияла и обстановка, созданная теми же людьми, которые сделали все, чтобы Корчной покинул страну. Теми людьми, которые создали ту нетерпимую обстановку в шахматах, которая существовала еще до недавнего времени.

Повторю, все его поступки были человечны, хотя порой и несдержанны. Иными словами, он по-человечески реагировал на акции, которые человеческими не назовешь. Он не мог понять, что шахматы живут в тех же измерениях, что и вся страна, даже если матч проходит за рубежом».

— Виктор Львович, я начну с традиционного вопроса советских журналистов к бывшим соотечественникам: вернетесь ли вы в Ленинград?

— В Ленинград я не приеду. Я покинул этот город навсегда. Я бы сказал, что меня вынудили покинуть Советский Союз не столько Спорткомитет, сколько обстановка, которая сложилась в Ленинграде, после того как спортивное начальство в стране провозгласило меня персоной нон грата.

— Тогда входит ли в ваши планы побывать в СССР?

— Это не исключено, хотя иностранцы, которые недавно были в Советском Союзе, рассказывают ужасы о нем. Ничего, говорят, в стране не работает. Я понял так: все, что делалось в стране, делалось по некоему военному принципу, а не для пользы населения... Военный принцип в общем-то поня-

тен — врагу насолить. В этом случае уже не до того, чтобы дать своим согражданам нормальные условия для жизни.

— Виктор Львович, существует ли такое чувство, как ностальгия, или его придумали слабые люди?

— Видите ли, когда человек уезжает, он, как правило, плохо знает язык, у него нет на новом месте друзей, не на кого там опереться. В конце концов если он немолодой человек, если он привык к определенным условиям, которые, естественно, потерял, то ему приходится привыкать к новым — наверное, это и называется ностальгия.

Что касается меня, то все было по-другому. Я прожил инкубационный период именно в Советском Союзе, когда от меня все отвернулись. В 1975 году эстонцы пригласили меня сыграть в международном турнире в Таллинне. Об этом узнали в Спорткомитете и сурово предупредили эстонцев, что подобное делать нельзя. У меня уже не было никаких условий для нормальной работы. Мне хорошо постарались показать, что это не моя земля. Я уже не чувствовал себя полноценным гражданином страны, а друзья, которые у меня были, если можно этих людей так назвать, они все отвернулись от меня. Таким образом, я ничего не оставил за собой и, уезжая, принял решение никогда не возвращаться.

В некотором смысле так человеку жить легче. Есть люди, и я таких встречал, которые, безусловно, испытывают ностальгию. Они живут по сорок—пятьдесят лет на Западе и говорят: «У нас в Москве».

— Виктор Львович, и дом, и жизнь, и работа у меня давно уже в Москве. Но когда я вдруг вспоминаю Баку — город, в котором родился и вырос, нашу квартиру, которую бросила моя мама, и от мысли, что мне никогда уже туда не вернуться, сердце все же сжимается. Ведь Ленинград — это не обком, не его бывший секретарь, не даже неверные друзья, это ведь еще и люди на улицах, это площади города, его белые ночи, его дворцы...

— Что я вам могу сказать. Меня в Ленинграде поддержал в трудное время всего лишь один человек, я очень ему благодарен. Хотите я назову его фамилию? Ради него вернуться в Ленинград? Других людей нет, это пустыня.

— Что испытывает человек, когда его бесчестно, причем много лет подряд в огромной стране, его родной стране, скажем так, подвергают критике, а защититься он не может? Вырабатывается «броня», приучаешься не замечать клеветы? Но мне кажется, что невозможно не обращать на это внимания. Если вы скажете, что равнодушно воспринимали все, что о вас писали, я, извините, в это не поверю.

— Не знаю. Я делал то, что мог. Я выступал. Но я выступал на шахматные темы. Я рассказывал людям то, что не написано в газетах, и, таким образом, расширял их кругозор. В некотором роде, если хотите, я готовил их к перестройке, так как люди получали полную информацию. И только в тот момент, когда на мои шахматные выступления в маленьких коллективах стали присылать инструкторов горкома партии критиковать меня по партийной линии, а я был членом партии, я понял, терпеть больше нельзя, я сделал все, что мог, для перестройки. И поэтому возвращаться и смотреть, как там у вас, я не хочу, мне это не нужно, я все знаю.

— Мне здесь, в Мурсии, наши шахматные специалисты доказывали, что вы остались на Западе чуть ли не случайно, импульсивно, что ли. Я же придерживался всегда мнения, что определенные люди, обладающие немалой властью, были информированы о вашем желании стать невозвращенцем и сознательно помогли вам выполнить ваше желание, естественно, не поставив вас в известность о подобном совпадении желаний.

Косвенно мои предположения подтвердил известный шахматный журналист Александр Рошаль. Выступая в агентстве печати «Новости» сразу после матча в Багио, он сказал, что Анатолий Карпов просил в ЦК КПСС, чтобы вам, к тому времени не первый год уже невыездному, разрешили играть в зарубежных турнирах. Теперь представился случай задать этот нелегкий вопрос главному действующему лицу. Как же все обстояло на самом деле?

— Это правда. Карпов просил за меня. Я думаю, у него были свои причины это сделать. Он стал чемпионом мира, обыграв Полугаевского, Спасского и меня. В это время имена и Спасского, и мое исчезли из прессы. Как-то вдруг стало неясно, отчего он стал чемпионом. На меня был наложен годовой карантин, но конца ему не предвиделось, и тогдашний чемпион мира действительно ходатайствовал о моем выезде. Мне разрешили выступать в международном турнире в Москве, а потом я выехал и за рубеж. Но мне моя ситуация была уже ясна. Скажем, некто Туров, журналист, хотел, чтобы я дал свои партии для его шахматной книги, которую он собирался опубликовать. Я ответил: «Дорогой, мои партии не прибавят популярности вашей книге». Я напрочь отказался сотрудничать, и книга вышла без моих партий. Я для себя все уже решил, и, уезжая в Гастингс, взял с собой ценные бумаги, грязные письма, которые мне писали после финального матча претендентов, некоторые альбомы, и оставил их на Западе. То же самое я сделал, когда уезжал в Голландию, надеясь, что мне удастся перевезти с собой самое главное из моего архива. Но случилось так, что во время турнира в Амстердаме я понял: больше мне не разрешат выехать — и остался. Хотя перед поездкой думал, что у меня в запасе есть еще один или два зарубежных турнира.

— Фамилия Корчной в Союзе не забыта. И хотя о вас несколько лет писали только в черных тонах, а затем старались вовсе не вспоминать, мне кажется, что если не для большинства, то, во всяком случае, для многих она непонятно отчего, а может быть, по диалектическому закону «отрицания отрицания», хранится в памяти скорее со знаком плюс, чем минус. Может, у вас есть какой-то другой ответ на этот вопрос?

— Мой претендентский матч с Карповым в Москве, в 1974 году, транслировался по Центральному телевидению — это способствовало моей популярности во всей стране. Возможно и то, что я владел и владею «словом», а ведь сотни или тысячи людей слушали мое «слово», которое отличалось от других, и это, наверно, способствовало моей популярности. Я думаю, что был для кого-то из интеллигенции в Советском Союзе, если хотите, путеводной звездой. Я тоже способствовал развитию живой мысли в стране, а тогда, когда этой мысли не стало, показал пример, что пора уезжать из этой страны.

Я не хочу преувеличивать свою роль. Я не был диссидентом — меня заставили им стать, уже здесь, на Западе, когда мне навязали войну, когда объявили мне бойкот, когда держали и не выпускали мою семью. Ведь в состоянии войны с советскими властями я обучился политике. Я думаю, моя личность и мое поведение оставили какой-то след в политическом развитии десятков тысяч людей. Я говорю о тех, чья память обо мне, как вы говорили, со знаком плюс.

Это, кстати, доказывает, что оценка моей деятельности, которую выставила государственная пресса, никогда не была слишком популярной в Советском Союзе. Никогда государственной идеологии массы до конца не доверяли. Не случайно, например, что в Восточной Германии социалистическая система лопнула в несколько месяцев. Я на самом деле не могу этого понять. Два поколения, казалось бы, до конца научились мыслить по-социалистически, но достаточно оказалось их поманить пальцем из Западной Германии, как все рухнуло.

Конечно, очень важно и то, что они поняли: советские танки вмешиваться не будут. Нельзя не оценить заслуги Горбачева в улучшении ситуации во всем мире. Потому что прежде СССР портил эту ситуацию. Но как только в мире стало ясно, что такая огромная сила больше не вмешивается, вы же замечаете,— во всем мире наступает улучшение.

— Виктор Львович, вы никогда не спрашивали себя, что заставило ваших коллег, многие из которых люди, безусловно, порядочные, которым не угрожали ни психушки, ни лагеря, ни тюрьма и следствие, столь решительно и дружно осудить вас. Неужели никто из них не понимал, а нам всегда казалось, что гроссмейстеры считают на несколько ходов вперед, что они своими руками создают ситуацию, когда подобному остракизму может подвергнуться любой из них?

— В 1985 году, когда перестройка только начиналась, я дал интервью журналу «Нью чесс». Мало кто на Западе еще представлял, что происходит, а я высоко оценил усилия Горбачева поставить страну на другие рельсы. Кроме того, я сказал: «Так исторически сложилось, что все прежние годы русский народ пытались привести в рабское состояние». Многие эмигранты прислали мне, я бы сказал, очень критические письма. Но ведь после того, как так называемая революция свершилась, десятки лет шли прочистка мозгов и давление власти. Одно поколение за другим все ниже и ниже склонялось.

Недавно мне после тринадцатилетнего перерыва написала вдруг письмо одна моя хорошая знакомая. Когда я ее упрекнул, что письмо написано спустя столько лет, она мне напомнила свою историю. Ее старшая сестра была влюблена в некоего Виктора Косиора, сына знаменитого «врага народа», и получила от отца страшный нагоняй за то, что она посмела связываться с этим человеком, с изгоем, это осталось в памяти младшей навсегда. Одно поколение за другим воспринимает опыт выживаемости, опыт страха.

— Но, с другой стороны, наш человек, по-моему, всегда был совестлив. Я заметил, что почти каждый из советских шахматистов, здесь, на турнире, старается к вам подойти, поздороваться, или, как говорили раньше, «отдать почтение». Наверное, кончился страх, рухнула внутренняя «берлинская стена» и слишком очевидна несправедливость по отношению к вам?

— Больная совесть предполагает вину. Не могут же молодые ребята, а их здесь большинство, считать себя виноватыми, они же совсем молодые.

— Мой вопрос неприличен для Запада, но обычен для советского человека. Виктор Львович, уж если говорить по-нашему: какая у вас зарплата? Чтобы не выглядеть, мягко говоря, не очень умным, я спрошу так: легко или сложно вам живется, если говорить о финансовых проблемах?

— Я отвечаю на любые вопросы. Я заработал неплохие деньги на матчах с Карповым...

— То есть умереть с голоду он вам не дал.

— Да. Но даже если бы я их и не заработал, то в первые годы я был невероятно популярной личностью на Западе. Сейчас я мог бы зарабатывать значительно больше. Меня упрекают друзья, что я не прошу те гонорары, которые мне приличествуют. А я отвечаю: «Ведь я жил под бойкотом и был благодарен за каждое приглашение на турнир. Вот и воспитался таким образом, что можно много и не зарабатывать». Сейчас я финансово независим. Могу играть на турнирах, могу не играть, я обеспечен.

— Виктор Львович, вы получили швейцарское гражданство?

— Нет, я еще его не получил. Дело в том, что каждый эмигрант, который хочет получить швейцарский паспорт, должен жить в стране не менее десяти лет. А когда я обратился к властям спустя десять лет, мне ответили, что люди из некоторых сомнительных стран должны ждать не менее двенадцати лет. Безусловно, рано или поздно гражданство мне дадут. Но, как у Пушкина: «Черт догадал меня родиться в России с душой и с талантом!» Я помню, что эта строчка была эпиграфом к постановке Акимова «Горе от ума» в Ленинградском театре комедии.

— Вы читаете советскую прессу?

— Я подписался в этом году на «Литературную газету». Но и без нее я в курсе всего, что происходит в Советском Союзе. У нас, на Западе, очень хорошо работают журналисты, с душой, рискуя жизнью, показывая самые острые моменты в жизни других стран.

— Знаете ли вы, что изобретенная нашей прессой замена вашего имени на слово «претендент» в итоге превратила его чуть ли не в ругательное, и теперь, как мне кажется, шахматные журналисты пользуются им с большой осторожностью?

— Нет, я этого не замечал. Но я знаю, что лет двенадцать назад у меня была кличка в Советском Союзе. Поскольку называть по имени было не совсем удобно, то меня коротко называли «Злодей».

— Я помню, как этим термином пользовался Никитин при занятиях с молодым Каспаровым.

— Вот видите, и до меня это дошло. Мне казалось, в этом прозвище есть уважение к человеку, который рискнул выступить против Советской власти, так это тогда расценивалось, в тот момент, когда мало кто рисковал.

А, с другой стороны, чем же я рисковал? Карпов властями, перед матчем в Москве, был определен фаворитом, а я тем не менее боролся. И не только в шахматах, я еще и писал заявления. Но как коммунист не имел права писать заявления, адресованные иностранцу, главному судье соревнований О'Келли.

— Сейчас это звучит смешно, но тогда, в 1974 году, это была совсем несмешная история.

— Ну, хорошо. Судьба. Я немножко увлекаюсь астрологией, так вот, у меня на руке не прослеживается линия судьбы. Это значит, что я не подчиняюсь обстоятельствам. Я борюсь.

Виталий МЕЛИК-КАРАМОВ

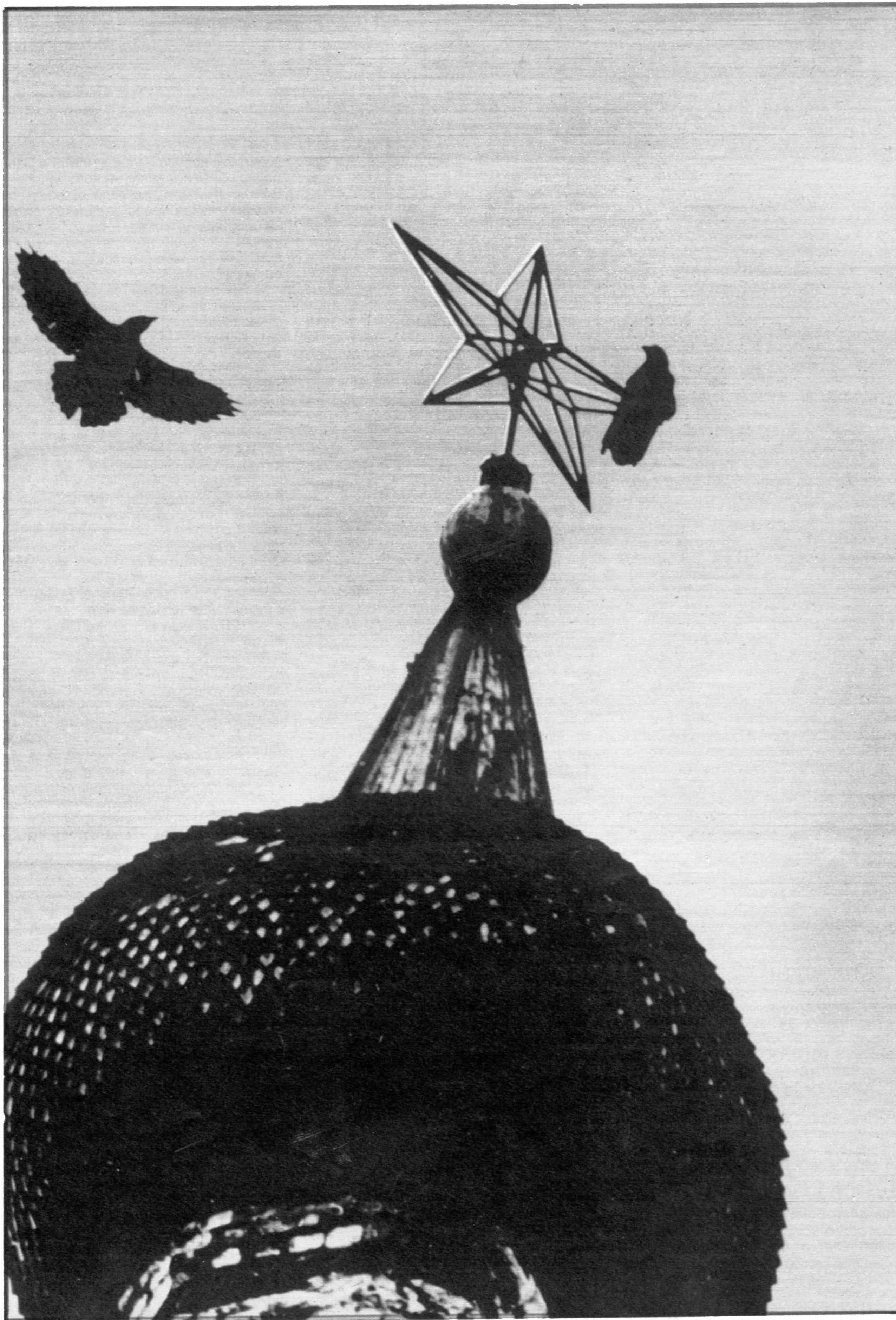

Фото Р. КУЧЕРОВА

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

Перед вами — удивительная рукопись, жизнеописание бывшего дьякона, архангельского крестьянина Ивана Степановича Карпова. Раскрыв эту рукопись, я прежде всего поразился совпадению. Так случилось, что мне суждено было вплотную приблизиться к судьбе тех мест, о которых пишет Карпов. Его деревня — Пермогорье — и та, где жили мои родители — Холмово,— стоят рядом на Северной Двине, соседствуют. Живя в других краях, мы с женой много раз приезжали летом к моим старикам и подолгу бродили с рюкзаками по лесам — от деревни к деревне. То, что мы видели, было итогом глобальной катастрофы, которая разразилась здесь после революции, того неизмеримого народного бедствия, летописцем которого стал Иван Степанович Карпов. Это было уничтожение русской деревни-кормилицы, гибель крестьянской духовности и культуры, подрубание многовековых национальных корней. Самое большое преступление, совершенное в России за всю ее историю.

Сохранились у меня дневниковые записи. Тут же стал все перелистывать: ожили в памяти, заговорили деревни, церкви, люди тех самых мест и того самого времени, когда писал свое повествование Иван Степанович. Лето 1968-го...

«Спасаемся от грозы на крыльце церкви в Пермогорье. Кладбище заросло высокой травой, выше крестов. Голуби загадили иконостас; иконами, вместо стекол, забиты оконные проемы. Внизу, в подвальной части,— много досок с осыпавшимися ликами, обрывки золотого шитья, ржавые обломки церковной утвари. Сторож, увидев нас, затеял торговлю, предлагает все за бутылку... Говорит, что здесь живет бывший дьякон, «старик с фисгармонией»,— вот к нему бы вам, уж он все про старинное расскажет...»

Не случилась встреча — нам надо было засветло дойти до другой людской грибницы — деревни Завал-Закряжем.

«Безлюдное поле с темными призраками домов, квадрат бывшей жизни среди лесов, зарево заката в слепых окнах — вот и все, что осталось. Разве что название на память...»

Так умирала северная деревня. У Карпова — как ее убивали.

Ученые Пушкинского дома в Ленинграде уже много лет собирают, вместе со старинными книгами, и крестьянские архивы, составляя единственный в своем роде фонд, письменную память о русской дерев-

ПО ВОЛНАМ ЖИТЕЙСКОГО

ВЕДЕТ РУБРИКУ
ВИТАЛИЙ ШЕНТАЛИНСКИЙ

не. Об этом архиве рассказал недавно, приехав в редакцию «Огонька», научный сотрудник Пушкинского дома Глеб Маркелов. Привез он и рукопись Карпова, сообщил о судьбе бывшего дьякона из Пермогорья. Тот самый! «Старик с фисгармонией»! И на фотографии — рядом с ней. Форма головы — церковный купол, чем-то похож на Циолковского... Встретились все-таки!

Теперь слово публикатору рукописи — Глебу МАРКЕЛОВУ.

«Солженицын говорит: «Мужики — народ бессловесный, бесписьменный, ни жалоб не написали, ни мемуаров...» Мало кому известно, что крупнейший русский археограф нашего века Владимир Иванович Малышев собирал в Древлехранилище Пушкинского дома воспоминания, дневники, письма крестьян Русского Севера. Украшение этого собрания — повествование Карпова. Оно в какой-то мере опровергает утверждение Солженицына.

Здесь лишь малая часть рукописи. Жизнь — пунктиром. Не вошло описание Соловецкого монастыря, размышления о церковном пении, старообрядцах... Тяготы и лишения Карпов переносил стоически, не отрекался от веры. Он мог бы сказать о себе, как библейский Иов: «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял... Да будет имя Господне благословенно!» И заметьте — в жизнеописании нет проклятия мучителям и разрушителям, оно проникнуто светлым духом христианской доброты, надежды и поэтому имеет глубоко поучительный смысл.

Дело — за книгой. Это трагедия. Страшно читать. Опасно писать. Даже хранить было не просто. Малышев написал на папке Карпова: «Рукопись читателям не выдавать!» Теперь, слава Богу, времена изменились. Тайное становится явным. В архивах еще столько сокровищ, бывших раньше за семью печатями!..»

Добавляю, что для нас «житие» Ивана Степановича Карпова, кроме документальной ценности, еще и прекрасная проза, подлинная литература, взывающая к современному читателю. Мы сочли необходимым сохранить при публикации особенности авторской письменной речи, орфографии и пунктуации. Фотографии — из архива Пушкинского дома — сделаны в 1910—1911 гг. в Архангельской и Вологодской губерниях.

МОРЯ

Житейское море, воздвизаемое напастей бурею...

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Исполняя задачу столь для меня трудную, как описание своей жизни, считаю обязанным объяснить причину, побудившую меня на этот труд.

Будучи служителем Церкви со дня революции во время ломки старого быта и построения нового советского общества, пришлось пережить все гонения на Церковь, на служителей и на себе лично испытать вплоть до ужасов тюрьмы. И последующая жизнь моя в новом советском обществе выделяла меня как бывшего служителя Церкви, отставшего от современной культуры.

Вот это и навело меня на мысль оставить после смерти свое писание для любознательных — может, и прочитают, и вынесут свой суд обо мне грешном. Современный, беспристрастный, хотя и не верующий человек прочтет как историю построения нового советского общества, а верующий — борьбы со старыми традициями и гонений на Церковь во время революции.

Настоящее мое описание своей жизни, если случится прочесть человеку образованному, пусть не удивляется, что написано не грамматически, с орфографическими ошибками, как человека малообразованного, кончившего начальную школу в 1899 году, семьдесят один год назад. Я писал о фактах кратко и насколько мог — ясно. При пространном описании получилась бы большая книга, требующая большого времени для чтения.

* * *

<...> 6 декабря 1922 года рукоположили меня в сан Дьякона. Время грозное и для Церкви самое печальное. Со дня революции 1917 года в правление Керенского уже была борьба за землю между крестьянами, но не все крестьяне согласны были на новые реформы, борьба только начиналась...

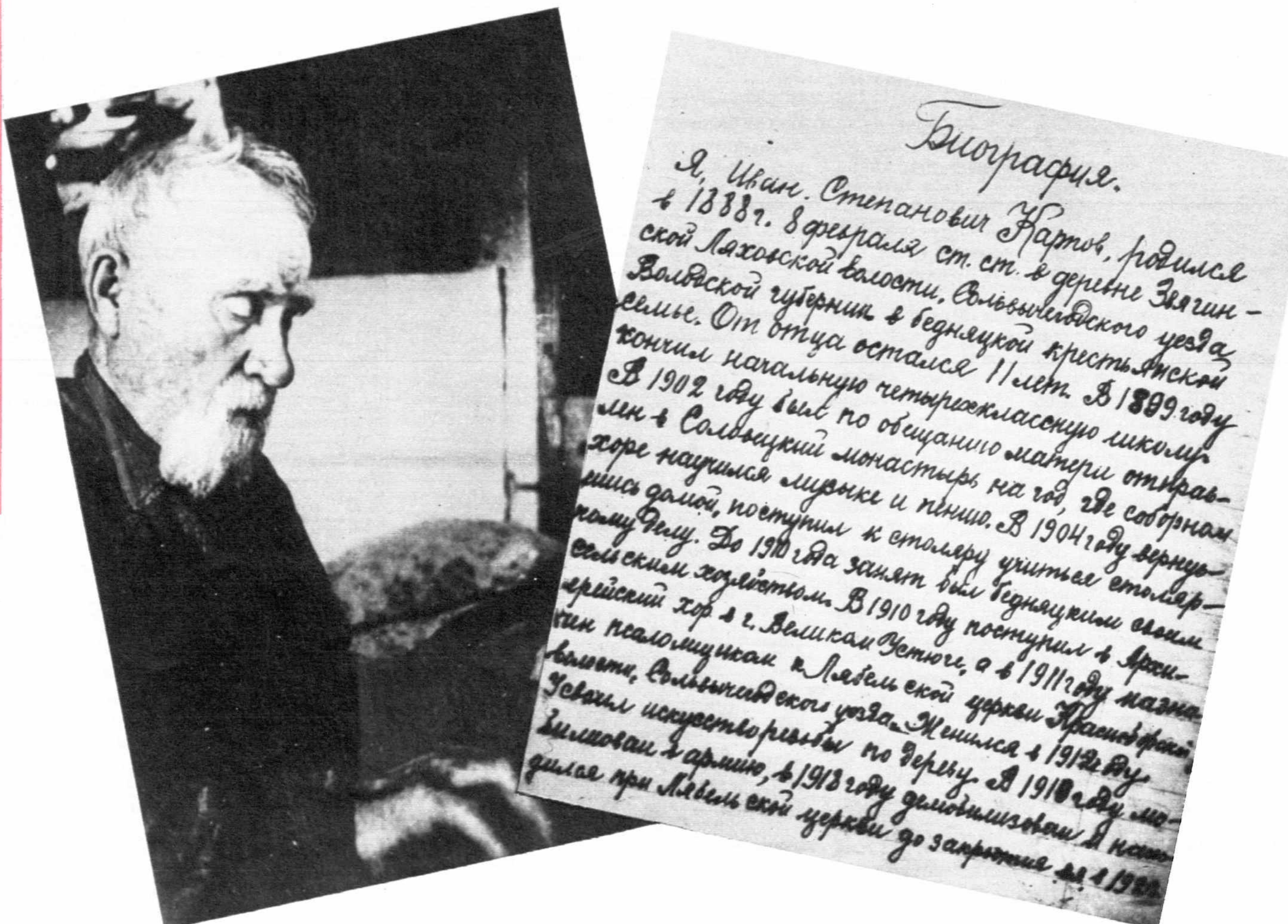
Шли непрерывные собрания под руководством большевиков о создании коммуны в Красноборске, об отобрании церковных земель. Появились новые деньги: червонцы, тысячи, миллионы. Деньги совсем потеряли ценность. Взамен отобранной у Священника и Псаломщика земли назначили от прихода годовое жалованье: Священнику — 6 миллионов, а мне — 2 миллиона. Получив в конце года два миллиона, я мог купить на них две коробки спичек.

Нас со Священником, согласно закону, лишили избирательных прав, и мы были свободны от всех собраний, беспокоясь за свою будущую участь и за участь Церкви. Органами власти была произведена инвентаризация церковного имущества и отобраны церковные богослужебные сосуды, имеющие большую ценность. Оставлены самые простые — не имеющие ценности и то по одному экземпляру, один Крест, один потир, один Дискос, одно кадило.

Не забуду того дня, когда представитель райисполкома зашел в храм Божий с грязным мешком, не снимая головного убора, своими руками с престола и жертвенника поклал священные сосуды в грязный мешок. Закурить в храме постеснялся — закурил в паперти, а мы, провожая глазами мешок со святыми сосудами, чувствовали сожаление до слез.

Вполне естественно возникал у меня вопрос, а как же далее существовать будет Церковь и как существовать нам дальше? Вручили нам анкеты (опросные листы) с содержанием множества вопросов: отношение к религии, лояльность к Советской власти, классовая принадлежность, происхождение, был ли судим, имущественное положение. Заполняешь в рубриках эти ответы на вопросы и подозреваешь, что этот учет требуется власти для какого-то над нами насилия, а тут еще по Двине от Архангельска до Котласа регулярно рейсирует броненосец «Светлана» с чрезвычайной комиссией, забирает уже известных лиц на пароход и в первую очередь священников.

Немногие из священников отсиделись, но большинство из них съездили на крейсере «Светлана» до Архангель-

Биография.
Я, Иван. Степанович Карпов, родился в 1888 г. 8 февраля ст. ст. в деревне Звягинской Ляховской волости, Сольвычегодского уезда Вологодской губернии в бедняцкой крестьянской семье. От отца остался 11 лет. В 1899 году кончил начальную четырехклассную школу. В 1902 году был по обещанию матери отправлен в Сольвыцкий монастырь на год, где в соборном хоре научился музыке и пению. В 1904 году вернувшись домой, поступил к столяру учиться столярному делу. До 1910 года занят был бедняцким своим сельским хозяйством. В 1910 году поступил в Архиерейский хор в г. Великом Устюге, а в 1911 году назначен псаломщиком в Лявельской церкви Красноборской волости, Сольвычегодского уезда. Женился в 1912 году. Усвоил искусство резьбы по дереву. В 1916 году мобилизован в армию, в 1918 году демобилизован. Я находился при Лявельской церкви до запрещения ее в 192[illegible]

ска и обратно. Какой там гостеприимный прием оказала ЧК, сразу можно было определить по наружности ездивших на «Светлане». Протоиерей Красноборской церкви с рыжей бородой вышел со «Светланы» совершенно белый, а другие долго не забудут синяков на своем теле. Создался в Красноборске кружок «Союз воинствующих безбожников», появились плакаты «Воинствующая церковь», которые расклеивались на заборах. Начались диспуты на антирелигиозные темы. <...>

Никогда не забуду диспута, проходившего в Красноборске в 1924 году. Было объявлено священникам и всему населению о диспуте на тему: «Был ли Христос и есть ли Бог?». Народу пришло так много, что в каменном большом здании, бывшем ранее купеческим магазином, было тесно. Ораторов съехалось до пятнадцати человек из Сольвычегодска и Устюга. Какая ученая сила собралась! На эстраде, кроме ораторов, сидели девять священников.

Диспут начался с объявления председателя волисполкома Синцова. Первый оратор прочитал тропарь празднику Рождества и стал объяснять: «звездам служащие» — видишь, молились звездам — были идолопоклонники, «звездою учахуся» — по звездам гадали о своем счастье или несчастье. «Тебе кланятися солнцу правды» — видишь, молились солнцу — были идолопоклонниками. Третий оратор: все это говорит о том, что в те времена не научились сельскому хозяйству и не могли обеспечить себя хлебом, и зимой голодали, и в областях, где солнце не показывалось по нескольку месяцев, люди были рады отблеску зари, не только солнцу. Скоро будет тепло, солнце согреет землю, и мы будем сеять хлеб. Я, малограмотный, ожидал с удовольствием послушать ученых философских речей, но меня смешило.

Председатель объявил, что доклад закончен. Теперь вам, отцы, предлагаю возразить на эти вопросы. Никто из священников не пожелал. Тогда высланный священник о. Николай Авдаков, с крестом на груди, поднялся на трибуну, грациозно смело произнес «во имя Отца и Сына и Святаго Духа» и спросил, который теперь год? Один из ораторов вскричал: при чем здесь годы? Но председатель быстро остановил его: вы свободно высказались, теперь они должны свободно возражать. Священник: «Докладчики для темы доклада избрали тропарь праздника Рождества Христова и не уразумели даже смысла его. Какому солнцу правды пришли поклониться звездочеты, какое тут изображено солнце, объяснить вы даже не могли, или знали, но умолчали. Почему вы не выбрали для доклада всемирную историю, историю Рима, писателей еврейских, о всемирной переписи при императоре Августе и тогда ясно увидели бы, что Христос есть истинная историческая личность». Очень длинная была речь священника Авдакова из истории древней еврейской. Предполагаю, что не только священникам, но и многим грамотным видна была неготовность ораторов к диспуту, что они показали только свое невежество.

Тут выступил Дьякон Телеговской церкви Дмитрий Иванович Чецкий с обращением ко всем присутствующим с просьбой простить его, что двадцать лет несознательно служил в Церкви, понял всю ложь религии, снимаю с себя сан Дьякона, порываю связь со всеми ложными церковными обрядами и хочу искупить свою вину служением Советской власти, а всех здесь присутствующих отцов прошу последовать моему примеру, оставить свою приводящую в мрак и невежество работу и работать во имя прогресса и науки. Из толпы раздались голоса: Иуда, Иуда! Председатель быстро окинул взором всех и вскричал: «Кто сказал «Иуда», граждане! Не оскорбляйте человека — этот человек поступил правильно — он прозрел, несмотря на то, что был в заблуждении сорок пять лет. И вы лет через десять будете такие же Иуды, как этот, теперь чистый гражданин. Все вы одурачены, слепые, но прозреете так же, как и он». <...>

В 1924 году осенью, в день праздника урожая была районная ярмарка и выставка сельского хозяйства и районных изделий. Меня и еще из соседнего прихода крестьянина Александра Максимовича Шадрина, имеющего один улей, обязали организовать отдел пчеловодства в здании школы. Я привез улей своей работы, медогонку, по стенам развесили гербарий цветов. Такая редкость для населения, как пчеловодство, привлекает всех. Агроном сам впускал в помещение по десять человек. Я, как мог, объяснял о пчеловодстве, также и Шадрин.

Тут вдруг разнеслась тревога: на рынке горит! Народ побежал на рыночную площадь, а там книги жгут. Наложена огромная куча книг, а сверху соха. Как это люди могли равнодушно смотреть на такую картину — не жалеют такой ценности? Хотя книги и духовно-нравственного содержания, но зачем их уничтожать? А соха сколько лет была помощницей — кормилицей мужика! Таков был дух общества того времени. <...>

...Начались ежедневные собрания об организации колхоза. Никто необдуманно не может сразу решиться сдать свое хозяйство, нажитое в течение жизни тяжелым трудом, в общую собственность. Бедняку или самому маломощному нечего обобществлять — у него нет ни лошади, ни коровы, ни упряжи, ни телеги. Еще не выработаны колхозный устав и правила приема имущества.

Вызывают меня в сельсовет по касающемуся делу. Вызвано двадцать человек. Приехал уполномоченный какой-то государственной организации с допросами о знакомстве с называемыми им лицами. Вызывает к себе в кабинет по одному человеку, обращается вежливо, предлагает стул и просит закурить лежащими на столе папиросами. Берет из целой стопы большого размера листы, где крупными буквами напечатано — «ДЕЛО», и каждый ответ записывает в эту тетрадь. Вопросы все по одному шаблону: знаком ли с этим человеком? Сидишь с подозрением — для чего это? Ответишь на все вопросы, и он скажет: «Вы свободны, никому ни слова», — значит, никому не разглашай. В течение месяца было два допроса мне и бывшим со мной, а другие лица вызывались в другие дни. И вопросы все о знакомстве с лицами, о которых у него запись, и все ответы записывает в дело. Я осмелился спросить: «Для чего же нужно вам знать знакомство людей между собой?» — «А вам для чего это знать? Мы и сами не знаем, а поручение дано — и делаем. Теперь на каждого гражданина будет иметься дело». Для меня ясно и понятно, но для чего знать о знакомстве — это не понятно. Поделились мы с теми, кого допрашивали, оказалось, что их спрашивали о знакомстве со мной, а меня — о знакомстве с ними, и у всех одинаковый порядок и уходящему запрет: «Ни слова!»

Так и думалось, что готовится что-то для нас нехорошее. На собраниях комитетов бедноты выносились постановления о ссыпке хлеба в общие амбары. По этому вопросу были общие собрания всех граждан, но большинство крестьян были не согласны. Последнее собрание было в Черевкове — собрание бурное, к решению вопроса не пришли, и всех несогласных арестовали. На следующий день собрались в Холмове и ляховцы, и черевковцы и составили от имени всех собравшихся прошение об освобождении невинно арестованных, но ответа не получили. На другой день все собравшиеся в Холмове черевковцы и ляховцы пошли с целью добиться освобождения арестованных. Толпа была около 150 человек. Их предупредили, что это будет рассматриваться, как выступление против Советской власти, но когда толпа близко подошла к райисполкому, по ней дали залп из винтовок, шесть человек убили, тридцать пять ранили. Остальные бросились бежать, кто куда мог. <...>

Псаломщический церковный дом отобрали под школьную ночлежку. Мне было дано двадцать четыре часа сроку на выселение. Поместился в ближайшей деревне, перегнал корову и перевез три улья пчел в подпол новой квартиры. Зимовка для пчел хорошая. Слышно, что в Архангельске сильный голод, люди поехали из Архангельска и других городов променивать на хлеб вещи из одежды и прочего. Теперь положение мое при Церкви при непосильном 5000 руб. налоге грозило, что опишут все мои пожитки и продадут с аукциона.

Я с горестью решил оставить свою церковную службу и переехать на родину в выстроенный братом дом. Я рассчитывал, что, освободясь от церковной службы, буду освобожден от налога или хоть часть его скинется, но ошибся — нисколько не скинули. Прежде чем переселиться на родину, я сходил спросить согласия соседей на мой переезд. Собрались все соседи, я рассказал про свое тяжелое положение, что мне некуда деться с семьей в восемь человек и я хочу вернуться в свою родную деревню на свое родное пепелище. Бригадир: «Кто за то, чтобы Карпов переехал к нам в деревню, поднимите руки?» Никто не поднял руки. «Кто против?» — все подняли руки. Слышу такой разговор: не захотел работать топором в деревне, уехал на сладкие пироги в церковь махать кадилом. Горько было выслушать такие упреки.

Другого выхода из положения не было. Вот тут-то, видя мое безвыходное положение, и стал посещать меня учитель местной школы и снявший с себя сан Дьякона на диспуте в Красноборске Дмитрий Чецкий. Советовать мне принести раскаяние — раскаяние в своем заблуждении перед собранием — скинуть с себя сан Дьякона, и тогда скинется налог, устроят на работу, и дети будут приняты в школу на дальнейшее образование. Не лежало сердце стать на такую дорогу. Подумали с супругой, поплакали, но совесть твердо говорила, что ведь это иудино предательство и есть — нарушить присягу, данную перед Крестом и Евангелием при рукоположении, и быть таким же Иудой, как Дмитрий Чецкий! Нет, уж лучше поедем на родину, против желания соседей, в недостроенный дом брата. <...>

В 28-м году в июне месяце я один, без семьи, переехал на родину с пятью ульями пчел, поселился у соседа, пчел поставил напротив своего дома на косогоре у ручья, у своего старого овина. Ручей весь был забит строевым лесом, так как во время весны вся Двина втугую была запружена строевым лесом. Под караулку пасеки я занял свой старый овин, прорезал окно, острогал стены, спал ночью и в то же время следил за ульями.

Прихожу к ульям, а тут лежат огромные комья сухой глины, и у одного улья проломлена крыша. Видимо, глина летела с горы, и злоумышленники хотели сшибить с колышков ульи. Это огорчило и насторожило меня. Стал я замечать, что трое соседних ребятишек шепчутся и следят за мной. Большой палец правой руки не давал мне покоя, особенно ночью, и я не находил покоя, бродил по полям куда глаза глядят. Костный панариций* требовал операции. Ночью я ушел, не зная покоя, в поле и задержался, вероятно, ребята выследили меня в этот момент и нарушили всю мою пасеку: изо всех пяти ульев рамки повынимали, часть побросали в воду, пчелы кучами лежат на земле...

Считал, что все погибло. Пошел заявить в сельсовет и прямо указал, что пасеку разорили трое: Александр Шиловский, Михаил Карпов и Владимир Журавлев. Сельсовет сообщил в район. Я попутно зашел в больницу на операцию пальца. В ожидании очереди сижу и вижу: двое из воров приехали на телеге — Шиловский и Карпов — и не могут подняться на крыльцо, их ведут под руки — они не могут шагать. У обоих лица распухли, нос раздуло, как пузырь, шея сравнялась с подбородком, говорят шепотом, нисколько не похоже на человека...

Через три недели воры были уже дома. Не знаю, ставилось ли им в вину такое преступление, а, может быть, потому, что пасека Дьякона-лишенца, то нет для них и преступления. Опыт научил их, как нужно грабить пасеку безнаказанно. Все трое комсомольцы, Шиловский — сотрудник НКВД и тайный агент. Все колхозники боятся его, как способного на всякое грязное дело...

Живу я один на родине, а Маруся на Лябле и еще не получила такого печального письма. И сообщать-то не решаюсь, и умолчать нельзя. Пишет Маруся, что молоконалог выполняет, сдает по шесть литров в день, для детей ничего не остается, так как корова стельная и молоко убывает. У меня из пальца фельдшер выпустил гной, удалил косточку, ношу руку без подвешивания, боль снижается. В обоих ульях сохранились матки, начался медосбор, прибавил пустых рамок для меда. Для себя я меда не ждал, а лишь бы на зиму пчелы обеспечили себя медом. Обида и расстройство не проходят, вся моя жизнь отравлена и все время будь на чеку. <...>

Время грозное — голодное. Пятитысячный налог не уплачен. Налоговый отдел предложил уплатить в трехдневный срок, иначе опись имущества и продажа с аукциона. Поплакали и с разрешения сельсовета сдали корову и теленка в колхоз, так как зимой будет кормить нечем. По обследовании моего хозяйства сельсоветом и принадлежности недостроенного дома брату Василию комиссия признала мое хозяйство несостоятельным, зачтя корову и теленка в счет налога.

Осенью при первом установившемся санном пути переехали всей семьей в Ляхово... Приехав на родину, поместились у соседа. На следующий день пошел в сельсовет и вижу на заборе большой плакат: нарисован Дьякон в голубой рясе с кадилом в руке, и большими буквами написано: «Во имя отца и сына и святого духа деревни Звягинской, Ляховского сельсовета, Карпов Иван Степанович, не пожелал заняться честным трудом крестьянским, уехал из деревни и неизвестно где подвизался, но в минуту трудную вспомнил и о деревне, приехал и просит наделить его семью землей. Граждане! Не поддавайтесь на удочку дармоеда — не наделяйте его землей! Аминь!» Подпись — АКТИВ...

Взяли с собой хлеба — мешок муки,— опасаясь взять более в такое опасное время. Корову перегонили заранее. За хранящийся на Лябле хлеб мы очень-то не беспокоились...

Но ведь бедняцкий актив знал, что Дьякон хлеб хранит в амбаре. Постановили хлеб и весь хозяйственный инвентарь отобрать. Получили извещение письмом, что хлеб наш — рожь и ячмень — всего 65 пудов, увезли в сельсовет и весь инвентарь и прихватили десять овчин и пять фунтов коровьего масла. Получив такую печальную весть, не удержались от слез. Пошла жена в Красноборск в канцелярию, по справкам оказалось, что поступило всего 14 пудов. А где остальные 50 пудов? Впоследствии все выяснилось, но мы, как лишенцы и церковники, могли ли поднять какой-либо протест? И так остались мы без куска хлеба в такое голодное время... <...>

Наступил праздник Октябрьской революции. Колхозу разрешено было произвести товарищеский обед. Для этого

* Панариций — гнойное воспаление пальца.

Крестьяне-поморы. 1910-е годы. Архангельская губерния.

разрешено было забить теленка, наварить супа, отпущено сахара, молока для печения шанег и колобов домашним способом, отпущено калачей (сушки). Дали повестку приходить на обед. Позвали и меня, но чтобы шел со своей ложкой и чайным прибором. Прихожу со своим сыном. У бригадира составлен посемейный список и по членам семьи наделят всех шаньгами, колобами, сушкой, сахаром. А когда всех наделили, а меня не вспомянули, один из соседей говорит: «А как Ивану Степановичу?» Бригадир говорит: «Я проголосую, кто за то, чтобы Ивана Степановича наделить печеньем и обедом, поднимите руки!» Никто не поднял. Один из колхозников сказал: «Да дайте ему хоть калач», — взял мой сынок калач и убежал домой. Стою, сгорая от стыда. Один из них говорит: «Да я дам тебе кусок-то сахару, выпей хоть чашку чаю». Я взял кусок, выпил чашку кипятку, сказал спасибо и пошел домой, оскорбленный такой грубостью, некультурностью, дикостью колхозников, и думаю: как мне в будущем оставаться среди таких неблагодарных дикарей?

Прихожу домой, а жена говорит: «Как тебя хорошо угощали! Я так и думала, что... тебе ничего не дадут». Калач дети разделили на шесть частей — всем без обиды.

Зиму пришлось работать на реке по добыванию бревен изо льда. Рвали лед аммоналом и извлекали лес на лед. Опасная для жизни работа. При взрыве летят вверх и в стороны бревна, лед и вода. Спасаемся, припав лицом на лед.

Еще до организации колхоза в 25 верстах от Ляхова в Тимошинском сельсовете была организована коммуна «Север», и существовала она шесть лет, а потом ликвидировалась. Организатор ее, учитель Митин Александр Федорович, принял на себя труд организовать коммуну и у нас в Ляхове. Прибыв в наш колхоз «Звягинец», своей речью стал доказывать, что неизбежно нужно вступить в коммуну, убеждая, что колхозы — явление временное, это только первый шаг в коммуну. И начал записывать желающих... Подал заявление и я. При обсуждении характеристики каждого все были зачислены в будущую коммуну «Якорь», а мое заявление оставили без последствий. Кто-то из колхозников напомнил организатору о моем заявлении. Организатор сильно ударил линейкой по столу и неистово вскрикнул: «Нужно знать, чем он дышит!» Меня очень поразило и обидело такой грубостью со стороны образованного педагога... Не прошло и недели, не успели приступить к организации коммуны, последовало распоряжение через газету в статье «Головокружение от успехов», и организация будущей коммуны «Якорь» не осуществилась...

Куда же мне деться с семьей в восемь человек? Написал своему другу Михаилу Александровичу Зайкову, члену Красноборской коммуны «На Перевале», которая существует уже второй год... Организатором ея был деревни Якушино Ширяев Михаил Александрович и деревни Бережная Юрьев Федор Дмитриевич, инвалид — герой Русско-японской войны, потопивший миноносец «Стерегущий», открывший кингстоны на де миноносца. Михаил Зайков да и все знакомые мне коммунары обещали ходатайствовать о принятии меня в коммуну. Для организации коммуны конфисковали двухэтажный дом священника Николая Попова, перевезли на территорию, занимаемую ныне Красноборским аэродромом.

Поехали с женой в коммуну «На Перевале» посмотреть бытовые условия коммунаров и хозяйственный порядок. День был теплый, солнечный. Подходя к дому коммунаров, увидел вопиющую бесхозяйственность. Конюшня и скотный двор на расстоянии восьми-девяти метров от дома. У дворов два года не убирали навоз, мух рой — нельзя рот открыть. Михаил Александрович повел нас в дом на верхний этаж. Посредине коридор, по ту и другую сторону — комнаты, отделенные одна от другой тесовыми досками. Почти у каждого в люльке качается ребенок. От сушки детских постелей запах — глаза слезит. Тараканов очень много. Захолонуло у нас на сердце.

Вышли коммунары делать на дворе уборку. Валяются изъезженные сани, разбитые телеги, негодные колеса, распрямившиеся дуги. Коммунары переругиваются. Федор Дмитриевич Юрьев говорит: «Нам, ребята, с таким порядком ни дна, ни покрышки не видать». Зашли на кухню. Повариха готовит обед. Накрошила картошки, нарезала селедок, луку, и вложила в трехведерный котел, закрыла крышкой для защиты от мух, а мухи густым роем кружатся над котлом. Не знаем, чем еще пополнен коммунальный стол,— мы не дождались обеда. <...>

Как ни тяжело было, но пришлось двоих своих детишек послать просить милостыню у голодных колхозников, а как им было стыдно просить, а нам смотреть на приносимые ими крошечные кусочки хлеба, испеченные с примесью всяких отбросов, приходилось сушить их, а потом истолочь в порошок и вложить в какую-либо похлебку.

Двух сыновей я отправил в Архангельск, одного приняли в токарно-слесарную мастерскую, другого — в игрушечную мастерскую. Две дочери устроились в няни. Осталось еще двое — дочь и сын пяти — семи годов. Я занялся в свободное время делать из березы ложки, тогда самый необходимый товар — ложек нигде не было в продаже, платили мне и молоком, а иногда и краюшку хлеба. И удивительно. Люди все ночи сидят на собрании — решают свои текущие дела, а меня, как лишенца, никуда не беспокоят, куда-то меня готовят выслать. 5000 рублей налог не уплачен, зачтены корова и теленок. Вызывают в налоговую часть райисполкома, объявляют трехдневный срок уплаты, и как у злостного неплательщика, продадут с торгов все хозяйство. Я не мог воздержаться — заплакал навзрыд , просил обследовать мое хозяйство и убедиться, что мои дети с колхозников кусочки собирают, а дом принадлежит брату Карпову Василию Степановичу, а не мне. Я уже отдал в счет налога корову и теленка, и какая-то цифра из налога 5000 рублей должна быть вычтена. Сельсовет обследовал мое хозяйство и снял налог ввиду очевидного доказательства несостоятельности хозяйства и принадлежности дома брату Василию.

Церковь на родине была закрыта, колокола сброшены и разбиты на мелкие части. Невыносимый был визг при разбивании колоколов. Скучно, тяжело было переживать такие чрезвычайные события. Я решил идти на Пасху в Черевковскую церковь, услыхав, что там будут петь хором адм<инистративно> высланные, а они певчие. Один из них — артист императорских театров контроктава. Поразительно было пение, хотя трио — бас и два тенора. Даже приятно слышать один такой бархатный бас. Поразительно хорошо исполнили концерт Дегтярева: «Днесь всяка тварь веселится и радуется!» Вокруг церкви на стенах зажжены фонари с буквами: «С сегодняшнего дня колокольный звон умолкнет навсегда». При входе в храм сделана трибуна, и с начала богослужения открыли митинг. В день Пасхи утром в девять часов открылось шествие по дороге, шли к церкви и везли на четырехколесной телеге посаженных рядом: в середине — царь в короне, по бокам — поп и кулак. Вместо оглобель к передней оси телеги приделаны длинные жерди, за которые тянут люди телегу, а на груди у них наклеены надписи: кулак, подкулачник, шептун, нытик. Процессия пришла на рыночную площадь, и открыли митинг. Я сказал уже, что я, как лишенец, свободен был от всех колхозных собраний.

В 34-м году перед Пасхой была объявлена антипасхальная неделя. Учительство, члены сельсовета и актив обязаны были обойти все дома колхозников с разъяснением о Пасхе как суеверном пережитке старых некультурных людей, и чтобы Пасху ничем не отмечали: не украшали ничем своих квартир, не пекли ничего праздничного. В Пасхальную ночь всем колхозникам выйти на субботник. Я как свободный пошел в Ягрышскую церковь к Пасхальной утренни. В двенадцать часов ночи началась Пасхальная утреня, запели первую песнь канона «Воскресения день», и вдруг заиграла гармонь. Трое комсомольцев стоят на лавке с гармонью. Народ возмутился, но все были женщины-старушки. Колхозники были все на субботнике, по вывозке на поле навоза. Священник вышел из алтаря и заявил, что он не может совершать богослужение, пойдемте, православные, из церкви. При выходе из церкви на крыльцо пришли два человека — член райисполкома, председатель колхоза с трехметровой доской, отобрал у сторожа ключ и приколотили на двери церкви доску, и церковь закрылась навсегда. В час ночи я пошел домой, народ весь на полях — возят навоз. Дальние колхозники не знают меня, и я без стеснения шел, а когда подошел на территорию своего колхоза, решил обойти колхозников в сторону кустарников и так прошел не замеченным... Так я встретил Пасху в 1934 году. <...>

Приходится признать неизбежно, что нас сохранило от беды какое-то всевидящее и вездеприсутствующее Око, которое видит и знает все наши будущие мысли и намерения. Это для меня так утешительно, что приходится вспоминать каждый день в текущих ежедневных делах и задавать себе вопрос: смотри, какую милость явил тебе Бог — ты узнал и увидел всевидение и вездеприсутствие Божие, что дороже всякой мудрости человеческой. Как необходимо и плодотворно это знание! Оно дает человеку неописуемую радость, успокаивает страсти, и в минуту жизни трудную, когда теснится в сердце грусть, с души как бремя скатится и будет легко, легко. Не будь у меня этого откровения, натворил бы я немало безнравственных дел, но благо мне, что у меня есть в памяти это всевидящее Око, и я вынужден радоваться и благодарить, что открыто мне свойство божества и вездеприсутствие.

Послушает мою такую исповедь современный ученый-атеист и подумает: лишился ты, неграмотный старик, ума, проповедуешь сказки, посмотрит на меня с презрением или с сожалением и скажет: отстал ты, старина, от современной культурной жизни. Не отвергаю учености, напротив — благоговею перед ней. Но в то же время подумаю: жалок ты — прошел все науки, а не узнал самого драгоценного, что знаю я, малограмотный мужик.

В 1936 году из-за голода выехал в г. Архангельск и поступил как столяр в столярно-мебельную фабрику «Якорь». Предложил свое посредственное искусство резьбы по дереву. Техник целую неделю сидел у моего верстака, смотря на часы, следя за работой и отделкой моих фигур на карнизах и филенках шкафов. Комиссия признала, что такая работа для широкого потребления дорога, поэтому резьбу по дереву отложила. Я перешел на работу в художественную мастерскую делать рамки и рамы для натяжки и наколачивания полотен с картинами художников.

Работа нехитрая — можно делать из неструганых досок или брусков — и заработок удовлетворительный. Не один раз объявляли, чтобы не состоящие в профсоюзе вступили в профсоюз. Я спросил: «Принимаются ли лица, служившие в Церкви?» Ответ был, что принимаются. Подал я заявление с приложением своей фотографии. Вызвали в контору профсоюза. По прочтении

Окончание на стр. 28

В ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

Александр КАМЕНСКИЙ

Выставка советского изобразительного искусства тридцатых годов в залах Государственной Третьяковской галереи на Крымском валу (это черновой набросок будущей постоянной экспозиции) воспринимается как открытая дискуссия.

О чем же идет спор?

Прежде всего вообще о жизни нашей страны в тридцатые годы. За последние годы мы услышали и прочитали много негативно-разоблачительных материалов и суждений о ней. Что ж, они основаны на фактах и в большинстве своем справедливы. Именно тогда окончательно утвердилась та система, которая грубо подавила свободу и культуру, задушила насильственной коллективизацией деревню, обкорнала до убогой скудности повседневность в городах, наконец, довела до совершенства ГУЛАГ, эту жестоко-мрачную, но закономерно возникшую поддержку тиранической власти.

Все это было, было... Но только ли это? Моя московская юность пролетела именно в тридцатые годы. И когда эту эпоху представляют только в черных тонах, во мне, честное слово, загорается глубокое внутреннее противодействие. Нет, я не был баловнем судьбы. Кровавый разгул сталинщины исхлестал и мою жизнь: я выстоял свои «триста часов» в Бутырках и Лефортове, «где для меня не открыли засов» и не дали хотя бы свидания с отцом, участником трех русских революций,— впоследствии я узнал, что он был расстрелян. Я познал и отвержение, и нищету, и отчаяние. Словом, что уж говорить — вдосталь хлебнул лиха...

И все же чувства обозленности и мести никогда не вытесняли в моем сердце огромного богатства интереснейших впечатлений, светлых надежд, уважения к беззаветно работавшему народу, любви к родине, какие бы суровые испытания она мне ни уготовила. Я как о чем-то очень высоком и драгоценном вспоминаю сейчас о великой увлеченности тех лет, об огненной испанской эпопее, об услышанных тогда симфониях Шостаковича и Прокофьева, концертах Софроницкого, стихах Пастернака, о спектаклях Мейерхольда, Таирова, Вахтангова...

Да простится мне столь непривычное для критической статьи отступление, но без него немыслимо объяснить свое восприятие искусства тридцатых годов, если хотите, определенную мою пристрастность. Ведь у каждого времени, кроме вереницы событий, есть еще своя музыка, свои краски и ритмы. Они неповторимы и уходят вместе со своими современниками. Скажем, над Москвой во второй половине 30-х годов был совсем не такой, как теперь, воздух. Он имел более высокий горизонт, был прозрачнее и медленнее, охватывал нас бездонным простором. Мы видели его глазами, воспитанными импрессионизмом и чуть более поздними течениями,— в потоке тонких изменений и переливов, живым и чутким.

Я узнавал это на выставке в полотнах и прославленных, и совершенно забытых, как бы заново открываемых здесь живописцев — А. Лабаса, А. Тышлера, М. Соколова, А. Морозова, Б. Рыбченкова, Р. Семашкевича, В. Каптерева, М. Маторина...

Как дивное видéние, полное непостижимого живописного совершенства, смотрятся в экспозиции пейзажи Р. Фалька. Правда, они запечатлели не Москву, а Париж тех лет («Осенний пейзаж», 1933—1934, «Мост у старой тюрьмы», 1936), но это, по существу, формальное обстоятельство, поскольку в картинах мастера оживает самый дух того времени во всей Европе — полный сложных предчувствий, тревожно-драматический, но вместе с тем сверкающий отблесками закатной, уходящей красоты, духовной мудрости нескольких поколений. Париж тогда уже не знал подобной живописи, он увиден тут «московскими глазами», артистом из России, которого воспитала отечественная художественная стихия.

Ах, она менялась на глазах, правда, порождая нечто новое, но год за годом утрачивая много неповторимого и уникального. Причем все вновь обретенное ждали тяжкие испытания, ибо оно испытывало удары на глазах крепнувшей антикультуры. Выставка показывает все это, хотя и без достаточно четкой концепционной последовательности.

Ведь экспозиция начинается с произведений мастеров, принадлежавших ранее к «авангарду». Зачем? Наверное, по аналогии с предшествующей выставкой искусства двадцатых годов, которая тоже открывалась работами самых бескомпромиссных экспериментаторов. В канун и после революции они были поглощены вдохновлявшей их идеей показать решительно преображенный мир, который живет по совершенно иным законам, чем раньше. Эта грандиозная общественная и эстетическая утопия вызвала к жизни невиданное формотворчество, новую систему изобразительных координат и ассоциаций, даже прорыв в космос. Но постепенно все это стало угасать — отчасти из-за грубых и резких административных гонений, но не в меньшей мере и из-за того, что трезво-приземленная проза жизни, которая сменила мечтательную романтику первых послереволюционных лет, лишила в тридцатые годы авангардизм духовной поддержки. Он потерял свою культурную среду и целеустремленность.

Что же произошло с художниками этого направления? Как показывает выставка, иные из них (И. Клюн, например) сникли в поисках компромиссов и стали работать попросту слабо. Другие создавали новые варианты своих творческих установок — эти искания еще предстоит понять и оценить. Так, К. Малевич соединил синтетичность и лаконизм геометрических формул разработанного им «супрематизма» с натурно-природными мотивами («Девушка с красным древком», «Девушка с гребнем в волосах», обе 1932—1933-й). Результат получился совершенно неожиданный. В фигурах есть какая-то первозданность, особая красота заново открытой человечности и душевной чистоты. Чем-то эти образы напоминают мадонн раннего итальянского Ренессанса. Но вместе с тем они целиком принадлежат миру людей, идущих «навстречу дня». Он ведь еще существовал в тридцатые годы, смешивая не утраченные пока иллюзии с искренней убежденностью в их осуществимости.

Так же и В. Татлин. Когда этот великий мастер умер в 1953 году, ни один из наших музеев не заинтересовался его произведениями. С трудом пристроили некоторые картины в Государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), откуда покаянная Третьяковка выпросила их для выставки. Это работы нового для Татлина стиля. В них нет и следа поразительных формоконструкций предыдущих десятилетий. Художник пишет по преимуществу натюрморты («Зеленые листья», 30-е, «Цветы в глиняном горшке», 1935 и др.). Классические (иногда с использованием иконописных приемов) по технике, они, однако, ничуть не академичны и полны особой духовной проникновенности, всегда свойственной удивительному мечтателю Татлину.

В сущности, мы сталкиваемся тут со странной вроде бы загадкой — ну, как можно было рушащей все старые стандарты, романтической и в известном смысле «потусторонней» поэтике авангарда найти свое место в сугубо рациональной и прозаичной обстановке нашей жизни тридцатых годов?!

Выходит, что можно. Это получалось и у более молодых тогда поколений. Ученик К. Малевича — ныне здравствующий К. Рождественский — дал на выставку никому ранее не известные картины тех лет, замечательные по качеству. Условность супрематистских цветосочетаний сплетена в них с лирической тонкостью едва ли не венециановского плана («Девушка с граблями», 1934). Так обнажается внутренняя связь классики разных эпох.

Но подобное творчество находилось в загоне. И новые искания недавних авангардистов и другие варианты искренне-поэтической трактовки действительности в тридцатые годы я бы назвал «искусством сопротивления». Оно противостояло массе казенно-парадных поделок официального искусства сталинских времен. Чем более бесстыдно оно лгало, тем настойчивее утверждался тезис «реалистической правдивости» в художественных произведениях. Особый психологический феномен тоталитаризма в творческой сфере поэт Михаил Светлов окрестил столь же ядовито, сколь и точно: «Демагогия, возведенная в степень чувства». Еще не описан с достаточной полнотой механизм самовозбуждения авторов, которые, изображая то, чего не было и не могло быть, клялись в своей безукоризненной правдивости и проливали при этом слезу оптимистического умиления. Какой восторженностью отличается, например, включенная в экспозицию картина В. Ефанова «Незабываемая встреча» (1936—1938), которая изображает прямо-таки любовный экстаз взаимных приветствий Сталина и жен руководителей тяжелой промышленности! Эти руководители вскоре почти все были уничтожены по приказу «вождя народов». Заодно источают бурную радость и присутствующие на встрече партийные лидеры — и Орджоникидзе, который вот-вот покончит с собой, затравленный Сталиным, и Молотов с Калининым, чьих жен вскоре запрячут в тюрьму, и Крупская, которая уже давно и безгранично ненавидела Сталина.

В деревнях голод и разорение, а пишутся пиршественно-изобильные «Колхозные праздники»; людей массами отправляют в концлагеря, а на портретах возникают глядящие в перспективу безукоризненные «социальные герои». Натурой при этом избиралась не подлинная действительность, а спущенные сверху директивы и тезисы, которые инсценировались раболепными художниками во внешне жизнеподобном виде. И ведь авторам удавалось иногда так изнасиловать собственную душу, что они по-своему верили в живописуемые ими молочные реки и кисельные берега! Культовый «театр для себя»! Особого расцвета он достигнет в конце сороковых — начале пятидесятых годов. Но первая стадия этой художественно-тоталитарной эпопеи относится, конечно, к тридцатым годам, когда подобный «театр» в чем-то был еще несколько наивен и к нему не так примешивался оттенок цинизма, ставшего позже отлично вознаграждаемым ремеслом.

Перед Третьяковкой возник вопрос: надо ли и в каком плане представлять «культовые» и «парадные» экспонаты? Трудная и больная проблема! Отказаться — не возникнет подлинная ситуация в искусстве эпохи. Показать — стало быть, отдать некую дань лицемерному вранью тех лет. Экспозиторы решили ограничиться несколькими примерами. Кроме «Незабываемой встречи», на выставке красуются еще пресловутые «Два вождя после дождя» («И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов в Кремле» А. Герасимова, 1938) — полотно, которое вскоре после своего написания стало излюбленным атрибутом культовых обрядов. В экспозиции можно увидеть и своего рода вещественное доказательство кровавого лицемерия — картину П. Соколова-Скаля «Скорбь у гроба» (1935), где Сталин застыл с миной глубокой горести на лице у смертного одра Кирова. Воля ваша, но после всего, что мы узнали, такое зрелище вызывает чувство омерзения. Вряд ли оно относится к числу «высокохудожественных» (тем более что этот этюд написан дряблой, скучной кистью).

Понимаю, конечно, история есть история и из песни слова не выкинешь. Но ведь «песня» советского искусства тридцатых годов была в общем-то другой, и выставка это показывает. Для нынешних современников несущественно, что когда-то было увенчано официальными лаврами, а что не пользовалось казенным признанием или даже вовсе не выходило за двери мастерских. Мало ли что! Написанный именно в тридцатые годы великий роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» пришел к читателю через четверть века. Сходная судьба была и у созданных тогда же творений А. Ахматовой, О. Мандельштама, А. Платонова и других дивных русских писателей, включая и тех, что жили за рубежом (скажем, и «Дар», и «Защита Лужина», и «Приглашение на казнь» В. Набокова тоже ведь в тридцатые годы написаны). Теперь история русской литературы этого

П. Кузнецов. «ОБРАБОТКА АРТИКСКОГО ТУФА» (1929).

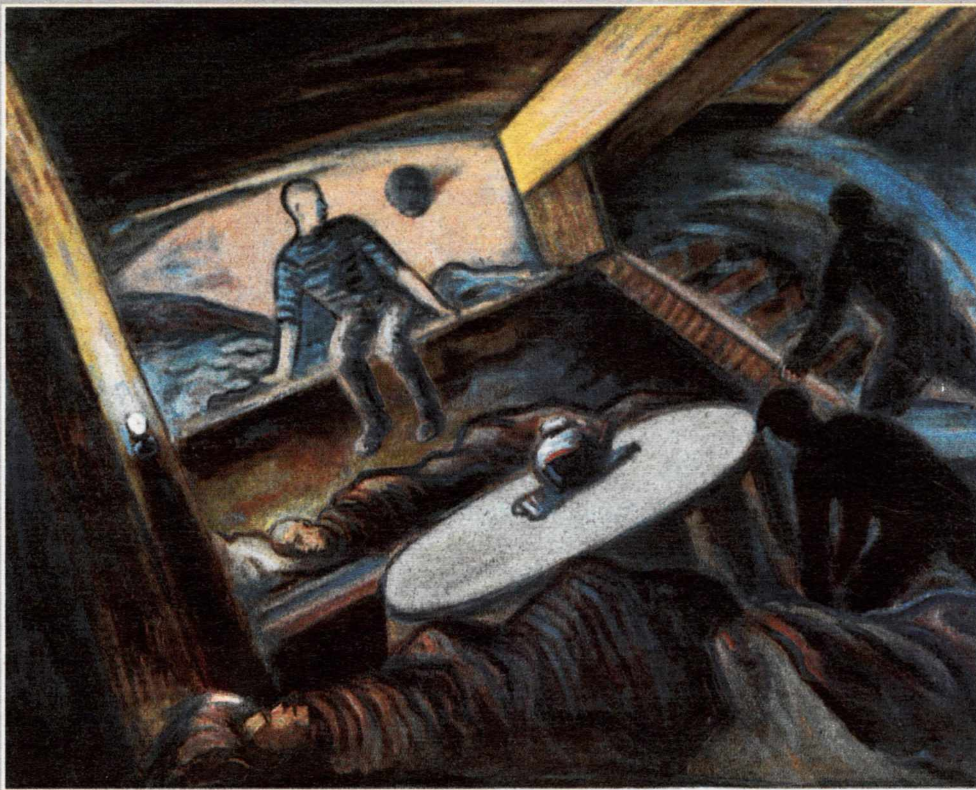
А. Куприн. «НАТЮРМОРТ С КРАСНЫМ ПОДНОСОМ И КУВШИНОМ» (1934).

А. Лепорская. «ПОРТРЕТ НОВОБРАЧНЫХ» (1929).

П. Суриков. «РАБОЧИЙ С ГАЗЕТОЙ» (1930-е).

С. Никритин. «СУД НАРОДА» (1934).

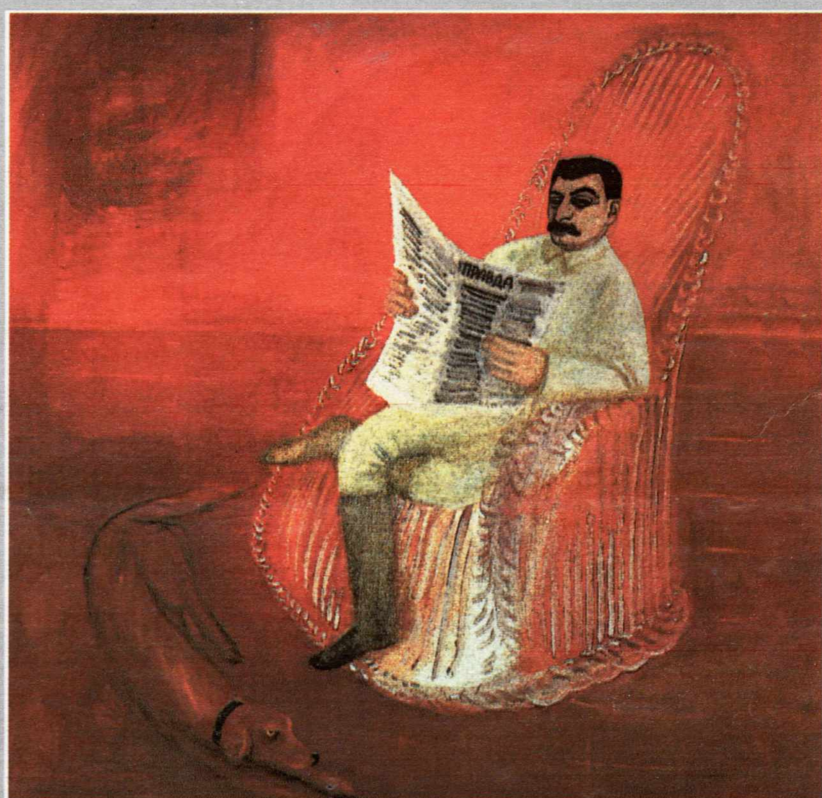
Б. Голополосов. «В КУБРИКЕ» (1933).

Ю. Щукин. «УШЕДШЕЕ» (1934).

К. Истомин. «ВУЗОВКИ» (1933).

В. Татлин. «ЦВЕТЫ В ГЛИНЯНОМ ГОРШКЕ» (1935).

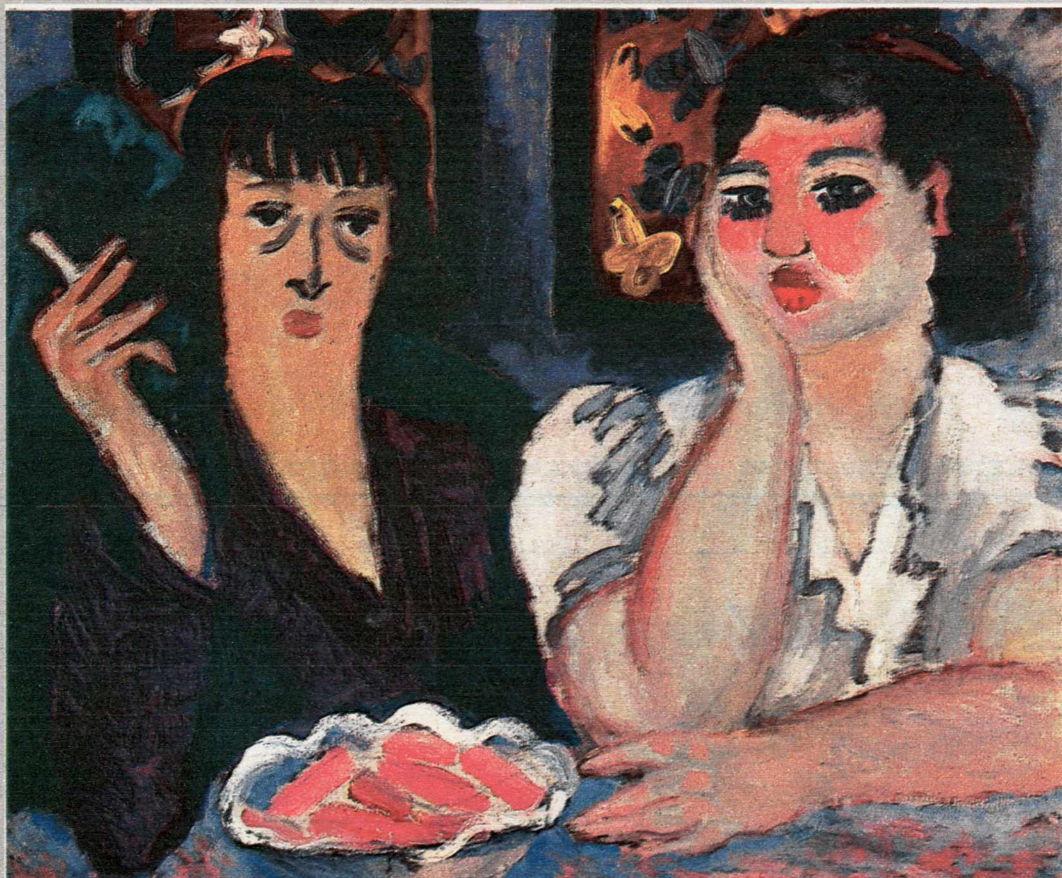
Г. Рублев. «ПОРТРЕТ И. В. СТАЛИНА» (1930-е).

А. Софронова. «БАЛЧУГ» (1930).

А. Лабас. «ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ ДИРИЖАБЛЬ» (1931).

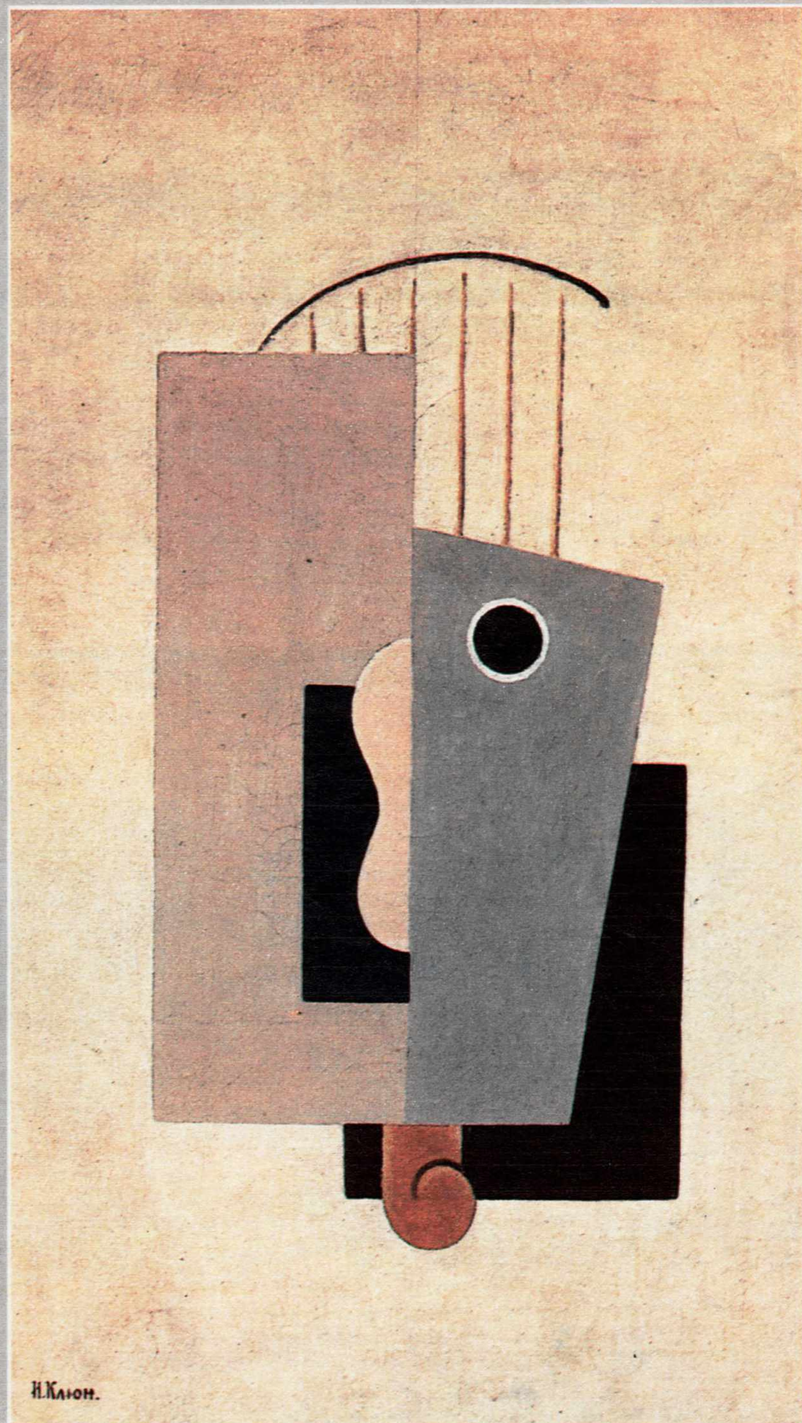

А. Тышлер. «ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ С АЭРОПЛАНОМ» (1932).

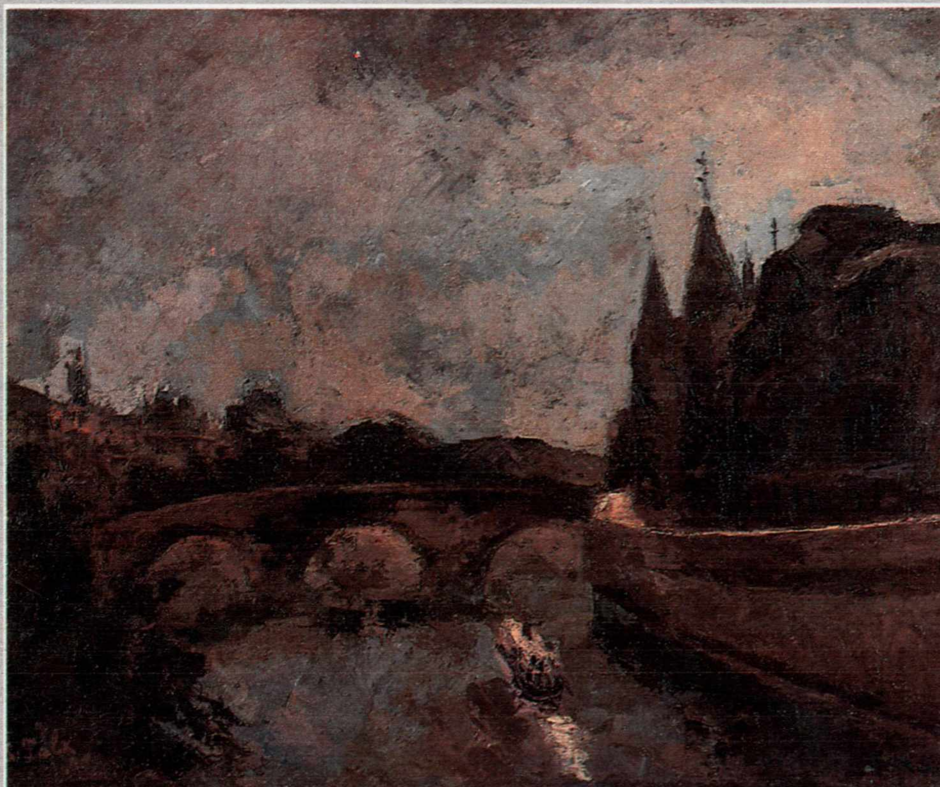

Т. Маврина. «ПОРТРЕТ СОФРОНОВОЙ С ДОЧЕРЬЮ» (1938).

И. Клюн. «КОМПОЗИЦИЯ» (1932).

Р. Фальк. «МОСТ У СТАРОЙ ТЮРЬМЫ» (1936).

К. Рождественский. «ДЕВУШКА С ГРАБЛЯМИ» (1934).

десятилетия (как, впрочем, и других) переписывается заново. То же происходит и с историей нашей отечественной живописи, хотя у нее свои особенности.

Оставим в стороне все виды «художественного» приспособленчества и конъюнктурщины. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов! Но что из картин этого десятилетия живо и поныне?

К «вечным истинам» тогда мало кто стремился. Другой полюс — верноподданное служение злобе дня — давал плачевные результаты, которые у зрителей наших дней попросту не вызывают интереса. На полувековой дистанции более всего привлекают к себе произведения, в которых конкретные реалии эпохи предстают как отблески больших мыслей и чувств. Прежде всего те, что созданы мастерами бывшего ОСТа (Общества станковистов). Что бы там ни толковали про А. Дейнеку (иным волевая сдержанность его холстов невесть почему кажется воплощением бездуховности сталинских лет), а он, по-моему, и сейчас смотрится вполне современно. Условное пространство с резким укрупнением масштабов фигур, мускулистая спортивность в соединении с некоей странностью кинематографических наплывов центральных деталей действия («Игра в мяч», «Мать» — обе 1932) — все это порождено поэтикой нового времени, не ставшей архаизмом и теперь.

Сложнее выглядит сейчас оценка другой знаменитой картины тридцатых годов — «Новой Москвы» бывшего остовца Ю. Пименова. Звучащее в этом полотне несколько наивное, но вполне искреннее восхищение переменами тех лет в облике советской столицы и посейчас сохраняет свою привлекательность. Но есть какая-то ограниченность эмоциональной трактовки времени в этой безмятежной идиллии. Дата создания картины — 1937 год. Конечно, несправедливо требовать от кого бы то ни было предвидения того, что станет ясным через десятилетия. Но зоркое художническое восприятие должно было, пусть хоть в косвенных оттенках, ощутить и отразить драматические аспекты эпохи.

Само собой, такой упрек неотносим к работам романтического плана. Когда остовцы А. Лабас («Первый советский дирижабль», 1931), А. Тышлер («Городской пейзаж с аэропланом», 1932) изображают повседневность своей страны как некую «сказку о современности», волшебную и радужную,— это мечта, а не реальное повествование. А у мечты свой мир, свои законы.

Но есть же примеры иного свойства. Тревожность интонаций чувствуется в картинах, написанных близким когда-то к ОСТу С. Никритиным. В его «Демонстрации», «Собрании», «Автопортрете» (30-е) изображения построены на острых, динамичных силуэтах, пронизанных острым волнением. Не говорю уж про «Суд народа» (1934) с его тусклым освещением, колеблющимися, тревожными тенями, страшными своей безликостью фигурами (которые никак не соответствуют названию картины — тут веедь показан не столько «суд народа», сколько «суд над народом»). Замечу, что вообще подбор картин С. Никритина — одно из значительных открытий выставки. Как, впрочем, и представление работ нескольких живописцев, напрочь неизвестных даже большинству специалистов. Это автор остро-напряженных по чувству жизни, экспрессивных по форме композиций Б. Голополосов, чьи картины «В кубрике» (1933), «На Днепрострое» (1932—1933) и другие буквально сотрясаются от взрывов цвета и лихорадочного ритма. Это А. Голованов, чья «Лунная ночь» (1930) (пожалуй, как-то перекликающаяся по стилю с прозой Юрия Олеши, ее условностями, уподоблениями, скрытыми и явными метафорами) доносит до нас краски романтического воображения своих лет. Это, далее, И. Безин, А. Морозов, Г. Павильонов, А. Щипицын, Ю. Щукин, очень разные мастера, которые до недавней поры еще не были представлены в музеях, а теперь оказываются в числе опорных фигур искусства тридцатых годов. Самый факт, что из глубин неизвестного к нам могут приходить сейчас художники столь высокого класса, показывает, насколько еще плохо мы знаем подлинную историю советского искусства.

Но мы, похоже, не знаем и тех, кого знаем. А. Софронова — известная представительница группы «Тринадцать», но кто отмечал и ценил такие ее живописные шедевры, как «Балчуг» (1930), «Золотой фазан» (1936)? Т. Маврина прославлена как график-иллюстратор и сказочник, но ведь ее «живописное прошлое» тридцатых годов — изысканные по цвету натюрморты, полные тонкой характеристики портреты — доселе было, в сущности, неведомо широкому зрителю.

О К. Рождественском уже говорилось, но вот целая стена картин другого признанного монументалиста — Г. Рублева. И снова открытие! Свойственное мастеру сочетание гротеска с нарочитой наивностью для своего времени уникально. Особенно примечателен рублевский портрет И. В. Сталина (30-е), где таится острый сарказм: показан этакий самодовольный мещанин, который, развалясь в летнем кресле, с хитрой и подозрительной насмешкой почитывает газетку. Картина была найдена под ворохом старых холстов: объявись она в те годы — автору, несомненно, не поздоровилось бы...

Все эти и многие иные показанные на выставке произведения советской живописи тридцатых годов пронизаны духом несломленной вольности и душевной щедрости продолжающей жить культуры. Не скажу, что в каждом отдельном случае художники обязательно хотели противопоставить свое видение и понимание жизни официальным тенденциям, но на деле получалось именно так. Напор казенщины был велик, однако и противостояние творческого мышления оказалось основательным.

С особой силой такое ощущение испытываешь в заключительном зале экспозиции, где центральное место занимают портретные работы трех великих мастеров — М. Нестерова, П. Корина и П. Кончаловского.

На исходе своей большой жизни, после долгого молчания, М. Нестеров написал серию портретов деятелей отечественной культуры, где высокие порывы духа, взыскующая совесть, внутренняя свобода и убежденность изображенных людей, наконец, самое живописное совершенство полотен явственно противостоят плоскому самодовольству и угрюмой ограниченности властей предержащих, распаду интеллектуальности и нравственных начал. Таковы «И. П. Павлов» (1935), «И. Д. Шадр» (1934), «П. и А. Корины» (1930), «А. В. Щусев» (1941). На выставке думаешь, что последний из них, выполненный незадолго до кончины Нестерова, пожалуй, недооценен. Знаменитый архитектор показан в глубоком раздумье, словно бы во внутреннем споре с кем-то. Дивный по красоте бухарский халат, которым как-то неожиданно укутан Щусев, служит образом его художественного мира, поисков гармонии и творческого богатства. В этом есть свое упрямое и гордое «несмотря ни на что».

Такая тема духовного противостояния составила самую сердцевину творчества достойного ученика М. Нестерова Павла Корина. Он представлен достаточно широко, но самое большое впечатление оставляют, конечно, его портретные эскизы к так и не написанному гигантскому полотну «Русь уходящая». Художник (если судить по подготовительным работам) стремился изобразить деятелей и подвижников гонимой в 20—30-е годы русской Церкви, их великую веру, которая связана тысячами нитей с духовной традицией России и сохранила свою силу и неколебимость даже в пору самых жестоких испытаний. Каждый из эскизов к этой композиции — повесть об огромном душевном богатстве, которое просто несопоставимо с бренной суетой повседневного и обращено к вечному и непреходящему. Такова, например, «Схимоигуменья Фамарь» (1935) с ее вдохновенно-отрешенным ликом и спокойной печалью замершего взгляда, устремленного в бесконечность и обладающего даром проникновенного ясновидения.

Странно, казалось бы, ставить рядом строгого, неизменно самопогруженного, чем-то даже монашески-аскетичного П. Корина и П. Кончаловского — блистательного, жизнелюбивого артиста. Но на выставке они — по соседству. Да что там на выставке — их объединил контекст времени, известная близость судеб и убеждений. Оба они, каждый по-своему, утверждали мужество духа, красоту творчества, которые способны противостоять любому деспотизму уже самим фактом своего существования. Не такой ли мыслью одушевлен представленный на выставке портрет В. Мейерхольда (1938) кисти П. Кончаловского? Этот портрет был завершен буквально в самый канун ареста и гибели прославленного режиссера, и тень страшной беды витает здесь над ним. В утомленной и вместе с тем нервной позе полулежащего на тахте Мейерхольда, в вопрошающем разлете его бровей, горькой складке губ — ощущение и предчувствие наступающего ужаса, от которого нет защиты. Но вместе с тем в картине видна не одна лишь обреченность. Темный силуэт фигуры резко выделяется на фоне бушующих красок и вихревого ритма коврового орнамента, весомой пластики натюрморта на стоящем рядом столике. Это как бы метафора неисчерпаемой фантазии режиссера, его приобщенности к красоте мира. Так утверждается непобедимость творческого духа, с какими бы трагедиями он ни столкнулся.

Не в этом ли высший смысл всего наследия советской живописи тридцатых годов, да и вообще опыта нашей гражданской истории тех, уже далеких лет...

почта почта почта «ОГОНЁК» почта почта почта

Предлагаю вынести на рассмотрение один из многих нерешенных и, на мой взгляд, весьма интересных вопросов, касающихся рядовых налогоплательщиков.

Одно из учреждений Вооруженных Сил СССР — Студия военных художников имени М. Б. Грекова, работающая под руководством Главного политического управления СА и ВМФ.

Обращаю внимание читателей на «Агитатор армии и флота» (№ 6 за март этого года), а конкретно — на беседу с начальником студии военным художником полковником В. Я. Хорошиловым.

Если верить Василию Яковлевичу, то военнослужащие на офицерских должностях составляют в коллективе лишь 15 процентов. По его утверждению, «чтобы правдиво рассказать об истории армии, ее современных проблемах, надо знать жизнь военных не только по книгам»... Дальнейшее повествование пытается подвести читателя к тому, что военным художникам без офицерских званий не обойтись (с соответствующими окладами, льготами в период прохождения «службы», а также солидной пенсией в расцвете сил и лет). Последнее, безусловно, из его слов не вытекает, но я пытаюсь довести положение до логического конца.

Места пребывания военных художников указаны весьма не ординарные: опаленный войной Афганистан, нелегкие стройки БАМа, растерзанная землетрясением Армения, то есть, насколько я понял, за сюжетами в такие «горячие точки» едут только люди мужественные и олицетворяют их именно художники-офицеры. Если это так, то мне до обидного больно за тех гражданских девушек и женщин, которые были в Афганистане совсем не в краткосрочной командировке, но на сегодня имеют оклады и льготы в явной диспропорции с военными художниками.

Предположим, полностью без военных в искусстве не обойтись; предположим, что без военных изобразить многоликую армию во всех подробностях невозможно. Но я не могу объяснить другое: из каких соображений в студии введен именно офицерский институт? Разве прапорщики и сверхсрочнослужащие смотрят на мир искаженно?

Никак не могу взять в толк, из какого расчета ГлавПУР продвигает в званиях своих подопечных — военных художников. Приведу выдержку из интервью: «Думаю, что для военных читателей не составляет секрета, что есть такие части, где может побывать лишь художник-офицер». Фраза прямо так и вводит в грех расспросить, что же это за части. И как быть со «Щитом Родины» — войсками стратегического назначения, когда целая армия «промышленников» проводит комплекс работ по установке ракет на боевое дежурство да ежегодно приезжает на регламент и доработки? По логике вещей в таком случае все заводчан, пусконаладочные и проектные конторы в срочном порядке для большего неразглашения военных тайн необходимо произвести в офицеры и генералы с гарантированными пенсиями, окладами и льготами.

Все-таки очень бы хотелось знать некоторые, отнюдь не секретные подробности нашего военного бюджета.

Н. ГРИГОРЬЕВ,
гвардии старший лейтенант
Алтайский край

Алла БОССАРТ
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

ИЗДЕЛИЕ N. 6

Гробовщик — профессия, безусловно, мрачная. И должна, наверное, накладывать на мастера отпечаток известного угрюмства. Однако я бы нипочем не распознала мастеровых этого жанра в бригаде веселых мужиков, расположившихся с обеденным домино вокруг длинного ящика. Правда, обед происходил в соответствующем цеху, а ящик по форме сильно смахивал на это самое... а при ближайшем рассмотрении им и оказался.

Смерть всегда была важнейшим литературным объектом, воплощаясь во множестве интерпретаций. Традиционный мотив русской литературы — погребение с пристальным рассматриванием, поэтизацией его знаков, в частности такого, как гроб.

Интерес к смерти нормален, как интерес к неведомому, к порогу бессмертия. Уважение к смерти — в границах человеческой нравственности, за которыми — вандализм. На бытовом уровне это опять-таки погребение, столь существенное для близкого нам православного сознания представление, что приличные похороны и поминки как бы искупают самую забубенную жизнь.

Советская так называемая «похоронка» — все, что имеет отношение к кончине, советский «образ смерти» является логическим продолжением советского образа жизни. О кладбищах, могильщиках и ритуальных услугах все мы, к сожалению, не только начитаны. Но есть в этой скорбной области один сектор, с которым население не сталкивается напрямую. Это — производство погребальной, или, как принято почему-то выражаться, ритуальной, атрибутики. В частности, гроба.

Производство гроба, как всякое социалистическое производство, плановое, ритмичное и предельно стандартизированное, то есть ни о каком заказчике, с одной стороны («Гробовщик» Пушкина), а следовательно, ни о какой конкуренции — с другой (Безенчук и «Нимфа»), вопрос, слава Богу, не стоит. Как, следовательно, и о качестве.

«— В длину пусти на четверть подоле, чтобы не стеснять, а главное, Прохор Петрович, вымеряй ты мне плечики. Я в плечах довольно широк, да присчитай подушку, чтобы плечи лежали на ней, дерева прямо не касаясь.

— Будьте покойны.

— Дерево поставь — лучший дуб, полированный, и чтобы без сучков, особенно на крышке. Лаком покроешь белым, ручки и ножки серебряные, под один штиль, а не как бывает, что ручки гладкие, а ножки с львиной лапой.

— Это когда по дешевке...

— Вот то-то. Потом сделай ты мне замок с ключом и пригони получше. Это уж моя прихоть, сам знаю, зачем. Как запрете, ключик просуньте мне через малый прорез, поближе к рукам. Обязательно и ключ и весь замок серебряные, чтобы не ржавели. Деньги тебе вперед платятся, будь покоен.

— Это что же, мы знаем!

— Вот. И еще, Прохор Петрович, в головах на крышке одно оконце, да по бокам два других, и застекли со всей тщательностью; размер четыре вершка на три. И опять же стекла в серебряных рамочках без переплета... Насчет покрова сказал: синей парчи с бахромой и кистями. Кисть ставь среднюю, большая тянет».

Это не о нас. Это из эпохи штучных товаров, когда мастер еще не стеснялся своего ремесла (М. Осоргин «Любитель смерти»). Если же мы захотим, скажем, воздать дорогому покойнику дорогие почести, то ни за какие деньги нам не добыть ничего, кроме суковатого пенала, обтянутого кумачом либо веселеньким небесным ситчиком. Ну, в крайнем случае в складочку. Столяры и обивщики единственного в Москве специализированного деревообделочного завода (так он щадяще называется) отворачивались от объектива, а желчная женщина, начальник цеха, объяснила, что у половины рабочих дома не знают, где они трудятся.

Этому заводу Управление коммунального хозяйства (а тому — соответствующее министерство) спускает план: 400 изделий типа «гроб» ежемесячно. Цифра жесткая и совершенно произвольная, не связанная ни с эпидемиями, ни с погодой, ни с криминогенной обстановкой. Причем при низкой смертности, скажем, летом нельзя на... (хотела сказать «настругать», что противоречило бы действительности, ибо продукцией деревообделочного завода является вполне аскетический, простой, отнюдь не струганый гроб). Итак, нельзя сколотить этих неструганых ребят впрок, скажем, на зиму, на осень: негде хранить, у завода нет помещения для сушки, свежее дерево плесневеет и гниет. (Как это у кустарей, туды их в качель, все было? Ну что ты будешь делать!)

Остается только удивляться, что в конце концов ценой бо́льших или меньших мук несчастные родственники все-таки приобретают изделие типа «гроб» и даже более или менее вовремя.

(Не прошу у кооператоров, хватающих на лету, комиссионных за идею. Прошу об одном: поделикатней с названием. Что-нибудь из латыни, если можно.)

Начальник цеха, которая показалась мне желчной, а на деле, видимо, просто (как и мы) озверела от всеобщего абсурда и, в частности, от идиотизма, сопровождающего ее собственную работу, встретила нас раздраженно: что, кроме гробов, уже не о чем писать?

Да нет, конечно. Жизнь как всегда прекрасна и удивительна. Раньше обойщики работали молотками, а гвоздики держали во рту, в результате чего в несколько лет «съедали» все зубы. А сейчас в десять минут оприходуют гроб аккуратными скобочками из обойного «пистолета». И управление сыто, и зубы целы.

Но лично меня все как-то свербило, что современные гробовщики стыдятся своего дела. (В том числе и желчная начальник цеха, фамилию которой мы в связи с этим обстоятельством догово-

рились не упоминать.) Может, традиция? Проверила по литературным источникам: нет, ремесло не хуже прочих, вполне почтенное по конъюнктуре русских мастеровых. («...Конечно, мой товар, не то, что ваш: живой без сапог обойдется, а мертвый без гроба не живет». Пушкин.)

А вообразим себе такую картину «в духе Рафаэля», что тот же ерник-доминошник сочиняет над своим верстаком индивидуальный заказ с ручками-ножками, с окошками и прочей дребеденью, полирует, лакирует, подгоняет... Ну то есть примерно так, как ладит он сегодня гроб для номенклатуры.

Ах, воскликнут простые граждане, ущемленные, как и я, пролетарским комплексом недоданности, ах! Вы хотите сказать, что аппарат хоронят в особой, так сказать, упаковке?!

Какие, право, наивные граждане! Сказано же, образ смерти — продолжение образа жизни. А то некоторые съежились там у себя за чертой бедности или на своем двухкомнатном прожиточном уровне, что в принципе одно и то же, и знай себе лелеют великую гуманитарную иллюзию, что смерть всех уравнивает. Чего захотели! Оказывается, что смерть-то и есть самая неподкупная инстанция в нашей стране чудес, где ничего нельзя — и все можно. Так вот знайте: как не стать у нас бомжу или простому профессору в третьем поколении Президентом, так и не нарушить им железной погребальной иерархии. Роскошный «Гроб № 6» изготавливается нашими анонимными умельцами только по специальному распоряжению правительства — для членов правительства же, Политбюро, генсеков. Исключение было сделано, если не ошибаюсь, дважды: для Сахарова и Высоцкого. Горькая ирония: только у порога мирового пространства самые честные, чистые и безгрешные перед своим народом души официально уравнялись с ватагой упырей от Сталина до брежневской охапки.

— Вам случалось делать правительственный гроб?

— А как же!

— И в чем же разница?

— Ну, работа для мастера, что ты! Чистая работа. Во-первых, оструrаешь, как положено. Подгонишь, чтоб без щелей — стоять ведь ему с покойником дня три, не меньше, с народом прощаться. Так нельзя, чтоб дух пропускал. А то еще второй про запас держим — чтоб в свежий переложить, как сильно тлеть начнет, покойник-то. Брежнева в двух хоронили, а Сталина — того в трех. Дальше. Шестерка — гроб укладистый, вместительный. Сантиметров на десять длинше стандартного и пошире сантиметров на шесть, чтоб не стеснял. Идет на него только одна порода дерева — сосна.

— Дуба, стало быть, не дают?

— Не, дуба нынче не дают. Дорог. А простой гроб и вовсе из остатков склепать можно: доску сосны, доску березы...

— А осину можно?

— Дык если честно... Можно, конечно, и осину.

— А правительственный?

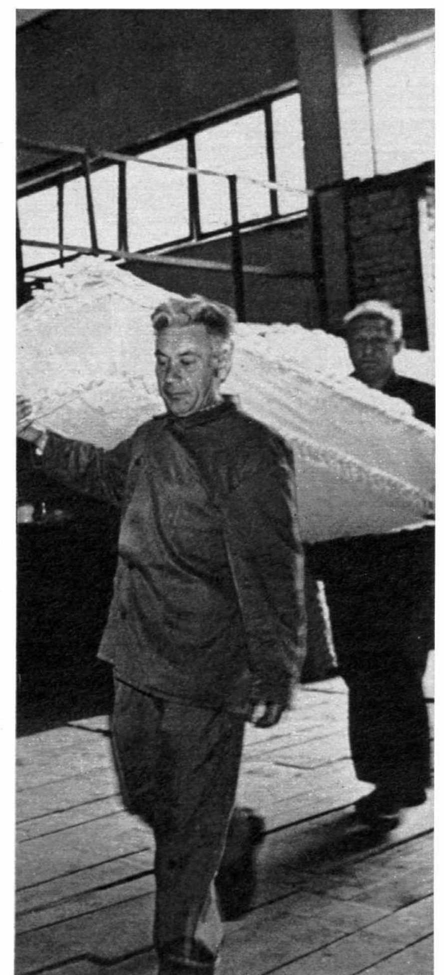
— Шестерка-то? Боже сохрани. Говорю тебе: исключительно сосна. С этим строго. На подушку, к примеру, опилки пускать не имеешь права, как в простом гробе. Только вату.

— Это чтоб удобней?

— Ну. Клиент у шестерки нежный, не тебе чета.

Он, конечно, усмехался, этот слегка поддатый гробовщик с карандашом за ухом. Приглашая усмехнуться и нас над еще одной неожиданной привилегией. Двадцать метров крепдешина в мелкую складочку, четыре часа на обивку вместо положенных для нас с вами десяти минут... Нет, комично, конечно, по-своему, как и всякая причуда... Но вот не слишком ли много у нашей власти причуд? И как подумаешь, причуды какие-то дикие. Рядом дети мрут от пестицидов, а власть себе за трехметровым железобетонным плетнем на навозе помидорчики ро́стит, финской водичкой поливает, и на каждый куст — два огородника. В городе Москве школ не хватает, в первые классы — конкурс, как в ГИТИС, крысы под партами бегают, а власть очередной памятник Ленину шлепает за два миллиона, не говоря уже о дачках за двадцать. Ну и так далее. И есть ли еще на глобусе такая варварская страна, где даже в последний путь одна только власть имеет право снарядиться красиво, за сто сорок пять рублей, в то время как простому трудящемуся положен строгий потолок в восемьдесят. В неструганом. Некрашеном. Щелястом. Красный либо голубой — выбирай себе любой... Я понимаю гробовщиков Страны Советов — еще бы им не стыдно! Жалко, что только им.

Что касается меня лично, я согласна даже на осиновый. Я согласна оплатить причуду власти быть похороненной лучше меня. Я согласна оплачивать ее так щедро, как позволит воображение. Но при одном условии: только эту единственную причуду. И ни причудой больше.

ИНТЕРВЬЮ С АЛЕКСЕЕМ КОЗЛОВЫМ, ПРОТЯЖЕННОСТЬЮ В ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ, НАЧАТОЕ В 1977 ГОДУ ВАСИЛИЕМ АКСЕНОВЫМ И ЗАКОНЧЕННОЕ В 1990-м НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ НАТАЛЬЕЙ ЗАГАЛЬСКОЙ

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

ДЖАЗ, РОК И МЕДНЫЕ ТРУБЫ...

«Аксенов ехал по Сретенке и вдруг, увидев жерло Хмелевского переулка, заваленного снегом, безотчетно сделал левый поворот. Только оказавшись в переулке, он понял, что произошло: месяца три он уже собирался к Козлову, да все никак не мог собраться, как вдруг все сошлось — и время, и место, и рефлекс сработал. Так живем мы тут в Москве, такая жизнь.

Возле знакомого дома криво, кормой вверх стоял среди сугробов козловский ярко-желтый «Запорожец», «Иеллоу сабмарин», как его называют в Москве по имени песенки битлов.

Аксенов обрадовался: значит, приятель дома. Он привык в последнее время видеть Козлова за рулем этой громко стучащей автомашины. Вполне естественно: саксофон и гитары джаз-рок-ансамбля «Арсенал» соединяются с усилителями, а здесь «Запорожец»— как усилитель пульса.

Оказалось, радость преждевременная. Домашние сообщили, что «Запорожец» врастает в хмелевские сугробы, словно корабль «Фрам», а его хозяин со своими «арсенальцами» в Москве теперь почти не бывает — сплошные филармонические гастроли. Вот только что были в Ярославле, а теперь играют во Владимире.

Дерзейшая мысль посетила Аксенова: а что, если на два дня оторваться от писанины и махнуть во Владимир. Такая отчаянная идея посетила его, и вот он уже в поезде «Буревестник».

Вместе с ним в древний город следуют французские туристы, огромное семейство цыган, воинская команда и тетушки с апельсинами.

На станции во Владимире мела пурга, эпицентр пурги кружил в Золотых Воротах, хвост пурги хлестал по новому, шикарному зданию филармонии.

— Ребята, вот приехал наш друг Василий Павлович,— сказал Козлов.— Ты нам мешать приехал?

— Интервью приехал брать.

Аксенов вынул из мешка магнитофон.

— Я и говорю, приехал сорвать нам репетицию,— сказал Козлов.

Они уселись посреди проводов и барабанов, подключились и заговорили.

А. Недавно я вспоминал, когда первый раз тебя слушал, и вспомнил. Это был один из самых первых фестивалей джаза в гостинице «Юность», кажется, в 1961 году...

Давай вспомним немного о тех временах, о начале шестидесятых, не возражаешь?

К. Что ж, давай. Я отлично те времена помню...»

Козлов и сегодня — тринадцать лет спустя — отлично те времена помнит.

КОЗЛОВ. Период с 1957 года до выставки в Манеже, когда мы впервые получили оплеуху, которая многих отрезвила, был временем надежд. Для меня эти годы во многом связаны с кафе «Молодежное». Меня пригласили туда играть. Вы знаете, какие у меня начались конфликты с властями? Я ведь был в то время выпускником архитектурного института и должен

был идти работать по распределению в какую-то проектную организацию. Но для себя-то я уже решил быть музыкантом, а не архитектором — вот и пришлось скрываться от милиции...

«А. И все-таки ты теперь строишь свою музыку, как архитектор и...

К. Не важно, как мы ее построили, но только ее нам интересно играть. Это раньше все были боперы или хард-боперы, сходились, например, люди, которые любят Колтрейна, и начинали играть. Понимаешь, люди вроде бы собирались случайно, но они были не случайными партнерами, они были единомышленниками, и если там оказывался «чужак», который не мыслил так, как вся компания, а только лишь подлаживался, то ему очень быстро показывали на дверь. В том смысле, что просто ритм-секция его «провожала», давай, мол, уходи, а если он не понимал, то все просто могли бросить игру. К сожалению, время джемсэйшн прошло...

А. Из того, что ушло в прошлое, быть может, больше всего как раз и жалко эту атмосферу джема.

К. Между прочим, ты, может быть, не знаешь, что бибоп именно на джемах возник. Ранние боперы собирались в Минтон-клабе и старались играть так, чтобы не лез к ним в компанию всяк кому не лень. Телониус Монк, например, специально изобрел такие аккорды, чтобы «чужаки» не вклинивались. На джеме важно, чтобы музыканты совпадали не только по вкусу, но даже и по темпераменту.

Не только музыкантам надо было тогда совпадать, но и слушателям, вспомнил Аксенов. Ритм моих шагов по ночным улочкам Кракова должен был совпасть со скрипом дверей, с мяуканьем котов, с боем часов на башнях костелов, прежде чем я попал бы в прокуренный подвал, где совпали друг с другом десятка два любителей джаза, и я с ними совпал.

Так и тогда совпали Козлов и Зубов, и наша случайная компания, и посудомойки «Ритма», которые гремели посудой и ругали музыкантов за невосполнимые убытки, и недостаток кислорода в кафе с испорченной вентиляцией тоже должен был совпасть с саксофонами, ибо морской озон или хвойные ароматы не совпадают с джазом шестидесятых».

Козлов: «Молодежное» было первое в Союзе джазовое кафе. Никакой эстрады! Мы даже специально нанимали комсомольцев-дружинников, которые сажали на место танцующих и объясняли, что под эту музыку танцевать нельзя, ее надо слушать. Тут-то мы все и перезнакомились. Сюда приходили поэты, художники, писатели, космонавты. Приходил, например, Юрий Гагарин, приходили Назым Хикмет, Михаил Светлов, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский. Ну, и, конечно, завсегдатаем кафе был Вася Аксенов.

В то время я входил в группу молодежи, которая называлась «штатниками». «Штатники» одевались только по-американски. Мы всеми правдами и неправдами, рискуя жизнью (нас вполне могла забрать милиция), встречались с американцами где-то у гостиниц и покупали или обменивали у них настоящие американские костюмы, сшитые на Пятой авеню. Брюки были широкие, обязательно шузня с «разговорами», на подошве «гуд иер», тонкий галстук, рубашка «бати даун» с планкой, прическа «аэродром». Как раз начался твист, и все ходили в узких брюках «под стиляг». И на нас смотрели с удивлением и сами стиляги, и комсомольцы, которые со всеми нами боролись. Никто не понимал, кто мы.

Потом мы узнали, что и в среде американской молодежи есть группа элиты «айви лиг» («Союз плюща»). Мы узнали, как они одеваются, чем увлекаются, и старались им соответствовать, в том числе и в одежде. Иногда ребята сами шили себе костюмы и, вшив туда лейбл, выдавали его за американский. Но нас было трудно провести! Мы очень просто обнаруживали подмену — по строчке сзади, по подкладке, которой на американских пиджаках сзади не было, или по пуговице, пришитой не тем способом и т. д. И тогда говорили: «А... совпаршив...» — и тот, оплеванный, в этом пиджаке уже не появлялся в районе «Националя»...

О джазе мы знали тогда больше, чем сами американцы. Когда в Москву приезжали какие-то туристы и мы пытались у них узнать, что нового происходит в области музыки, выяснялось, что они ничего о джазе толком не знают. Жить в Америке и не сходить на концерт Джерри Маллигена — мне казалось это верхом бескультурья!

Наше увлечение американской музыкой не означало, конечно, что мы были такие вот продажные низкопоклонники — при этом я изучал и русские народные песни, и древнюю русскую культуру и всегда был православным христианином. Это накопление знаний шло параллельно. Я считал и считаю до сих пор, что русский человек тем более будет русским, чем больше он будет знать о других культурах, и западной в том числе. Вся эта доморощенность, оторванность, «закапывание» себя на печке и высокомерное презрение к другим не имеют ничего общего с подлинным национальным самосознанием.

Кстати, позже я узнал, что когда «Битлз» приехали в 1964 году в Штаты (это было время политического кризиса, убийства Джона Кеннеди), среди американской молодежи возникло аналогичное движение — англомания. Разочаровавшись в своей стране, молодые люди стали увлекаться Англией. Появилась, например, рок-группа «Сэр Дуглас-квинтет», которая во всем подражала англичанам XIX века, и ребята, которые приходили на их концерты, тоже были англоманами. Они презирали Америку из-за убийств, расизма, безработицы. Это был очень мощный социальный и культурный протест, выразителем которого стали, в частности, хиппи. Схожесть состояла в том, что и мы, и они отвернулись от своей культуры. Нам она казалась фальшивой и убогой. Мы-то знали, что джаз лучше, чем вся эта советская эстрада, которая звучала из каждого репродуктора, и никак не могли это никому доказать! В том, что появились те же «штатники», виноваты были наши власти. Мы видели, что они врали и не давали проникать к нам прекрасной джазовой культуре, красивой, свободной музыке, которая никого не может развратить, а, скорее, наоборот.

— И все-таки эта музыка к нам проникла — в основном через знаменитые кафе шестидесятых «Аэлита», «Синяя птица», «Печора», «Молодежное», «Ритм»... От них остались сейчас одни названия.

АКСЕНОВ. «Еще бы не помнить кафе «Ритм». Еще бы не помнить шевеление тяжелой листвы под городским пыльным ветром. Еще бы не помнить этот асфальт: в жаркие дни он пружинил под ногами и даже слегка проваливался, а ночью после джаза начинал звенеть. Ночью после джаза над тихой Миусской площадью прореживался смог и в космическом колодце ясно, словно в горах, сверкали звезды, еще бы не помнить. Еще бы не помнить запах мокрых тряпок и возмущенный галдеж на кухне, странные лучи, взгляды друзей, пересекающие пищевой зал...»

— В кафе ходили многие художники-авангардисты, представители так называемого «неофициального искусства». С кем из них вы общались?

— Через Юру Соболева я познакомился со многими авангардистами: с Ильей Кабаковым, Юрой Куперманом, Толей Брусиловским, Володей Янкилевским, потом с Лидой Мастерковой и всей лианозовской группой, потом с Комаром и Меламидом. Мы стали встречаться не только в кафе, но и в мастерских художников, в подвалах и на чердаках на Сретенке — у Эрнста Неизвестного, Соостера, Блоха. Поскольку возможности выставляться у художников не было, они устраивали выставки прямо на квартирах, в мастерских. Эти походы нас, музыкантов, не только обогащали, приобщали к другому художественному миру, но и были в какой-то мере действом особого риска. Мы все ощущали, что находимся «на мушке», за нами следят, как будто мы занимаемся «нехорошим» делом.

Но из того, что нас всех тогда объединяло, я бы на первое место поставил даже не джаз, а обмен самиздатской литературой.

Обмен книжками я считаю самым большим достижением шестидесятых годов. Это то, что держало нас вместе и помогало каждому чувствовать себя увереннее, ощущать себя полноценной личностью. Сейчас, когда стали появляться в печати крохи той литературы, которая тогда ходила по рукам, я понял, как много мы тогда знали, сколько же мы всего начитались! Причем в условиях риска, когда книгу давали на один день, на одну ночь. Это острое ощущение опасности тоже нас всех связывало и заставляло держаться еще сплоченней.

— Вы были первым советским джазменом, выехавшим на зарубежный фестиваль — в Польшу. Это было, кажется, в 1962 году. В том самом 62-м, когда, по вашим словам, вы получили «первую оплеуху, которая многих отрезвила». Значит, разгром художников-авангардистов на выставке в Манеже отразился и на судьбе джазовых музыкантов?

— Действительно, в 1962 году группа из шести советских музыкантов, где я играл на баритоне-саксофоне, была впервые послана на фестиваль джаза в Варшаву. До этого мы провели небольшой джазовый фестивальчик в кафе «Молодежное». Выступали там небольшие коллективы Товмасяна, Вадима Сакуна... И вот лауреатов нашего «местного» фестиваля послали в Польшу. Организатором этого по тем временам очень прогрессивного мероприятия был ЦК ВЛКСМ. С нами ехала целая делегация: Бабаджанян, Флярковский, Фельцман... Выступали мы в Польше с большим успехом и даже записали пластинку, а когда вернулись, все уже знали о нашем успехе. Мы приехали и сразу попали на пленум Союза композиторов и даже на нем выступили. Казалось, вот-вот джаз получит официальное признание. Помню, как к нам на пленуме подошел секретарь Союза Вано Мурадели и стал расточать похвалы. Мол, какое прекрасное искусство — джаз, какие мы молодцы! И что, мол, я лично все сделаю, чтобы вас пробить. Отныне джаз будет звучать всюду!..

И вот проходит буквально две недели, и вдруг как гром среди ясного неба — разгром Хрущевым абстракционистов в Манеже. И чуть ли не на следующий день появляется статья, подписанная Вано Мурадели, где джаз называется снова «буржуазным искусством», «пропагандой» и так далее. Нас сразу отбрасывает назад, опять к концу сороковых годов. Хотя незадолго до этого сам Хрущев, где-то выступая, сказал сакраментальную фразу: «Джазы бывают разные...» Что вроде попадаются и хорошие (речь шла о Бенни Гудмене). А потом он уже, видимо, разозлившись на абстракционистов-«пидарасов», пришел к мысли, что все эти «джазы» плохие.

Имелось МНЕНИЕ, что джаз советскому человеку не нужен. Так же чуть позже не давали жить року. Его пытались связать с наркоманией, преступностью, алкоголизмом, его ругали за громкость или за то, что он «действует на спинномозговую жидкость», но против самой музыки никто ничего сказать не мог. Тем более что в 60-х годах джаз по концептуальности достиг уровня авангардной плашки, а арт-рок в середине 70-х годов в творчестве «Пинк флойд» или «Кинг Кримсон» стал сложнейшей формой музыки. Игрались и Бах, и «Картинки с выставки» Мусоргского, и опера «Джизас Крайст-суперстар», и сложнейшие композиции с симфоническим оркестром. «Критики» просто не знали, что делать. Что можно сказать про Дюка Эллингтона, Джона Колтрейна или Джона Леннона? Ничего не скажешь! Гениальные люди и высокодуховная музыка. Поэтому гонители джаза, а потом и рока цеплялись не к музыке, а к социальным последствиям, которые они связывали с музыкой: то к стилягам и хиппи, потом к наркоманам, панкам, кричали: «джаз развращает молодежь», «рок развращает молодежь», тогда как все уродливые социальные проявления были следствием ненормальной жизни, проводимой политики.

— На джаз, по-моему, обрушились не только потому, что его разлюбил Хрущев. Некоторые джазовые музыканты, у которых в то время появилась возможность выезжать за рубеж, стали там оставаться. Получился замкнутый круг: джаз не давали играть, и музыканты уезжали из страны. А из-за них джаз зажимали все больше и больше... Вот один из красочных примеров того, как формировали общественное мнение о джазе,— хлесткая статья Татьяны Тэсс «Вот кто будет играть в их джазе» (1964 год). Речь идет о двух музыкантах, Игоре Берукштисе и Борисе Мидном, оставшихся во время гастролей в Японии. Журналистка буквально кипит от негодования, как будто перед нами очередные «враги народа». Музыкантов она называет не иначе как «жалкие и ничтожные изменники Родины», «предатели», «отщепенцы», «ничтожества, ничего не представляющие собой как музыканты, люди нечистоплотные ни в политическом, ни в моральном отношении»; об Игоре Берукштисе пишет — «надменный, жестокий себялюбец», о Борисе Мидном — «соблазнитель», «человек грязный и жестокий, с пустой, грубой душой». Постепенно она так воодушевляется гневом и заводит себя, что именует их «болванами», «подонками» и «человеческим отребьем». Кажется, вот-вот — и дело дойдет до нецензурной брани... Заканчивается статья грозным предупреждением, что они еще «будут плакать и кусать локти...». Но о причинах, побудивших музыкантов остаться, ни слова...

— Хорошо помню эту историю. Контрабасист Игорь Берукштис и саксофонист Борис Мидный были первыми выпускниками студии эстрадного искусства на ВДНХ. Их послали с эстрадным шоу Маслюкова в Японию. Они тогда уже работали в оркестре Утесова, и Утесов, отпуская их, за них поручился... В Японии в последний день, оставив все инструменты и вещи в номере, они сбежали в американское посольство. И американцы на военном самолете вывозили их из Японии. Причем в Токио на аэродроме шла демонстрация, требовавшая выдать двух «предателей». Они действительно сделали заявление по «Голосу Америки», что они уехали по политическим соображениям, что им не давали играть джаз. И вот после этой истории джаз действительно уже не давали играть — нечего было и соваться.

Подобные поступки проводили трещину между уехавшими и оставшимися. Так получалось, что тот, кто уехал или сбежал на Запад, жутко мешали тем, кто оставался здесь. Выходила там какая-нибудь статья или книга, и по нам сразу же ударяли. Все наши карточные домики, которые мы строили неимоверными усилиями, чего-то добиваясь, пробиваясь, сразу рушились. Нам говорили: «Вот вы заодно с ними»,— и... перекрывали кислород.

— После процесса над Синявским и Даниэлем в стране возникло правозащитное движение. Среди политических диссидентов было много интеллигенции, людей творческих профессий, которые решили посвятить

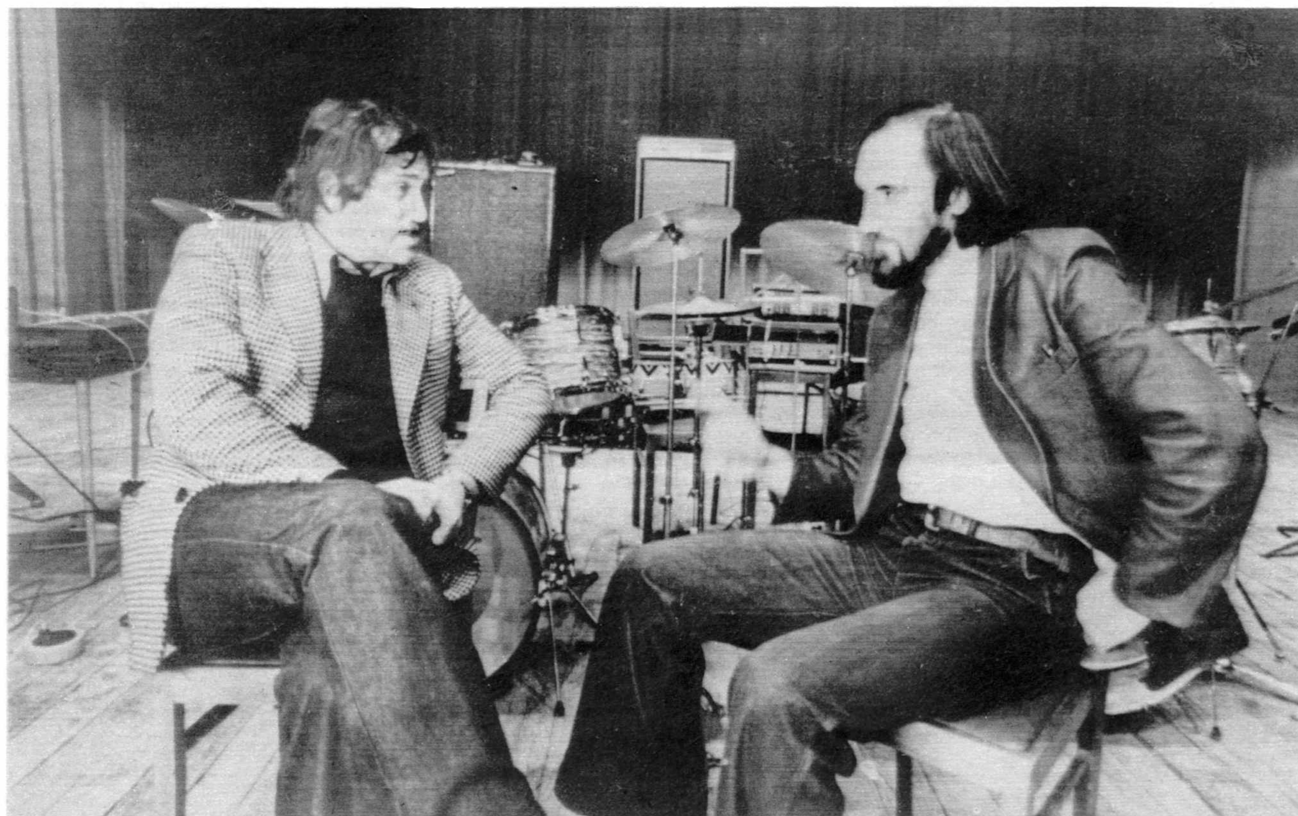
себя борьбе за создание правового государства в стране. Были ли у вас контакты с ними? Ведь их убеждениям вы не могли не сочувствовать...

— Музыкальное диссидентство отличается от диссидентства художника или писателя. Я не мог себе позволить высказать то, что я думаю в общественном смысле, потому что дальше моя жизнь как музыканта становилась бы бессмысленной. Я бы тогда превратился в политического деятеля. Писатель в лагере может продолжать писать. Художник даже может продолжать рисовать. Но музыкант, оторванный от инструмента, от концертирования, хоть какого-нибудь, пусть даже подпольного (в подвалах мы играли, но мы что-то научились делать, и нас кто-то знал, и куда-то мы вылезали...), музыкант не имеет права лишать себя той среды, в которой он может быть музыкантом, то есть комнаты или сцены, набора инструментов. Поэтому музыкант, желающий заниматься своим творчеством, должен быть крайне осторожным...

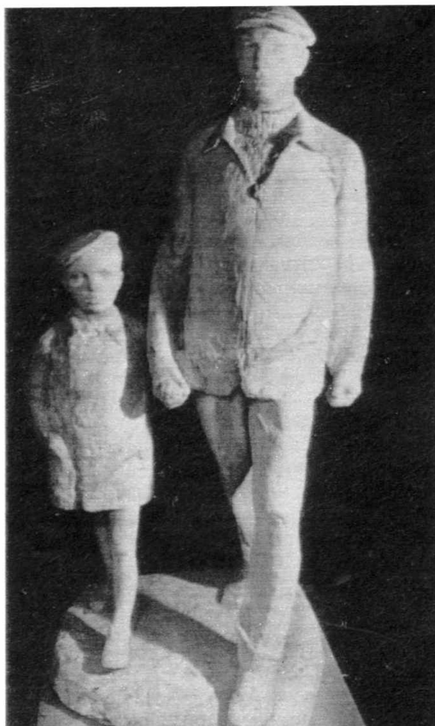
— Недаром Аксенов назвал вас в одной из своих передач по «Голосу Америки» «партизаном советского джаза»!

— В шестидесятые годы перед джазменами возникло несколько возможностей. Первая возможность — уйти в советскую эстраду, в какой-нибудь оркестр или наняться аккомпанировать эстрадному певцу. Так сделал, например, талантливый пианист Юра Гуревич. Он, отчаявшись и плюнув на все, ушел к Кобзону. Можно было уйти в ресторан играть за большие деньги для пьяных блатные мелодии и советские песни. Второй вариант — уехать, что и сделали очень многие, когда появилась такая возможность. Уехали прекрасные музыканты: Рома Кунсман, Валера Пономарев, Вадим Вядро, всех не перечислишь. И, наконец, третий путь — сидеть в подполье и тихо и упорно навязывать свою музыку. Не спорить, не выступать, а упрямо гнуть свою линию. Молча лезть. Тебя спихивают — снова лезть... Причем ни в коем случае не влезать в политику, потому что стоит хоть один раз вылезти с каким-то заявлением — все, конец, тебя вынимают из жизни и отправляют или в лагеря, или в ссылку. И музыкантом ты уже быть не сможешь.

Василий Аксенов и Алексей Козлов

Тогда я понял, что мой путь — очень хитро навязывать джаз здесь. Причем игру с властями надо вести очень осторожно. С одной стороны, нельзя делать никакого неожиданного хода, потому что тебя сразу же опять обложат запретами. Но, с другой стороны, нельзя и приспосабливаться. Стоит хоть один раз где-то спасовать, назвать пьесу «Здравствуй, БАМ» или что-то в этом роде, от тебя моментально отвернется твоя аудитория. Я ни разу этого не сделал, и власти моментально почувствовали, что я не хочу с ними вступать в контакт, что я гну свою линию, и, конечно же, вредили как могли. Ни концертов, ни пластинок, ни записей на радио, ни поездок — ничего. Но, с другой стороны, я никогда не давал повода взять меня как «врага». Я старался вписать мою любимую музыку в нашу действительность. Причем не какой-то «советский джаз», как у нас говорили. Да нет, истинный джаз — американский. Это типично американская культура, более того — негритянская культура. У меня было даже ощущение, что я негр. Негром я себя ощущал из-за отношения к себе музыкантов-симфонистов. Они часто смотрели на нас с презрением, сверху вниз, как будто мы занимаемся чем-то второсортным. А мне, наоборот, они все казались скучными и вялыми. Я сам очень люблю классику, но все-таки в конце концов мне всегда хотелось чего-то более энергичного, где есть кровь, драйв, секс, импровизация. А их музыка красивая, но часто вареная. А с другой стороны, я ощущал себя негром по бесправию. Я видел, как процветают профессиональные музыканты, хорошо играющие классику. А я, мастер такого же уровня в своем жанре, не имею ничего, никаких прав, и мне добиться чего-либо стоит колоссальных усилий. Мне всегда приходила в голову такая аналогия. Вот человек на канате делает сальто. Выходит другой — он должен сделать те же сложнейшие пируэты, только у него руки связаны, а на ногах гири. Вот так же и мы достигли тех же высоких результатов, только со связанными руками и гирями на ногах.

— Но почему же вы тогда не уехали? Что заставляло вас продолжать играть в эту игру? Ведь могли же сейчас играть джаз в свое удовольствие где-нибудь в штате Калифорния и при этом зарабатывать немалые деньги!..

— Да, мог бы. Но дело все в том, что я не представляю уже себя без борьбы с социумом. Без игры с этими чиновниками, бюрократами, с этими приспособленцами, которые зарабатывали на том, что меня зажимали. Без этой борьбы мне неинтересно жить. Более того: в какой-то момент, когда я научился немножко играть, я ощутил одну важную вещь — музыка для меня является не целью, а средством. Для большинства музыкантов игра — это цель стать хорошим музыкантом, научиться хорошо играть. Я же при помощи музыки играю в какую-то социальную игру. А целью является преобразование этого общества. И тогда я понял, что эта моя модель там не осуществляется. Там музыкант занимает такое же положение, как любой хороший ремесленник. Он только может или сделать деньги, или не сделать. Но повлиять на что-то музыкант не может, за исключением гениев, конечно. Это уже сделанный мир. А здесь — хоть на столько-то, на каплю, но я на этот мир повлиял и продолжаю влиять уже открыто — через радио, телевидение, концерты, пластинки, уже заняв какое-то общественное положение, став членом Союза композиторов и даже, как это ни парадоксально, заслуженным артистом РСФСР.

Для меня лишним доказательством моей правоты была судьба Галича. Мои друзья из Норвегии, которые с ним общались, когда он там жил первое время, рассказывали, как ему было тяжело. Он сразу потерялся. Главный смысл его жизни вдруг как-то исчез, как будто из него вынули стержень — ему не надо было ни с кем бороться. Здесь он привык к тому, что его били, а он все-таки наперекор всем пел. И он говорил им там, в Норвегии: «Я не живу здесь, а существую...» И это была его правда.

...В самом начале 70-х годов, когда весь начальственный гнев сместился на рок и с джазом дела пошли лучше, Алексей Козлов совершает неожиданный ход. Он внезапно порывает со всем своим кругом, надевает джинсы и уходит в глубокое подполье, к хиппи. Для подобной перемены в жизни ему понадобился срок, равный времени отрастания волос. До сих пор многие его друзья и единомышленники по 60-м годам не могут простить ему ту измену. Тогда-то и сложилась легенда о Козлове как о человеке непостоянном, непредсказуемом, даже эгоистичном... Но тому предшествовала одна история, которую Козлов поведал Аксенову.

«К.— Однажды я с ужасом понял, что мы пришли к логическому концу, что дальше развиваться, то есть разрушать, уже некуда, нечего, и джаз перестал быть тем, чем он был... Этот идейный кризис у меня еще совпал с личным потрясением. Саксофон украли.

А.— Когда это было?

К.— В 1970-м. Ну, в «Печоре» тогда ограбили нас...

Пораженный Аксенов молча смотрит на Козлова. Как ни странно, он об этом факте не знал, хотя обычно в артистическом мире сразу становится известно, у кого что украли.

К.— А у Громина гитару тогда украли...

У Козлова слегка вздрагивают пальцы от ужасных воспоминаний. Магнитофон некоторое время записывает молчание.

К.— Всю музыкальную комнату вынесли... Кража со взломом...

Облачко ядовитых воспоминаний вроде бы начинает испаряться. Оба — Аксенов и Козлов — вздыхают.

К.— Это меня просто подкосило тогда.

А.— И это совпало с твоим творческим кризисом? Не то слово? Разочарование? Упадок? Скажи, что испытывает музыкант, когда теряет свой инструмент?

К.— Ощущение какой-то сногсшибательной нелепости... Это ведь не просто вещь потерять... У тебя крадут

вообще возможность играть, музицировать... Кроме того, саксофон ведь обладает как бы...

А.— Вроде бы ты вдруг ослеп, оглох, онемел, да?

К.— Или руки потерял... Да, это жуткое дело, когда крадут саксофон... Понимаешь, у саксофона есть одна особенность: когда на нем долго играешь, он, его металл, приобретает акустические данные, соответствующие твоему внутреннему устройству. Тебе нужно «раздувать» его много лет, и только тогда он начинает вибрировать уже по-настоящему, он соответствует тебе. Новый саксофон для тебя сначала неодушевленная штука. А чужой саксофон тем более...

Кроме того, саксофон для меня не только конденсатор моей жизненной энергии, но и передатчик. Через него моя энергия идет на слушателей в зал... Во всех этих смыслах — кража саксофона, конечно, ужасное дело... просто ужасное дело... У тебя такое бывало, Вася?

А.— Бывало. Теряешь что-то вроде саксофона, и все надоедает. Какая-то нечисть слямзит твой саксофон, и тебе уже весь свет не мил.

К.— Да, в те годы мне надоело играть. Года два я играл без всякого желания, мне даже Колтрейна не хотелось играть...»

А года через два, в 1972-м, Козлов поехал на фестиваль в Будапешт и там впервые увидел одну группу, превосходно играющую джаз-рок.

— В какой-то момент я понял, что джаз потерял социальную остроту, что появилось новое искусство для молодежи — рок-культура, а джаз вырос вместе с поколением шестидесятников и стал музыкой отцов. Мне же хотелось музыки детей.

Я перестал играть джаз и стал внедряться в среду коллекционеров рок-пластинок. К эстетике хиппи я не пришел механически. Примерно год я изучал рок и понял, что это не просто музыка, но образ жизни. Я полностью сменил не только внешний вид, но и окружение. Причем тогда я уже занимал довольно солидное положение в Институте технической эстетики — занимался теорией дизайна, психологией творчества и частично футурологией, руководил группой и писал диссертацию о принципах конструирования и истории часов. И я помню, какое жуткое отторжение я ощущал, приходя на работу в институт. Мне уже было тогда под сорок, но на меня реагировали как на мальчишку.

И вот я вошел в пеструю среду этих странных людей — хиппи. Среди них были и очень интеллектуальные ребята — бывшие студенты МГУ, Строгановки, были и неучи, и откровенные бездельники, добрые и злые, агрессивные и вялые. Они работали вахтерами, дворниками, сторожами, в котельных, в моргах. Среди них я немного притворялся своим, скрывая возраст и жизненный опыт. Я был очень расчетлив — для меня это движение было той средой, из которой я мог вынуть колоссальные знания и новую убежденность. Мне импонировало прежде всего возрождение интереса к религии и философии — особенно восточной. У меня расширился кругозор, я приобщился к новой литературе, и во многом это увлечение изменило мою дальнейшую жизнь.

— Таким образом, вы испытали два вида подполья. Одно — джазовое. Второе — рок-андеграунд. Какое из них было для вас тяжелее?

— С хиппи боролись более изощренными методами, чем со стилягами и «штатниками». Брежневская власть к семидесятым годам ожесточилась. Например, в 1972 году была предпринята очень жесткая акция против хиппи. К приезду Никсона они вылезли с демонстрацией на Садовом кольце и несли лозунги: «Американцы, вон из Вьетнама!» С ними очень жестоко расправились — пересажали по психушкам, и многие вышли оттуда полуидиотами.

— Помню, и какой «шухер» шел по Москве накануне форума молодежи и студентов. Хиппи ловили и вывозили за сотый километр или брали с них подписку, что с такого-то числа они не появятся в районе Садового кольца.

— Некоторых людей за длинные волосы просто избивали на улицах. Этот страх я испытал на себе. Если ко мне подходили какие-то незнакомые люди, я уже настораживался, внутренне был готов к каким-то действиям с их стороны против меня.

На этом фоне и появился в 1973 году «Арсенал» с оперой «Джизас Крайст-суперстар». Для репетиций нам нужно было помещение. И я попросил дирекцию клуба «Москворечье» давать мне ключ от комнаты в дни, когда не было занятий в джазовой студии. Там-то мы и стали репетировать нашу первую программу. Когда мы репетировали, то забивались в маленькую комнатку человек по тринадцать и буквально глохли. Однажды открываем дверь, чтобы выйти перекурить, она не открывается. Оказывается, весь коридор забит хиппи, лежащими на полу и балдеющими. Они тайком пробирались в ДК, когда мы репетировали «Джизас Крайст-суперстар», и ложились под дверь. Как-то директор заглянула к нам в неурочный час и увидела все это. Конечно же, с репетициями было покончено.

В 1974 году в ДК онкологического института мы дали первый концерт. Это было уникальное мероприятие. Во-первых, сама администрация раздала билетов в два раза больше, чем было мест, и моментально началась спекуляция. У метро «Каширская» стояла дикая толпа — обросшая, грязная, джинсовая,— слетелись все московские хиппи. И вдруг среди них появились фарцовщики — с пластинками, тряпками. Они нам все и попортили. Моментально нагрянули «раковые шейки» и перед концертом и после забрали очень много народу (кстати, фарца часто мешала нам — еще в начале шестидесятых годов из-за них закрыли джаз-клуб на Раушской набережной в Доме энергетиков: они устроили там торговлю пластинками). После концерта нас всех стали вызывать: и директоршу, и меня, и музыкантов: «Что это был за вечер? Где вы взяли аппаратуру? Сколько вы получили?..»

Наши концерты с тех пор стали регулярно срывать по звонку «сверху». Назначаем мы, скажем, концерт в Бауманском институте. Звонок директору. Он к нам: «Ребята, собирайте аппаратуру». А у входа толпа. Тогда выходят какие-то люди или дружинники и говорят: «Концерта не будет. «Арсенал» запросил слишком большие деньги. Так что расходитесь». А мы ведь специально делали бесплатные концерты, чтобы к нам не приставали... В общем, в 1973—1975 годах идеологическая борьба достигла накала, и мы тоже завязывались в этот тугой узел...

— Ваша дружба с Аксеновым всем хорошо известна. Тема джаза проходит буквально через все аксеновские произведения. Говорят, что и образ джазменов он порой списывал с вас. А вы никогда не спрашивали его, чем его так привлекали джаз, рок?..

— Да, он сразу как-то проникся идеей джаза и рока. Он был родом из Казани, а в Казани разрешили жить оркестру Лундстрема после приезда из Шанхая, и Казань была джазовым городом. Может, это на Васю повлияло. Во всяком случае, он нас всячески поддерживал. А однажды ему даже удалось протащить рок на широкую писательскую аудиторию.

Это было в 1974 году, когда накал борьбы с нами уже был очень сильный. И тогда он просто поставил выступление «Арсенала» в программу своего творческого вечера. Это было нечто! Представляете, приходят писатели с женами, в шубах, пожилые, солидные люди, домоседы. А писатели вообще очень далеки от музыки и от современного искусства, особенно писатели того поколения. И именно на этом вечере мы вылезаем с оперой «Джизас Крайст-суперстар» и с песнями «Чикаго» и «Кровь, пот и слезы». Вася устроил настоящий праздник, такой социальный театр... (Козлов начинает подсмеиваться.)

В общем, мы загрузили аппаратуру туда с утра, и ничего не понимающая администрация нас пропустила. Но каким-то образом все московские хиппи узнали, что будет концерт в ЦДЛ, и просочились в здание. И уже где-то часам к четырем весь Дом литераторов был забит московскими хиппи. Дети-«цветы», такие отключенные мальчики, девочки со значками на шинелях, с какими-то висюльками, длинными волосами забили «святая святых». Они сидели себе где-то по углам. И тут приходит главный администратор товарищ Борис Семиженов. Сначала он от ужаса потерял дар речи. А потом с ним началась настоящая истерика. Он стал выгонять хиппи и тут же обрушился на нас. «Кто вы такие! — кричит.— Собирайте, собирайте аппаратуру! Да кто вас сюда позвал?.. Что? Аксенов?.. Ничего не хочу знать!.. Собирайте аппаратуру, и все... Концерт закончен!»

Мы стали ее собирать. А хиппи между тем тихо рассосались по ЦДЛ и попрятались на кухне, за портьерами, в туалетах, в каких-то подсобных помещениях и продолжали там сидеть.

И тут приезжает Вася. А мы уже собрали аппаратуру. Я говорю: «Вась, нам не дают выступать». «Кто?» «Семиженов». «Как так?»

А тот уже идет к нему и говорит: «Вечер не состоится». А Аксенов отвечает: «А вы знаете, что перед вами лауреат международного фестиваля джаза Алексей Козлов? Вы не думайте, это известный джазмен». А у меня вид типичного хиппи. Тот посмотрел... Но делать нечего, и отстал.

Опять расставили аппаратуру. Мы должны были выступать только в конце вечера. Вечер шел, а этот Семиженов все время отлавливал меня за кулисами и пытал: «Скажите, а у вас не очень ли будет громко?» Он боялся только одного — что будет громко. «Нет,— отвечал я,— будет тихо-тихо». Он недоверчиво: «Да?» Я: «Да... Один раз только будем немножечко громко, а потом опять ти-и-хо...» И вот мы так ходили под ручку с Семиженовым...

Наконец, наш выход. Сначала мы исполняли «Кровь, пот и слезы» и «Чикаго», а затем пошла опера. Там в первом ряду сидели такие благообразные старушки, которые ходят на все мероприятия, пенсионерки из писательской среды. И как мы только дали первые аккорды, их сдуло как ветром, а их места тут же заняли те самые хиппи, которые все это время отсиживались в подсобных помещениях. Тут они вылезли, заняли все первые ряды, сели друг на друга и даже улеглись перед сценой. А возмущенные писатели в задних рядах пыхтели: «Что такое?.. Кто это такие?..»

На последних ариях оперы терпение товарища Семиженова лопнуло, и он стал пытаться закрыть занавес. А я время от времени выбегал и шептал ему: «Не смейте закрывать!» Он шипел: «Заканчивайте!» Я ему: «Еще одна пьеса...» И вот, когда пошла ария Христа, он, схватившись за занавес, начал кричать: «Кончайте, кончайте!..» — пытаясь его закрыть. А я одновременно дирижировал одной рукой, а другой махал Семиженову — мол, уйди!.. И он отходил. Причем зал не понимал, куда я там машу. Все-таки нам удалось допеть и доиграть до конца...

Это был гениальный вечер, правда, после него нас стали очень сильно притеснять. И запугивали, и вызывала некая непонятная организация, выдававшая себя за ОБХСС. Что это было на самом деле — не знаю, но вопросы задавали, к финансовой деятельности не относящиеся, а скорее по линии идеологии. Студентов консерватории, которые у меня занимались, тоже вызывали, говорили: если будете еще с «Арсеналом» выступать, мы вас выгоним.

В результате выступать мы перестали и в прямом смысле слова ушли в подполье, репетируя в подвале одного общежития. В услугах наших никто не нуждался...

...А еще чуть позже, в 1977-м, в самый разгар идеологических гонений, и появилась сильно истерзанная редакторами — но все же появилась! — статья в «Смене» о Козлове и его «Арсенале» за подписью «В. Аксенов». На авторском экземпляре, подаренном Козлову, аксеновский автограф: «Напечатают — не напечатают, но дарю с любовью. В. Аксенов. X. В! (Христос воскрес). 9.IV.77»...

ТЕМНИЦЫ РУХНУТ?

Георгий РОЖНОВ
Фото Сергея ВАСИЛЬЕВА

Окаянной выдалась вторая декада июня для работников Главного управления по исправительным делам МВД СССР — одно за другим три ЧП в следственных изоляторах. Будь только что назначенный начальник главка В. А. Гуляев человеком суеверным, он счел бы это дурным знаком: 14 июня он дал первое интервью «Известиям», и именно в этот день грянул бунт в СИЗО Днепропетровска. Да какой! Более двух тысяч узников вырвались из камер в коридоры, оттуда — в режимный и хозяйственный дворы, разгромили и сожгли все, что встретилось на пути шальной толпы, рванулись было к стене и воротам, но тут грянули выстрелы с вышек, и буйство снова хлынуло внутрь. В Днепропетровск приехали руководители МВД республики, народные депутаты, представители Руха, начали с мятежниками переговоры. Хамство и произвол администрации, теснота в переполненных камерах, глухота прокуратуры к законным жалобам и просьбам — вот только беглый перечень причин массового недовольства и неповиновения заключенных под стражу людей. Переговоры шли под треск сокрушаемых построек, сполохи пожаров то там, то здесь. И на шестой день решились: собранный из трех областей отряд спецназа взял руины СИЗО штурмом. Итог — пятеро погибших. Две с половиной тысячи бездомных узников пришлось распихивать по другим изоляторам, и без того забитым сверх меры.

Тюремные строения Днепропетровска еще догорали, как подоспела новая беда — бунт в Челябинске.

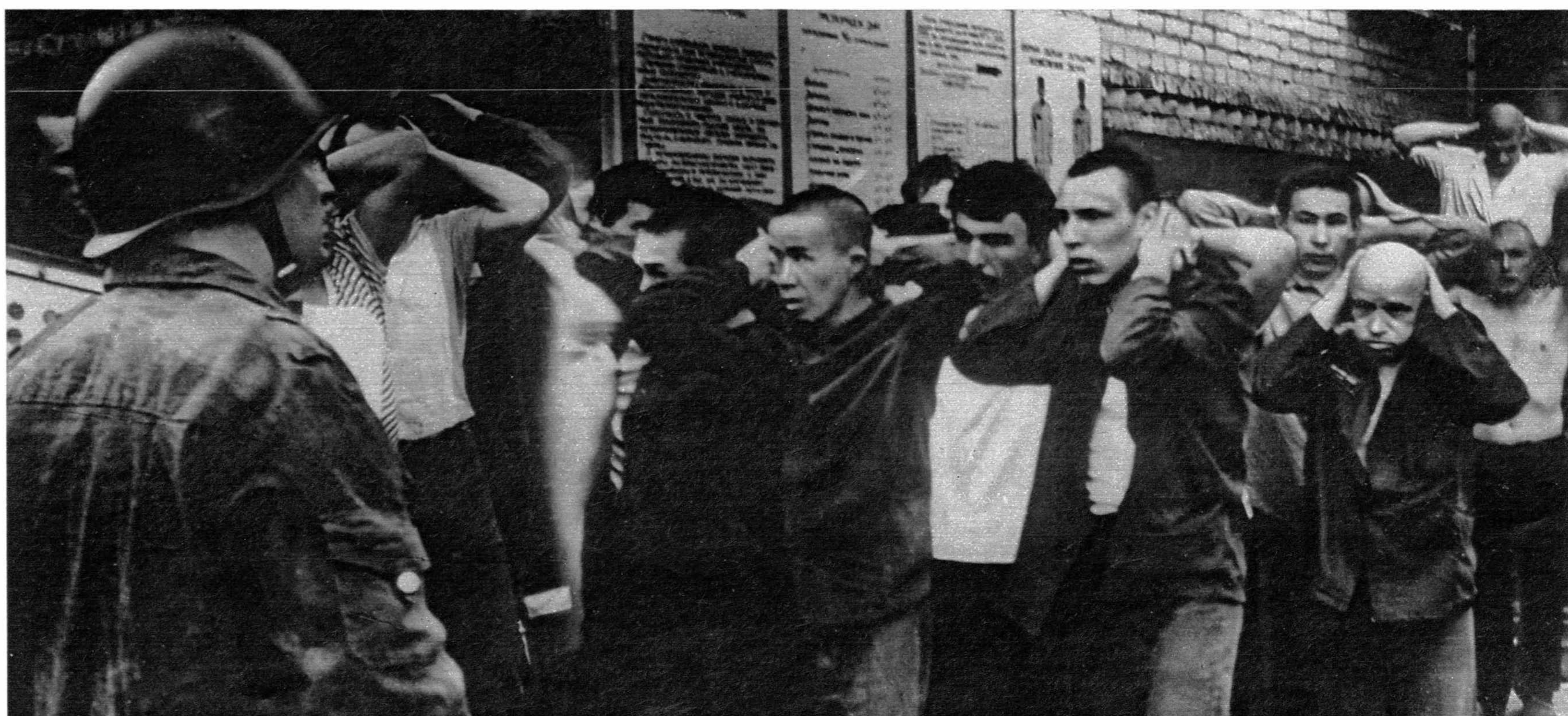
Его финал мы и видим на снимках. Они сделаны вечером семнадцатого июня в режимном дворе челябинского следственного изолятора на улице Российской. Отряд милиции особого назна-

чения — каски, бронежилеты, коротко-ствольные автоматы, снайперские винтовки, щиты, палки резиновые — усмиряет заключенных. К этому времени уже отгремели выстрелы, отстучали по головам, спинам, рукам дубинки, откричались, отматерились, отспорили, стоят теперь лицами к стене, руки за головы. Где-то за кадром — один убитый, двое раненых.

Благодарите судьбу все, кто не узнал на этих фотографиях близких или знакомых,— упаси Бог кому-нибудь попасть в сумятицу тюремного бунта, бессмысленного и беспощадного. Дать волю отчаянию, ненависти, злобе, безумию мыслей и поступков, зряшным надеждам и позднему прозрению, накликать на себя новые мытарства, новые «срока» в добавление к старым, новые этапы, пересылки, зоны. Нам со стороны легко сейчас корить, клясть и высмеивать их, ошалевших от собственного безрассудства,— мало им было прошлых злодейств? Ни закон им уже не указ, ни тюрьма не страшна, ни кара? Да и чего добились, выламывая двери камер, захватывая заложников, громя

медчасть, продсклад и пищеблок, срывая опостылевшие «Распорядки дня» и выписки из грозных статей уголовного кодекса, торопя на улицу Российскую грузовики с милицией и солдатами, «Волги» с начальством, священниками, депутатами, бегущих к тюремным стенам родных?

Каждый, кто месяцами, годами сидит взаперти в битком набитой камере, кто все это время ждет то следователя, то адвоката, то прокурора, вести о судьбе родных, передачи или свидания, назначенных фельдшером таблеток или уколов, приема у начальника или трех его замов, кто уже не надеется, что его если не поймут, то хотя бы выслушают,— скажет: а ведь не зря, братва, пошли на волынку — разговора добились! Сразу у всех вдруг нашлось и время, и терпение слушать — и у начальства из УВД, и у прокуратуры, и у народных депутатов, и у священников, и у журналистов! Вот ведь как «Вечерний Челябинск» озаглавил репортаж о тюремной заварухе: «Требуем человеческого отношения!»

Не спорю — старо. Уже второй год массовые беспорядки сотрясают исправительно-трудовые и воспитательно-трудовые колонии, лечебно-трудовые профилактории, тюрьмы и следственные изоляторы. Последние, как мы убедились, чаще и круче: в том же июне к уже известным нам двум бунтам прибавилось и ЧП в СИЗО Оренбурга, не столь, впрочем, масштабное, но итог и тут горек — двое убитых. Если срочно, в ближайшее время мы не на ведомственном, а на высоком законодательном уровне не дадим заточенным хотя бы надежду на облегчение их участи — может случиться цепная реакция, в каждом областном центре мы получим новый очаг взрыва недовольства готовых на все уголовников.

Участившиеся в исправительно-трудовых учреждениях (ИТУ) бесчинства принято объяснять сегодня тем, что после ряда широких амнистий в них остались лишь отпетые рецидивисты, к которым прибавились не признающие ни бога, ни черта рэкетиры. Согласен, публика за решеткой собралась, что называется, отпетая. Наиболее оголтелые ее представители готовы в любой момент «качать права» по поводу и без повода, они в состоянии установить связь с дружками на воле или в соседних камерах, не прочь даже попытаться совершить побег, но если администрация обращается с заключенными в строгом соответствии с законом, если офицеры и сержанты еще не разучились видеть в преступнике человека — самому авторитетному «вору в законе» не под силу поднять на бунт всех сокамерников разом. Не будем, право, преувеличивать их возможности и тем самым набивать им цену в глазах других. Скажу больше: частые ссылки на могущество и засилье «отрицаловки», обвинение ее лидеров виновниками всех неурядиц, случающихся за тюремным забором,— удобный и распространенный способ руководства ИТУ переложить вину с себя на других.

Два года назад я, тогда еще подполковник внутренней службы, решился на страницах «Огонька» высказаться однозначно: во всех без исключения массовых беспорядках в ИТУ повинны их же сотрудники. Это может быть цензор, неделями задерживающий письма осужденных, которые ему недосуг прочесть,— вот вам и повод для нервозности одной или нескольких камер. Это может быть инспектор спецчасти, забывшая принести осужденному уведомление об отправке его жалобы прокурору. Это может быть врач, явившийся в камеру через неделю после вызова и протянувший страдающему человеку две половинки одной и той же таблетки,— первая «от головы», вторая — «от желудка». Это может быть дежурный, посадивший в камеру рецидивистов несовершеннолетних пацанов.

Вряд ли есть резон перечислять дальше. С грустью я замечал у моих коллег или откровенное нежелание исполнять свои обязанности, или столь же откровенную неприязнь к любому из заключенных, дерзнувших обратиться даже с пустячной просьбой.

Берусь утверждать и то, что среди прокуроров по надзору за соблюдением законов в ИТУ лишь единицы относятся к жалобам заключенных с должным вниманием, другие, как это было на Камчатке, умудрялись обойти сто с лишним камер тамошнего СИЗО менее чем за час, унося в рабочей тетради лишь одно замечание: «Не работает радиоточка».

Мне до сих пор трудно понять и тех высоких руководителей УВД, которые посещения СИЗО ограничивали просмотром бумаг, разносом офицеров в ленкомнате и чаепитием у начальника. В режимный корпус, в камеры или хоть в карцеры — ни ногой. Что это — равнодушие, леность, боязнь? Только один генерал на моей памяти — Шелудько Григорий Павлович — при посещении камчатского изолятора оставлял свою свиту и один обходил каждую камеру, беседовал с каждым, кто к нему обращался. В этом «популизме» был трезвый расчет: генерал не желал, чтобы его заставляли мчаться в СИЗО по сигналу тревоги. И ведь был прав: обходилось без тревоги. Уверен, были бы такие генералы в Днепропетровске или в Челябинске, знай они так досконально беды сотен узников, не было бы там ни пожаров, ни захватов заложников, ни требований выслушать, понять, помочь.

Но я бы сузил проблему, если бы возложил всю без остатка вину за сегодняшнюю обстановку в ИТУ только на офицерский корпус МВД — будь мои недавние коллеги хоть семи пядей во лбу, всех проблем им при всем желании не одолеть. Годами идут разговоры о необходимости разработки и принятия нового исправительно-трудового кодекса — где он? Где хотя бы новое Положение о предварительном заключении под стражу? Каким законодательным актом определено правовое положение сотрудника ИТУ, гарантии его социальной защищенности?

И ученые, и наиболее дальновидные практики уже устали повторять, что строгое наказание даже самому отъявленному негодяю не должно обрекать его на полуголодное существование и общение с женой или с детьми с помощью телефонной трубки через плотное стекло перегородки. Если с учетом нашей всеобщей бедности мы не спешим с пополнением стола осужденного, то почему с таким упрямством запрещаем делать это его родственникам? Посылка или передача пяти килограммов продуктов в месяц — вот все, что разрешено. В начале июня, правда, забрезжил луч надежды — в дополнение к продуктам дозволено получить и два килограмма овощей или фруктов. Разумеется, раз в месяц. И уж совсем, думается, недопустимо в перечне дисциплинарных наказаний предусматривать возможность лишения узника и этого небогатого приварка. В своеобразном лексиконе администрации есть на этот счет соответствующее выражение: «ударить по желудку». Любители таких ударов умудряются держать строптивцев на лагерной баланде месяцами — повод всегда найдется.

Хорошо зная по прошлым выступлениям, как раздраженно реагируют наши читатели даже на едва слышную нотку сочувствия к преступникам, сделаю необходимый шаг навстречу поборникам твердой руки в ИТУ — представьте себе, я сам горячий ее сторонник. При одном, разумеется, условии — пусть этой твердой рукой движет закон, а не произвол. И в подтверждение этой моей позиции спрошу: почему служба охраны и в Днепропетровске, и в Челябинске столь халтурна, беспомощна и непрофессиональна, что, вырвавшись из одной камеры, заключенные сумели не только открыть остальные, но и разбежаться по всему зданию? Совсем уж непостижимым полагаю ту легкость, с которой были выпущены из своих «одиночек» приговоренные к смертной казни. Что, и в одном, и в другом изоляторах нет стальных решеток между коридорами, постами, этажами? Двери до сих пор закрываются ключами, а не кодовыми электрическими замками? В камерах смертников нет блокировки с выходом на пульт дежурного?

Охотно допускаю, что в ответ на эти мои сугубо профессиональные вопросы я узнаю, что в двух разгромленных СИЗО, как и повсюду, не хватает контролеров и надзор за заключенными ведется чисто символически.

Увы, действительно, зарплата контролеров СИЗО настолько мизерна, что охотников на эту чертову службу найти все труднее. Впрочем, немало вакансий и среди медиков, мастеров, даже оперативный состав предпочитает работу в розыске или в ОБХСС — и оклады больше, и решетки не на всех окнах, и воздух чище. Все тверже я убеждаюсь в том, что система ИТУ больше других обделена в МВД и средствами, и вниманием. Ежегодно перечисляя в госбюджет 600 миллионов рублей прибыли от производственной деятельности, колонии и следственные изоляторы снабжаются едва ли не по остаточному принципу. Сорок процентов СИЗО находятся практически в аварийном состоянии и требуют безотлагательного ремонта. Но даже косметическая побелка им не по карману. Так неужели нам действительно следует непременно дождаться сокрушающего бунта, чтобы избавить наших сограждан от сидения в казематах, возведенных еще век с лишним назад?

Разговор с начальником отдела следственных изоляторов и тюрем ГУИД МВД СССР В. А. Викуловым обрадовал меня несказанно: темницы рухнут! Наконец-то мы отрешимся от нашей дурацкой гордости за то, что в годы Советской власти не построили ни одной тюрьмы и изловчились запихивать в древние кутузки втрое, вчетверо больше, чем в проклятое царское время. Сегодня есть уже по крайней мере проекты новых зданий СИЗО, под одно из них отыскивается участок под Москвой — здесь будут жить будущие обитатели нынешней Бутырки. Без малого год назад здесь тоже случился бунт, но тюрьма тогда выстояла.

Московский поэт и художник Дмитрий Александрович Пригов — имя, нынче широко известное. О нем говорят, снимают телепередачи, пишут — научно, полунаучно или откровенно простодушно (нечто вроде: «Пригов? Ну это такой новый обэриут»). Впрочем, и профессиональные критики, рассуждая о «московском концептуализме» и персонально — о Д. А. Пригове и Л. Рубинштейне, впадают в противоположную крайность, чрезмерно увлекаясь изощренной терминологией и тем самым делая свои статьи непроницаемыми для читателя, решившего «приобщиться» к авангардной поэзии. Думаем, творчество концептуалистов несколько проще («в лучшем смысле» — как говорил один из уже упомянутых обэриутов).

Некий поэт нашел новую рифму к слову «амбразура» и умер счастливым, другой — как-то укоротил стопу в каком-то размере и хоть и умер не очень счастливым, но совсем по другой причине. А Пригов, отнюдь не собираясь умирать, взял да и создал новый образ поэта и, судя по тому, что сейчас пишет стихи от лица некоей женщины, останавливаться на достигнутом не желает и в скором времени создаст новый образ поэтессы.

Два новых образа в нашей литературе — очень немало.

ДЕНЬ РЫБАКА

Д. А. ПРИГОВ

* * *

Вот день рыбака — это День рыбака
Рыбак в этот день бесподобен
И божьему лику подобен
Рыбак в этот день на века
Но в день уже следующий рыбак
В день скажем Святого Танкиста
Он смотрит уже на танкиста
А сам он — какой-то рыбак

* * *

Голубь к голубю летит
Про войну с ним говорит
И про мир с ним говорит
И про разоруженье говорит
Трижды он его целует
И садится в самолет
И к другому он летит
Голубю, а тот уж ждет
На аэродроме

* * *

Когда б немыслимый Овидий
Зверь древнеримского стиха
Ко мне зашел бы и увидел
Как ем я птичьи потроха
Или прекрасный сладкий торт
Он бы вскричал из жизни давней:
За то ли я в глуши Молдавьи
Гиб и страдал?! — За то, за то
Милейший

* * *

Как представляется правительству страна —
Она ему огромной представляется
Огромной и объятной представляется
И обозримой тоже представляется
И собственной, конечно, представляется
Как представляется правительство стране —
Оно ему далеким представляется
Далеким и отдельным представляется
И неотвязным тоже представляется
А иногда совсем не представляется

КАЛИНИН И ДЕВОЧКА

Здесь Михал Иваныч жил
С одной девочкой дружил
До восхода солнца загодя
Шли гулять в соседний лес
Находил Калинин ягоду
И кричал: тебе подарок есть!
И бежал вприпрыжку к девочке
А у нее в ответ
Из стебельков и венчиков
Собран для него букет

* * *

Вот жене сапожок залатал
И без ярости всякой в речах там
Пока Пушкин над честью страдал
А Некрасов над картою чахнул
Пока Рейган спешил-размещал
Там за Западе «Першинги» новые
Я жене сапожок залатал
Начинайте — вот мы и готовые

* * *

Однажды в старину американцы
Стальным канатом обхватив Россию
Хотели подтянуть ее к себе поближе
Но весь народ российский приподнялся
Гвоздьми к земле приколотил отчизну
Так что злодеи лишь Аляску оторвали
И поднялась вослед волна морская
И смыла царску власть по всей России
И большаки пришли и вьют канаты
Назад свою Аляску подтянуть

* * *

О как давно все это было
Как я в матросочке своей
Скакал младенцем меж людей
И сверху солнышко светило
А щас прохожих за рукав
Хватаю: помните ли гады
Как я в матросочке нарядной
Скакал?! ведь было же! ведь правда!
Не помнят

Генрих САПГИР

СОНЕТЫ НА РУБАШКАХ

Генрих Сапгир хорошо известен как один из наших лучших детских поэтов. Его «взрослые» стихи начали появляться в периодике и вышли отдельными книжками только в последние годы. Между тем он классик отечественного авангарда (что до сих пор звучит как парадокс), один из первых учеников «лианозовской школы» (см. «Огонек» № 25).

СОНЕТ О ТОМ, ЧЕГО НЕТ

Яну Сатуновскому

То мяса нет, то — колбасы и сыра,
То шапок нет куда я ни зайду
Но я встречал и большую беду
Нет близких. Нет здоровья. Нет квартиры.

Нет радости нет совести нет мира
Нет уваженья к своему труду
Нет на деревне теплого сортира
Нет урожая в будущем году

Но есть консервы РЫБНЫЕ ТЕФТЕЛИ
Расплывчатость и фантастичность цели
Есть подлость водка скука и балет —

Леса и степи, стройки и ракеты
Есть даже люди в захолустье где-то
И видит Бог! — хоть Бога тоже нет

ДИАГРАММА ЖИЗНИ

Улыбчивые старцы-мудрецы
Разглядывают диаграмму жизни
— Поэтом будет... при социализме...
— Судьба печальная — заметил Лао-цзы

И вот родился я в своей отчизне...
Была война... Давили подлецы...
На грядке кошка ела огурцы...
Скучища — хоть на лампочке повисни!

Вдруг выигрыш — поездка в Сингапур
И тут где жизнь как сладкий перекур
Я фреску увидал в китайском храме

Там на стене где ивы и дворцы
Улыбчивые старцы-мудрецы
Беседуя склонились к диаграмме

ВЕЧЕРНИЙ СОНЕТ

Зажегся свет... И в полунепрозрачном
Стекле возникли лампа стол и я
Угадывалась комната моя
Но фото было призрачным и мрачным

Там сквозь меня просвечивали ели
Далеких зданий острые огни
А тут был пол и все на самом деле
Хоть сам себя за ляжку ущипни

Я ущипнул себя — не удержался
Но крикнул он — из черной немоты!
А в зеркале напротив отражался
Еще один двойник и демон — ты

И с ужасом друг друга наблюдали
Три разных стороны одной медали

ЛЮБОВЬ

Надежде Януариевне Рыковой

Пообещала — значит выйдет скоро
Одну бутылку подобрал в подвале
Другие две строители мне дали
Купил трески и пачку БЕЛОМОРА

Стучал в окно — играл как на рояле
«Май дарлинг» вызывал — для разговора
Шипел мяукал... Приняли за вора
Ушел в подъезд — опять меня прогнали

Что бормочу лишь ей одной понятно
Вон за стеклом — и нос ее и пятна —
И вертикальный с золотом зрачок

Отец ее и враг из дома вышел
Зачем сказал он то что я услышал? —
«Влюбленный в нашу кошку дурачок»

ПОЭЗИЯ ЗЕМЛИ

«Поэзия земли не знает смерти» —
Счастливая земля и небо Китса!
Перелистаешь, так и екнет сердце:
Двадцатый век — последняя страница?

Там чудище в тумане черным чертит
А здесь в березняке — и снег и птицы
И слышно как деревьям лето снится...
Опомнитесь! замрите и не смейте!

...что графоман я понял по затылку
Поставил абрикосовой бутылку
И высыпал на стол орехов грецких

День остывал — дышалось в Коктебеле
И так хотелось «плыть и плыть без цели»
Под ровный гул стихов его — советских

ПО ВОЛНАМ ЖИТЕЙСКОГО МОРЯ

Начало на стр. 12.

моего заявления спросили: «Какое отношение к религии в настоящее время, ведь со дня оставления вами церковной службы в 1928 году до сего 37-го года прошло девять лет». Я сказал, что я верующий. «Как же ты не смог перевоспитаться, осознать вредную роль религии?» Четыре члена комиссии говорили, что мало ли в профсоюзе верующих, и наше дело принимать, а не о религии вести суждения. Но согласия с председателем не последовало, и вопрос о принятии не решили. Но я и не беспокоился, думая: живут и работают люди без профсоюза.

Через два дня (это было 12 декабря 1937 года) в час ночи разбудил меня стук в дверь. Вошли мужчина, женщина и с ними вооруженный из ГПУ. Заставили одеться, и служащий подал мне бумагу, но я с испугу не мог читать, тогда он сам прочитал: согласно санкции прокурора Четвертого района, я обязан произвести обыск и арестовать вас. Приказал мне неподвижно сидеть на стуле, он и пришедшие с ним начали обыск. Всю одежу перерыли, в карманах все проверили, в выдвижном ящике кухонного стола всякий скарб высыпали на стол, весь мусор осмотрели, у дочки перечитали все ученические тетрадки. Велели одеться и следовать за ними. Вышли на улицу, а на ней целая рота арестованных, и меня поставили к ним в ряд. Темно. Повели по незнакомым улицам и привели к трехэтажному зданию тюрьмы. Ворота ограды отворились, мы вошли, и началась перекличка, и группами уводили по лестнице и впускали в камеры тюрьмы.

Впустили в наполненную до отказа камеру, в ней три яруса полатей из неструганых досок, и все полати забиты людьми. Мне нашлось место на самых высоких — третьих полатях. От духоты и зловония спирает грудь, слезятся глаза. Волнение, отчаяние создают мучительное состояние. Но, видя таких же несчастных, как и сам, и успокаиваешься. Стало клонить на отдых. Постель готова — на голых досках свой плащ — постель и одеяло, шапка — подушка, а к ней в придачу с ног валенки или сапоги. Рядом со мной оказался соседом узбек, черный, усатый, а с другой стороны сосед по нарам — рабочий прораб с Ваги-реки. Большая моя ошибка, что я не захватил с собой кружки и ложки.

С верхних нар спускаться очень трудно, почти невозможно, и нам обед подавали в тарелках, состоял он из тресковой ухи с ячменной крупой. Выдавали в день 400 гр. хлеба и два кусочка пиленого сахара. Пить хочется, но у меня нет ни кружки, ни ложки, пришлось просить милости соседей. Начал чувствоваться голод и болезненное томление от неподвижного состояния, заболели все органы, а выпускали один раз в коридор, пропитанный хлорной известью. У всех без исключения прекратилось мочеиспускание, животы вздуло, как тугие мячи, никакие усилия не помогали помочиться, и такое состояние не проходило более месяца. А о смрадной параше с ужасом и вспоминать.<...>

Из Архангельской тюрьмы направили нас, арестантов, в лагерь «Пукса» на лесозаготовки и на строительство железной дороги, которая через Котлас велась на Печору по проекту художника Борисова. Прибыв на Пуксу пешком со станции Плесецкая, первый день отдыхали. На второй день погнали нас без дороги по снегу метровой глубины за пять километров. А на отведенном участке уже начали рубить. Деревья валятся рядом с нами, и никто не предупреждает об опасности. Одному из нас, арестантов, ударило самой верхушкой падающего дерева по голове, и он даже не трепенулся и не проявил никаких признаков жизни. И никто не соболезновал, а желал себе такой безболезненной смерти...

Поместили нас в парусиновые палатки, в которых двое нар. Воды пей досыта. Уха тресковая и из воблы два раза — утром и вечером. Сахару два пиленых кусочка в день. Ежедневное хождение на рубку леса за 5 км. Требовалось выполнение нормы, но никто не выполнял — у всех малосилие, а может, не выполнимый по кубометрам план. Я поступил в столярную, но у меня такое бессилие, что едва передвигал фуганок по сырому дереву и не мог выполнить норму и получить 500 гр. хлеба. Уставал до изнеможения. А сон опять: подушка — шапка, плащ — постель и одеяло. На доске ежедневно заносилось выполнение или невыполнение нормы, а столярная ниже всех по выполнению — 400 гр. У меня и у других рабочих начали пухнуть ноги, по определению врача, у меня склероз сердца. Поместили меня в стационар на нормальное питание, давали суп из кильки, гречневую кашу с маслом, чай с сахаром, а иногда и кофе. Хотя опухоль ног уменьшилась, но окончательно не прошла, меня выписали из стационара и назначили на воздушную узкоколейную дорогу, проложенную на столбах на высоте 10 метров от земли. <...>

Хороших сапог с ног не снимали, из опасения, что украдут, и спали в сапогах. Я один раз не воздержался — снял сапоги и положил вместо подушки в головы. Проснувшись, я остался без сапог, без белья и без сухарей от посылки. Вместо сапог выдали ботинки из моржовой кожи 8 кг весом, едва передвигал опухшие ноги. Сапоги свои увидел на ногах арестанта, заведующего столярной мастерской, у него марка УБ — уголовный бандитизм, заявить — значит рисковать жизнью. Да и кому заявишь?

От Маруси получил письмо, болеет от расстройства и горя, уже ухаживают за ней Анастасия Ильинична и Клавдия Лапина, может быть, пишу последнее письмо, прости. Писано вразброд, дрожащей рукой.

Сижу на вагонетке и плачу навзрыд. До чего я несчастен! Жена при смерти, обокрали меня до нитки, остался бос и наг и дано десять лет заключения, не имея никакой вины. Проработал один год, остается еще девять — это вечность. Видно, не видит Бог и нет справедливости у Бога. Забыл я в этот момент виденный и сбывшийся с абсолютной точностью сон и возроптал укоризной на самого Бога. Очень, до бессознания, велика была моя скорбь. Но вспомнишь сон, опять появится успокоительная надежда...

Приснился мне чрезвычайный, не похожий на обыкновенные, повседневные, сон. Подхожу я к неширокой реке, которая полна навозной жижи, и нужно мне перейти на другой берег, искупавшись в навозной жиже. Вижу невдалеке деревню. Вошел в пустой, но отопленный дом, богато внутри отделанный. В комнате русская печь, и я растянулся во весь рост, и чувствую себя в полном удовольствии. Особенно привлекала мое внимание дверь для прохода на кухню из передней комнаты. Дверь тонкой столярной работы со светло-коричневыми филенками, и я не отрывал глаз от нея и слышу мужской тихий голос: у тебя пятнадцать ульев.

Проснулся опять на тех же голых нарах, подушка — шапка в головах. Этот сон насторожил меня, проник все мое существо. Я даже поблагодарил Бога, хотя за минутную радость, и осталось какое-то невыразимо приятное удовлетворение, и не забывается он до самой смерти, хотя в абсолютной точности сбылся через семнадцать лет...

Через две недели назначили дневальным...

Нужно ночью следить за выходом из палатки, чтобы чего не украли или не сбежали. Днем обеспечить всех кипяченой и сырой водой. Пол земляной, и доски — концы нар — загрязняются, и дневальный обязан обмывать их. Воду доставали из озера на расстоянии четырех километров, в ближайших озерах вода непригодная для питья... Заготовить дров для пяти железных печек и топить их все время, так как парусиновая палатка тепла не держит.

В палатке 160 человек, и обслуживают их двое дневальных. Положение дневального очень опасное, так как люди, большинство, преступники, воруют, что только можно украсть. Получая из дома посылку, ее сначала проверяют на гауптвахте стрелки, возьмут себе, сколько вздумается, а заключенному из оставшегося приходится поделиться с товарищами, а иногда и украдут, и за все это отвечает дневальный... Нормального сна нет, и ночью, стоя на карауле, внезапно схватывает сон, и внезапно падаю на пол, и можно насмерть убиться. Скука от отчаяния, но убеждение в том, что всевидящее Око видит меня, смягчает мою скорбь...

Каждый день просят писать прошения на помилование. Висящий на стене ящик наполняется прошениями, освобождается и снова наполняется. Но в течение полутора лет не было ни одного случая освобождения. Случилось, что один экскаваторщик под конвоем направился в Киров за запасными частями. Он знал, что у меня сохранено семь рублей. Он сказал о себе: «Я в заключении не первый раз и знаю, что эти жалобы в ящиках никуда не посылаются, а уничтожают. Заставлют писать, чтобы люди, питая какую-либо надежду, лучше работали. Ты пиши заявление Верховному Прокурору Вышинскому, дай мне эти семь рублей, и я твою жалобу спущу в почтовый ящик». Я согласился, хотя слабо верил экскаваторщику и в осуществление задуманного...

Как утопающий за соломинку, я ухватился, решился на это. Отдал экскаваторщику письмо и деньги семь рублей. После отъезда прошла неделя — не приехал. На десятый день конвоир приехал один, а экскаваторщик сбежал. Конвоир под судом. Я не имел уже никакой надежды. <...>

Рассудив, что написал порицание и упреки на незаконные действия Советской власти — сажать в тюрьму на десять лет ни в чем не повинных людей,— я этим отравил себе и без того до последних пределов отравленную арестантскую жизнь, страдая и упрекая себя за этот шаг целых восемь месяцев. Ждал худых последствий от рассмотрения жалобы, страшась, что прибавят лет заключения. Какие события висели над нами — этого никто не знал.

В 1939 году, 18 января, с вечера поднялся очень сильный снежный буран, явление здесь редкое. Вечерняя перекличка показала всех арестантов налицо. Двоих отправили на кухню чистить картошку. Команда спать! Вдруг погас свет. Темнота, шум ветра, визг проволоки. В палатке совершенно темно, не узнать, кто из палатки уходит, кто приходит, а знать — это обязанность дневального. Так прошла для меня темная бурная ночь. Снег облепил и засыпал потолок парусиновой палатки, обязанность моя огрести снег с парусинового потолка палатки, чтобы не текла вода с потолка от таяния снега.

Утренняя перекличка показала, что двоих арестантов — Осиенко и Зарубы — не оказалось: убежали. Поднялась тревога. Двое стрелков с собаками отправились в разные стороны искать, но никого не обнаружили, следы завалило снегом — и без того глубокий, метровый снег. Я, осматривая уборную, увидел у самой уборной рыжую шкуру с внутренностями и кишками на снегу, заявил старосте, и пришедшие стрелки узнали собаку начальника лагеря. Следствием выяснено, что собаку убили, изжарили с картошкой на кухне...

Событие совершилось для лагеря грандиозное. Виновных посадили в карцер на 400 грамм хлеба и стакан воды, где нет света, кроме окошечка для подачи хлеба и стакана воды. А куда переслали виновных, мы не знали, но в нашем лагере их не оказалось. А как собака оказалась в лагере? Предполагали, что начальник со стрелками во

В голодные годы.

время сильного урагана проверяли караульные посты с собаками, а собака осталась в зоне, а как она попала в руки арестантов, об этом можно только предполагать...

Началась расправа. Дано распоряжение в шесть часов утра выгнать из палаток всех арестантов с имеющимися у каждого вещами, и начался строгий осмотр вещей, который длился два часа. Когда ушли на работу, я начал приводить в порядок палатку. Слазил на крышу смести снег, чтобы не протекала вода во время топления железных печек. Вдруг зашли в палатку восемь стрелков с лопатами, топорами и начали варварски до основания разрушать нары, землю под нарами перекопали, подушечки и матрасики распороли и вытрясли сухую траву, все вещи арестантов вверх дном перевернули. Я в ужасе стою немым зрителем, как разрушается самый убогий приют арестантов. И есть ли где такое вопиющее варварство, этот ад кромешный? Что будет со мной, когда придут с работы,— ведь воды и дров не подвезли, все остались без кипятка и топки печей?..

При возвращении с работы ворота лагеря широко раскрывались, и шедшие строем арестанты целыми ротами входили в зону, а теперь раскрылась одна калитка и впускали по одному человеку, снимая с него верхнюю одежду и прощупывая с ног до головы, для чего потребовались часы времени для стрелков, и на морозе не очень приятно. Собака причинила такое злополучие, не исключая и стрелков. И потекла моя дальнейшая жизнь с осознанием полной обреченности и безвыходности...

Напрасно мечтать о счастливом будущем, когда у меня остались нос да впалые щеки и опухшие ноги. С такими мыслями хожу и засыпаю. Остается отбывать восемь с половиной лет.

В 1939 году в праздник 1 Мая в заключении два дня не работали, и мы с дневальным обоюдно согласились заготовить дров и воды, чтобы в праздник облегчить свой труд. 3 мая все ушли на работу, и я занялся приведением в порядок палатки. Вдруг вбегает стрелок и требует явиться в контору. Кольнуло в груди, думаю, пришло решение на мою жалобу.

Именем Советской республики согласно решению суда заключенный Карпов признан невиновным и освобождается из заключения. Я почувствовал приступ к горлу слез, но плакать не мог, что-то мешало, какой-то упадок сознания. Поспешно вложили в руки пакет, и я опрометью побежал в палатку взять свой дырявый плащ и чемодан. Стрелок открыл дверь гауптвахты, и я вышел на свободу. Открывается на гауптвахте окно, и начальник стрелков грозит мне пальцем, как малому ребенку: «Ты забудь своего Иисуса, а то опять сюда придешь!» Такие слова удивили и настораживали меня. Я в недоумении не понимал, какое отношение имеет стрелок ко мне и к моему Иисусу. Стрелок не знает моего внутреннего мира, да он едва ли видал меня и ему даже запрещено разговаривать с арестантами. Делаю такой вывод: среди заключенных был доносчик — шпион, который следил и доносил о моем поведении.

Тысячи были написаны жалоб, но в течение полутора лет не было ни одного освобождения. Счастливый случай отправить жалобу через экскаваторщика решил мою судьбу, он сдержал свое слово — спустил жалобу в почтовый ящик...

18 километров до станции Плесецкая по шпалам я отшагал не более как в два часа.

Не получив освобождения, пришлось бы навечно остаться на Пуксе. Уже несколько человек внезапно померли, наевшись досыта посланной из дома посылки. Вырвался, как Иона из кита, как из адской пасти, ведь полтора года не был в бане! Три раза летом водили на озеро купаться в белой воде, так как почва из белого камня. В Плесецкой главной конторе лагеря, чего я не ожидал, выдали мне по лицевому счету 61 рубль, оказалось, что даже я получал зарплату 13 копеек в день. Проводник посадил меня на поезд. Прощай, злосчастная Пукса, пусть никогда бы во сне не приснилась!..

Крестный ход в северной деревне.

Поезд тронулся. Люди-то кажутся веселыми, счастливыми, изящно одетыми. На мне изношенный летний плащ, грязная шапка, на ногах стоптанные из моржовой кожи ботинки 8 кг весом. Видимо, с подозрением бросают на меня короткий взгляд, как на большого бывшего преступника.

Освободившись из заключения, я еду домой через Котлас. Это произошло так быстро и неожиданно, что я не успел сообщить жене. От пристани в Ляхово (на моей родине) нужно пройти до дому 5 км. Люди пугаются меня и моей одежды. На ногах арестантские ботинки полпуда весом, грязная шапка-ушанка и такой же рваный плащ. Я решил идти возле реки берегом, скрываясь от людского взора. Внезапно явился домой. Открываю дверь, жена у стирального корыта. Ой и заплакала от радости, не поверила, что я свободен, думала, что я сбежал...

5 мая 1939 года, вернувшись из заключения, слышу, на Лябле церковь не закрыта, и ношу в себе мысль, что надо исповедаться и причаститься. Осенью, в октябре месяце, подходя к крыльцу храма, вижу — каменный рундук с лестницей разбит вдребезги при снимании упавшим четырехсотпудовым колоколом. Вхожу в храм — идет обедня. В церкви пять градусов холода, в алтаре поставлена железная печка и проведены трубы в большую церковную печь. С потолка каплет на голову, со стен течет вода. Матушка покойного отца Александра выполняет должность Псаломщика. На следующий день я помог ей — прочитал апостола, и вместе пели. Священник, маленький старичок отец Симеон, после обедни вышел из алтаря с озябшими руками, пошел в свою квартиру — церковную сторожку, и мне с Псаломщиком вместе пришлось идти отогреваться. О убожество! В сторожке штукатурка со стен облезла, стены засижены тараканами и клопами. Вверху сделаны полати. В это время пришла старушка, видимо, очень религиозная, и принесла небольшое ведро картошки, поклонилась в ноги Священнику и сказала: «Прими, батюшка!»

Батюшка высыпал картошку в свое ведро и поставил за печку. Матушка сказала: «Ведь мне картошка-то нужна, мне есть нечего». Пришлось батюшке делить картошку — четвертая часть Псаломщику-матушке. Священник брал в руку три картофелины, а матушке одну. Осталось три картофелины, и матушка заявила, что эти картошки ее: «Прошлый раз ты мне две не додал и опять забираешь»,— но Священник взял себе все три картофелины, а матушка заплакала. У Священника нет даже подрясника — ходит в полупальто из солдатской шинели. Старичок, видимо, истощенный. <...>

Виденный в 1938 году сон сбылся в абсолютной точности через семнадцать лет. Он свеж, как сейчас совершился. Сейчас чувствую, как наяву, перехожу с навозной жижей реку, искупался, захлебываясь в навозной жиже, лежу на печи в благоустроенном внутри доме, в полном благополучии и любуюсь изящной дверью, слышу мягкий мужской голос: у тебя пятнадцать ульев...

Сны! Как они благовременно были посланы Провидением для поддержания в критические минуты! Доживаю восемьдесят пятый год жизни и эти сны вспоминаю каждый час, они свежи, как сейчас увиденные. Для меня теперь ясно стало, почему священники, арестованные в декабре 1937 года: Черевковский — о. Николай Кириков, Пермогорский — о. Александр Попов, Красноборский — о. Николай Вячеславов, Евдский — о. Николай Попов, Телеговский — о. Николай, Белослудский — о. Алексей Вохомский — не вернулись из заключения. Вернулся один Черевковский — о. Николай Кириков, отсидел семь с половиной лет...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Направление в мой жизненный путь дал мне Соловецкий монастырь, куда я по обещанию матери еще одиннадцатилетним в 1902 году был отправлен, где в соборном церковном хоре развился вкус к пению и музыке. Отдал этому изящному чувству и искусству всю жизнь и нашел для себя в музыке и в хоровом пении счастье и удовлетворение. Музыка и пение затрагивают лучшие струны моей души, уводят меня в другой — высший мир, в минуту жизни трудную являются единственным утешением и успокоением. Как приходится сожалеть, что созданное церковными композиторами такое неоценимое богатство в настоящее время отвергнуто — презренно и запрещено издавать на грамзаписи! Но что делать?

Новое воспитали общество — новые в нем вкус и дух. Дух нового, современного общества — отвержение Бога и всего священного, что освящает человека и отличает от животных. Современный образованный человек находит счастье работать на благо общества, на увеличение материальных благ, цель очень высокая, и все мы должны стремиться к ней как к высшему идеалу, но в то же время возникает неизбежная мысль: что такое человек без веры в Бога? Только высшее всех тварей земных животное и больше ничего. В последнюю минуту жизни, не веря ни в Бога, ни в душу, отходит с сознанием полного небытия за гробом.

Печальное положение, ужасное! Теперь каждый неверующий — ученый современного общества делает вывод: если есть Бог, то Он уже не заботится о человечестве, и если бы был, то не допустил бы безбожию одерживать такие победы: разрушать святые храмы, монастыри, кощунственно надругаться над дорогими для верующих святынями, и такие действия исходили из духа современного нового общества. Но есть другой — высший мир, к которому наука не может приложить свои исследования по несовершенству человеческого знания и понимания, так как вопросы эти уходят за пределы человеческого понимания.

К счастью человечества, Бог не оставил человека в полном неведении о Своем бытии и создании вселенной и во время потребное открывает о Себе, и сподобившиеся такого откровения сознают, что везде присутствующее Око Божие видит все его дела, мысли, намерения и желания и все будущее человечества. И это для меня так достоверно и непреодолимо, как неопровержимо- реально мое существование. В Боге мой покой. <...>

1970 г.

Публикация текста
С. С. ГРЕЧИШКИНА и
Г. В. МАРКЕЛОВА

Мы прозреваем медленно.
Сначала нам казалось, что дело во внешнеэкономических связях не движется из-за того, что их возглавляют плохие дяди.
Дядь сменили.
Потом нас убедили в том, что нет хороших законов.
Законы приняли.
Стало ли лучше?
Давайте почитаем письма из Австралии, которые пришли в редакцию практически одновременно, к тому же в канун встречи австралийских и советских деловых людей, наконец-то организованной во Владивостоке.

ДЕЛОВОЙ КЛУБ

ТРИ ПИСЬМА ИЗ АВСТРАЛИИ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Австралия — одна из немногих развитых капиталистических стран, в которую начиная примерно с середины 80-х годов советские предприятия поставляют все большее число такой машинотехнической продукции, как трактора, легковые автомашины «Нива», электродвигатели, станки, а также холодильники, домашние кондиционеры, канистры для бензина, охотничьи ружья, патроны к ним, хрусталь и т. п. Увеличиваются доходы советских организаций и от авиационных и морских перевозок. Конечно, наш экспорт сегодня в десятки раз меньше, чем импорт из Австралии, но и имеющиеся результаты обнадеживают. Особые надежды возлагаются на выполнение ряда новых межправительственных соглашений, в том числе о рыболовстве и расширении товарообмена. Вместе с тем уже сегодня вызывает серьезную тревогу отсутствие или несвоевременность платежей со стороны советских организаций за уже полученные австралийские товары, в частности за шерсть.

Одна из австралийских фирм, длительное время поставлявшая нам современную научную аппаратуру, объявлена банкротом в связи (как утверждается австралийской печатью) с неуплатой 1,2 миллиона австралийских долларов за поставленные в СССР приборы.

Еще один пример из австралийской печати. Группа белорусских «бизнесменов» сыграла в теннис с министром торговли Западной Австралии и подписала контракт на поставку в Гродно искусственного травяного покрытия для четырех теннисных кортов и хоккейного поля за 650 тысяч австралийских долларов. Возможно, у них есть валюта, или в оплату они поставят свои товары, но зачем же платить такие деньги, когда можно купить гораздо дешевле? И хотя бы посоветовались с торгпредством, которое давно работает с фирмой — фактическим поставщиком данного товара.

Элементарный анализ нашей внешней торговли за последние годы показывает, что только благодаря счастливой случайности, росту цен на нефть и другие энергоносители кризисное положение в Советском Союзе было отодвинуто на десять с лишним лет. Сегодня, дав на деле право изготавливать и продавать конкурентоспособную продукцию, сняв при этом все ограничения и установив прогрессивный налог, можно и должно зарабатывать твердую валюту. Одновременно надо остановить выплату валютной дани министерствам и ведомствам, переведя их на действительный хозрасчет. Настало время запретить поездки и пребывание за границей с тратой валюты людям, ее не зарабатывающим, а для загранучреждений ввести самоокупаемость и премиальную систему за результат.

По многолетнему опыту знаю, что наряду со всеми отрицательными явлениями, в том числе и среди бывших внешторговцев, у нас есть идеи, предпринимательская жилка, умение трудиться, совестливость — все то, чем известны и славятся советские деловые люди среди своих коллег за рубежом. С другой стороны, пора понять, поверить в то, что австралийский бизнесмен, собирающийся построить металлургический комбинат или лесопильный завод на советском Дальнем Востоке,— надежный партнер, который, зарабатывая сам, продает нам свое умение торговать, знание маркетинга — верит в нас, тратя свое время и деньги. Пора усвоить, что в наше время капиталист преуспевает в большинстве случаев, только если он человек честный.

И еще пора бы нам усвоить, что международные связи требуют профессионализма, иначе нас ожидают самые неприятные последствия.

Ростислав Тихонов,
торговый представитель СССР в Австралии

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Зная о том внимании, которое уделяет журнал «Огонек» экономическим проблемам, в частности внешнеторговым отношениям, мы решили сообщить вам о некоторых результатах деятельности нашей компании «Интер Азия».

В декабре 1989 года наша компания провела в Москве переговоры с комплексным кооперативом «Контур» и с совместным советско-швейцарским предприятием «Инмет». В результате переговоров были заключены контракты на закупку в СССР шкур крупного рогатого скота, некоторых видов слесарного инструмента и на продажу в Союз партии кассет для магнитофонов. Ни один из контрактов не был реализован из-за отказа советской стороны.

В апреле — мае этого года нашей компанией были проведены переговоры с А/О «Форум» о поставке в Челябинск товаров народного потребления, 250 штук персональных компьютеров и закупке у А/О «Форум» 60 тысяч тонн титанистого и меднистого чугуна. Ни один из контрактов не реализован по вине советской стороны, хотя были подписаны протоколы о намерениях, согласованы цены и сроки.

25 апреля наша компания подписывает контракт с донецким областным предприятием «Медтехника» на поставку в СССР 50 миллионов одноразовых шприцев на сумму 8,5 миллиона американских долларов. Мы предложили поставку 65 миллионов шприцев того же качества и за те же деньги. Однако полномочный представитель «Медтехники» И. М. Ройтман разъяснил нам, что «Медтехника» обладает разрешением на закупку только 50 миллионов единиц и должна заплатить 8,5 миллиона. Весьма сложно передать наши чувства при подписании такого контракта! Однако 16.05.90 года «Медтехника» сообщила нам о разрыве контракта в одностороннем порядке в связи с тем, что Минздрав СССР будет централизованно осуществлять закупку шприцев. Это уведомление мы получили в Мельбурне по факсу 30 мая, хотя уехали из Москвы 24 мая и могли на месте выяснить причину разрыва. Все наши попытки и попытки нашего московского адвоката установить контакты с «Медтехникой» успеха не имели. Если в основе разрыва контракта лежат однозначно предложенные «Медтехникой» цены, то это просто провокация. Если же причина действительно в централизованной закупке, то мы не можем понять, в чем состоит так называемая самостоятельность советских предприятий и их юридическая ответственность по заключаемым контрактам.

Мы могли бы весьма долго продолжать перечень неудачных попыток наладить деловые связи с Союзом на ряде примеров других австралийских компаний. В частности, компания «ГЕФЕН» заключила с ассоциацией «Азербайджан» контракт на 20 миллионов американских долларов на закупку ряда энергетических продуктов и на встречную поставку завода по сборке компьютеров и партии персональных компьютеров. Как показали дальнейшие события, лишь компания «ГЕФЕН» полагала, что контракт заключен. Ассоциация «Азербайджан» даже не сочла нужным уведомить компанию о нежелании или невозможности выполнять подписанный контракт.

Нам кажется, что вышеперечисленного вполне достаточно, чтобы задать следующие вопросы: кому дано право в СССР заключать внешнеторговые контракты, кто несет юридическую ответственность по заключенным контрактам, какая организация в вашей стране регулирует экспортно-импортную деятельность советских организаций, помимо выдачи им лицензий на продажу тех или иных видов сырья и продукции, то есть куда должен вначале обратиться иностранный партнер, чтобы убедиться в компетентности советской организации в вопросах заключения экспортно-импортной деятельности?

Невилл ТРЕТОВАН,
директор компании

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Сейчас у вас часто утверждают, что «теперь русским нужно работать больше».

Возможно, это правда. Мой непосредственный опыт работы с нашим русским партнером показывает, что вы, русские, можете работать с той же отдачей, что и мы, и даже, может быть, лучше, но русские чиновники успешно и почти постоянно препятствуют чьим бы то ни было попыткам работать интенсивнее и производить более качественную продукцию.

Попытаюсь проиллюстрировать свой простой тезис рассказом только об одной области совместной работы Австралии и СССР — о производстве инструментов для стрижки овец.

1. СССР — главный закупщик австралийской шерсти.

2. У Советского Союза около 150 миллионов овец, стричь которых нужно ежегодно. У Австралии — 170 плюс 66 миллионов в Новой Зеландии.

3. В СССР мощнейшее в мире производство стали, а технология производства металлов находится на уровне лучших мировых стандартов.

Из этого можно сделать вывод, что СССР способен экспортировать свою продукцию в Австралию и Новую Зеландию, зарабатывая тем самым столь необходимую твердую валюту. К тому же сегодня СССР производит инструментов для стрижки овец больше, чем две самые крупные западные фирмы — «Листер» (Англия) и «Санбим» (Австралия), вместе взятые.

Отсюда следует, что у Советского Союза в Австралии и Новой Зеландии должен бы быть хороший рынок сбыта.

Это в теории. А теперь практика.

Австралийская фирма «Нелко Австралия» потратила тысячи долларов на подготовительный период внедрения советских инструментов для стрижки овец. Я и другие члены «Нелко» около 20 раз посещали для этого СССР. Наши отношения начали реально развиваться только тогда, когда 1 апреля 1989 года правительство СССР разрешило производителям напрямую иметь дело с иностранными изготовителями. Тогда у «Нелко» возникли теплые, чрезвычайно гармоничные отношения с «Актюбинсксельмашем» (Казахстан).

В августе 1989 года «Нелко Австралия» подписала контракт и согласилась войти в совместное предприятие по экспорту инструментов для стрижки овец на западный рынок. Мы послали в СССР квалифицированного инженера и потратили внушительное количество времени и денег, помогая нашему советскому партнеру совершенствовать свое производство, чтобы он мог конкурировать с западным рынком.

Мы договорились о создании весьма скромного совместного предприятия и пришли к взаимной договоренности. Но вскоре столкнулись с советской бюрократией.

«Нелко» и «Актюбинсксельмаш» подписали совместное соглашение, которое, насколько знала «Нелко», не противоречило вашим законам о совместных предприятиях. В феврале ваше министерство финансов сообщило, что мы должны поднять долю капитала

«Нелко» с предварительно договоренных 25 тысяч австралийских долларов до 27 тысяч. Мы согласились, хотя министерство этого никак не обосновало. В законе о совместных предприятиях не сказано, что капитал должен представлять определенную сумму. Нам же казалось, что 25 тысяч более чем достаточно для офиса, где работает один человек плюс секретарша.

И вот совсем недавно, 14 июня, в разговоре с «Актюбинсксельмашем» я узнал, что ваше министерство финансов вновь повысило планку.

Чтобы вы не подумали, что это единственная проблема, с которой столкнулись «Нелко» и «Актюбинсксельмаш», приведу еще несколько примеров.

Знаете ли вы, что плата Аэрофлоту за перевозку груза из Москвы в Сидней в пересчете на валюту составляет 276 процентов от того, что должна платить «Нелко» за перевозку такого же груза из Сиднея в Москву?

С кривой ухмылкой вспоминаю выступление вашего Егора Лигачева, говорившего, что те, кто навязывает нам свободный рынок, неумолимо толкают нас к присвоению продукта труда и обратно к эксплуатации.

Простите, но если кого и эксплуатируют здесь, то это несчастного советского производителя, и делается это обычно с помощью вмешательства в наше совместное предприятие таких организаций, как Аэрофлот, Союзвнештранс,— если таким чисто государственным организациям вообще позволено входить в совместные предприятия.

«Нелко» бесплатно снабдила «Актюбинсксельмаш» телефаксом в надежде, что мы сможем передавать друг другу чертежи и сообщения в течение одного рабочего дня, чтобы иметь возможность работать так же хорошо, как наши швейцарские или английские конкуренты, а может быть, и лучше их. Но оказалось, что качество линий передач в СССР настолько ужасно, что «Нелко Австралия» вообще не может связаться с Актюбинском, а передачи из Актюбинска принимаются от случая к случаю, если повезет.

Что касается попыток созвониться с Актюбинском, то это тоже оказалось невозможным. Например, в четверг в 18.50 по австралийскому времени я пытался дозвониться до «Актюбинсксельмаша». Международный телефонист в Австралии целых 10 минут ждал ответа телефониста в Алма-Ате. Там 10 линий с тремя телефонистами для связи. Вы, видимо, согласитесь, что это более чем достаточно. Но и через 10 минут никто и не подумал ответить на международный вызов из Сиднея. Нас это не устраивает. Мы вынуждены заказывать вызов «Актюбинсксельмаша» за 2 или 3 дня! А бизнес на Западе часто требует ответа в течение 24 часов.

Ну, а теперь скажите на милость, как ваш несчастный советский рабочий может работать лучше, если до него и дозвониться нельзя?

М. Р. ДВАЙЕР,
директор-распорядитель
фирмы «Нелко Австралия»

* * *

Когда торговцы начинают писать письма в редакцию — это кризис. Когда солидный западный бизнесмен, воспитывавшийся вдали от нашей Родины, начинает употреблять слова типа «провокация» применительно к нашим чиновникам — это кризис вдвойне. Нам не отделаться перестройкой, потому что для этого процесса нужно иметь что перестраивать.

Нам кажется пора прозреть окончательно и понять, что культ воинствующей неграмотности способен превратить в абсурд любое наше начинание.

ЗАТЯНУВШАЯСЯ БОЛЕЗНЬ

Последние события в жизни нашей страны, связанные с консолидацией и активизацией так называемых консервативных сил, служат исчерпывающим ответом на усердно повторяемый кое-кем вопрос: «Не пора ли прекратить разоблачение преступлений Сталина, не пора ли прекратить очернение нашей славной истории?»

Недоговоренность этих разоблачений, их половинчатость — главная причина такого оживления в стане явных и тайных противников перестройки. Тлетворное наследие сталинизма в политике, экономике, культуре, в душе нашей все еще наличествует. Как застарелый тяжкий недуг. Его нельзя загонять вглубь. Как гной из нарыва, он должен выйти наружу. Иначе может быть отравлен весь организм.

У народа, который не знает своего прошлого, нет и будущего. Мы обязаны во имя нашего собственного спасения сказать всю правду (а не какую-то дозированную ее часть!) о том, что с нами было. Этому служат многочисленные художественные произведения и исследования, в авангарде которых идут книги Солженицына, Гроссмана, Шаламова, Домбровского...

Во всей этой далеко еще не завершенной эпопее займет свое место и книга Юрия Борева «Сталиниада»*. Жанр ее не совсем обычен. Ключом к ней могут служить слова Пушкина: «Устные свидетельства об исторических личностях точнее говорят о времени, нежели труды самых добросовестных историков». Автор около полувека собирал в самых разных социальных и профессиональных кругах притчи, легенды, апокрифы о Сталине. Среди «соавторов» книги немало людей, работавших и встречавшихся со Сталиным, непосредственно участвовавших в событиях, связанных с ним и его деятельностью. Другими источниками являются истории, во множестве бытующие в своеобразном фольклоре о той эпохе и ее властелине. На фоне крупнейших исторических событий и мелких (но, как правило, очень характерных) случаев перед читателем проходят многие известные люди, иные из них — выдающиеся и великие современники нашего века, политические и общественные деятели, военачальники, ученые, художники, писатели, актеры...

Известно, что до сих пор многие архивные материалы, относящиеся к сталинскому периоду, закрыты для историков, не говоря уже о широкой общественности. Поэтому бесконечные споры об этом времени чаще ведутся на эмоциональном уровне, нежели на документированном, научном. Исследовательская и публицистическая работа таких авторов, как Борев, хотя бы отчасти восполняет этот пробел в нашей нынешней гласности.

В книге как бы сами по себе, без натуги и сочинительства, решаются одновременно две задачи — создается портрет главного героя повествования и пишется удивительная по колориту энциклопедия нравов того ушедшего, но еще, увы, не умершего в нас времени. Расставанию с ним, тем временем, и помогает нам эта книга. Читая ее, лишний раз понимаешь столь актуально звучащего и сегодня Тацита: «Теперь, наконец, мы оживаем, однако по природе человеческие лекарства действуют медленнее, чем болезни». Да, эта наша общая болезнь затянулась.

Думается, что написать такую книгу было нелегко. Ее герой — человек и миф одновременно. Самый известный и самый неизвестный, засекреченный, таинственный. Ни об одном человеке за всю историю не было сказано столько льстивой лжи, сколько о нем. И ни один не натворил столько зла. Собранный автором и, можно сказать, обрушившийся на него материал поистине огромен. Как в нем разобраться, как его подать, чтобы вышел не сборник исторических анекдотов, а цельная книга с началом и концом? По-моему, автору это удалось. Не мудрствуя лукаво, он строит план своего повествования просто и четко: «1. Портрет вождя. 2. Кто были ваши родители? Чем вы занимались до 17-го года? 3. 1917—1928. На путях к власти. 4. 1929—1934. На путях к единовластию»... И так далее, вплоть до главы «1953—1989. Суд истории». Читатель не тонет в материале, а следует по четко проложенной дороге.

Краткость, афористичность, многомерность авторских характеристик и приводимых им воспоминаний сочетаются с исторической достоверностью, обилие собранных свидетельств позволяет проверять, сравнивать, анализировать факты и мнения. Это не просто умная и увлекательная книга, она может быть серьезным подспорьем писателю и историку. Кстати, в «Сталиниаде» есть ссылки на то, что приведенные в ней некоторые данные уже использованы в современной прозе и исторических исследованиях.

Одна из самых больших глав книги посвящена Великой Отечественной войне. Ее название характерно для всего стиля «Сталиниады»: «Как народ выиграл проигранную Сталиным войну». В ней убедительно развенчивается главный миф сталинистов о гениальном полководце и спасителе нашей Родины. А смысл самого крупного раздела так же ярко выражен в его заглавии: «Главный заключенный, правящий великой державой». Да, как это ни парадоксально, но именно Сталин был первой жертвой созданной им системы. Ее жертвами были и те, кто входил в его ближайшее окружение (это обстоятельство хорошо раскрыто в книге), и те, кто на разных уровнях осуществлял «большой террор», и, конечно же, десятки миллионов невинных жертв этого террора. Колокол истории звонит по всем. Но самое чудовищное в том, что не всем он слышен.

Закончить этот короткий отзыв о новой книге хочется словами ее автора: «Человек салона может себе позволить капризно сказать: «Опять о погоде. Надоело!» Крестьянин так не скажет никогда: от погоды зависит и пахота, и жатва. Обитатель бюрократического кабинета сейчас стонет, открывая свежий журнал или газету: «Опять о Сталине! Надоело!» Человек культуры и демократического сознания так не скажет никогда, ведь от раскрытия этой темы зависит вся наша жизнь».

В. НИКОЛАЕВ

* Юрий Борев. «Сталиниада». Москва, «Советский писатель», 1990, 408 стр.

ДЕТСКИЙ УГОЛ

Олег ГРИГОРЬЕВ

Уважаемые родители!

Спешу сообщить вам, что в Ленинграде живет и работает для ваших детей замечательный детский поэт и прозаик Олег Григорьев. Правда, надо признать, что это сообщение опоздало на двадцать лет и должно было предназначаться еще вашим родителям. Но что поделаешь, если за все эти годы у Григорьева вышло всего три тоненьких книжечки и каждый раз с нешуточным риском для их редакторов. На моих глазах была буквально выброшена из издательства «Детская литература» редактор Марина Титова, взявшая на себя в 1980 году ответственность за выпуск книжки Григорьева «Витамин роста».

За что же не принимали Григорьева «хозяева» нашей детской литературы? Прежде всего, думаю, за то, что рядом с его строчками тускло и скучно смотрелось их собственное творчество. Поэта обвиняли в черном юморе, но, как это ни смешно, сегодня черным юмором выглядит большинство из того, что издавалось все эти годы в огромном количестве, а вовсе не Григорьев.

Конечно, можно считать, что три книжки в эпоху застоя для настоящего писателя уже удача. У нас есть серьезные взрослые писатели, не изданные ни разу. И вообще: рукописи не горят, и всему приходит свой черед. Но в том-то и дело, что в детской литературе ситуация особая. «Поколения» детей сменяются каждые три — пять лет, и если в свое время не получают витамина роста, то потом во взрослом возрасте дела уже не поправишь.

Мы предлагаем вашим детям новые произведения Григорьева и кое-что из вошедшего в его книги.

Ведет рубрику
ГРИГОРИЙ ОСТЕР

Рисовал
Валерий ДМИТРЮК

ОБНОВКА

Без мамы купили мы с папой
В магазине пальто,
Мне — пальто, ну, а папе — шляпу,
Идем домой под зонтом.
Папа идет сердит,
Шляпа ему не идет,
Я на папе сижу,
Пальто на мне не сидит.

ПОСЛЕ УРОКОВ...

Домашний Пышкин и дикий Клоков
Дрались портфелями после уроков.
Когда вступили в бой рукопашный —
Домашний стал диким,
а дикий — домашним.

В КЛЕТКЕ

— Ну, как тебе на ветке? —
Спросила птица в клетке.
— На ветке — как и в клетке,
Только прутья редки.

УДАРЫ

Огромный зонт наподобие радáра
Купил я от солнечного удара.
Поднял он меня, как воздушный шар.
Упав, получил я земной удар.

ЛЕСТНИЦА

Поднимаясь по лестнице домой, Петров насчитал восемь ступенек; спускаясь по лестнице вниз, насчитал только семь.

«Непорядок»,— решил Петров и обратился к дворнику.

— Этого не может быть,— сказал дворник и поднялся на восемь ступенек вверх.

— А теперь вниз,— сказал Петров.

— Раз,— считает дворник,— два, три, четыре, пять, шесть, семь... Что такое? Где же восьмая ступенька?.. «Непорядок»,— решил он и обратился к милиционеру.

— Сейчас разберемся,— сказал милиционер.— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь.— И забрался на лестницу.

— А теперь вниз,— сказал дворник.

— Раз,— считает ступеньки милиционер,— два, три, четыре, пять, шесть, семь... Что за непорядок? Где восьмая ступенька?

Вызвали главного инженера-строителя.

— Не может быть,— сказал инженер-строитель.— Тут, вероятно, вы делаете какую-то ошибку.— И поднялся на восемь ступенек вверх.

— А теперь вниз,— сказал милиционер.

— Раз,— считает ступеньки инженер-строитель,— два, три, четыре, пять, шесть, семь... Что такое? — сказал он.— Это у нас в проекте не предусмотрено.

Решили снести лестницу вовсе.

Теперь, когда Петров идет домой, он подпрыгивает на восемь ступенек вверх, а когда выходит из дома, прыгает на семь ступенек вниз.

НА ЦЕПИ

Пес тоскует на цепи,
А попробуй отцепи.

НАУКА

Налетел я на столб в воскресенье,
Отлетел на асфальт без движенья.
Все оттого, что угол паденья
Равен углу отраженья.

ЗАКОН

Не свались в колодец, Ольга,
Если прыгнешь в воду ты,
Потеряешь в весе столько,
Сколько вытеснишь воды.

АКИМ

Вдоль реки бежал Аким,
Был Аким совсем сухим.
Побежал он поперек —
Весь до ниточки промок.

ПОЛЕ

Однажды Сережа и Оля
Попали в магнитное поле.
Напуганные родители
Еле их размагнитили.

ПРОГНОЗ

— У дома учитель стоит,
Что нам это сулит?
— По всей вероятности,
Одни неприятности.

РЕЗУЛЬТАТ

Копали яму глубоченную —
Получили гору высоченную.

СУП

Упало мыло в суп с лапшой,
В котле возник пузырь большой.
— Вот это суп! — кричат друзья.
Красивый суп, да есть нельзя.

СТРИЖКА

Пошел кочан на стрижку,
Остригся в кочерыжку.

ВАЗА

Папа вазу опрокинул:
Кто его накажет?
— Это к счастью, это к счастью,—
Все семейство скажет.

Ну, а если бы, к несчастью,
Это сделал я!
— Ты разиня, ты растяпа! —
Скажут про меня.

ДВЕ ТРУБЫ

Во дворе лежали две трубы.

Залезли дети в одну трубу и там уснули. Пришли рабочие, взвалили трубу на плечи и понесли на стройку.

— Тяжеленько,— говорит один,— отдохнуть надо.

Остановились рабочие около реки, опустили трубу на землю и сели покурить.

Один стукнул ключом по трубе и говорит:

— Эээ! А труба-то с трещиной.

— Да,— говорит другой,— негодная труба. Давай бросим ее в реку.

Раскачали трубу и бросили в реку.

А дети выспались, вылезли из трубы и разошлись по домам. Спали-то они в другой трубе.

СПОСОБ

Мальчишеская девчонка
Способом джиу-джитс
Девчоночного мальчишку
Ударом повергла ниц.

ПРО ПТИЧКУ

Хоронили дети кошку.
Кошку с плачем провожали
Под трезвон кастрюльных крышек.
На балконе толстый дядя
Брил свой толстый подбородок
Безопасной тонкой бритвой.
Как увидел этот дядя,
Что внизу хоронят кошку,
Говорит: «Вот это нате!»,
Говорит: «Хоронят кошку»,
Говорит: «Подумать только,
Никогда бы не подумал:
С плачем кошку провожают
Под трезвон кастрюльных крышек».
Из детей, который больше,
Говорит ему: «Не кошку»,
Средний тоже утверждает:
«Мы хороним, но не кошку».
Самый маленький детеныш
Говорит сквозь слезы: «Птичку.
Эта кошка съела птичку,
Мы поймали эту кошку
И несем ее в коробке
Всем ребятам напоказ».
«Ну! — воскликнул толстый дядя. —
Вот так-так!» — И рассмеялся.
Говорит: «Я видел много,
Но такое — в первый раз!»

КОМАРЫ

Мой приятель Валерий Петров
Никогда не кусал комаров.
Комары же об этом не знали
И Петрова часто кусали.

СТЕКЛО

— Ох уж эти стекольщики-стеклодувы! Поставили мне стекольщики стекло.

Что за стекло мне они поставили?! Косое, кривое, с буграми, с пузырями. Смотришь через него в искаженный мир и видишь: вместо человеческих фигур, которые строят дом, фигуреческие челогуры, которые доят тром.

Вместо рабочих в комбинезонах, идущих домой, какие-то Рамбинзоны в заботине, грядущие за мной.

Я под раскловать. Они кочинягами в мотобель. (Пускай дальше разбираются стеклодувы.)

Я от них по шаромырам в ступальницу, через вертобу на шпуль. Они по витинягам за мной, ногорукно вертя и кулакно помахивая.

А навстречу були с чепуром на гулятине. Я в чепур плюх головотуловом. Очипурился. А мимо идут Рамбинзоны в заботине.

Не узнали меня, ничего не поняли.

МУХА

Тонет муха в сладости
В банке на окне.
И нету в этом радости
Ни мухе и ни мне.

САЗОН

Прохоров Сазон
Воробьев кормил.
Бросил им батон —
Десять штук убил.

В 22-м номере журнала мы предложили детям планеты вместо военных игр играть в М. И. Р. (Международное Игрушечное Разоружение). Сегодня мы повторяем публикацию Договора № 1 и подтверждаем, что все дети, подписавшие его, примут участие в дальнейших переговорах.

Григорий ОСТЕР,
руководитель Центра «Детское разоружение»

ИЗ ПИСЕМ ДЕТЕЙ, УЖЕ ПОДПИСАВШИХ ДОГОВОР № 1

«Я уже сложил свое оружие в коробку и в мешок...» Матвей, 6 лет.

«У меня было 124 солдата, 7 самолетов, 2 ракеты, 11 пистолетов, 2 танка, 2 БМП и пушка. Я решил начать разоружение. Осталось: 96 солдат, 9 пистолетов, 2 самолета. Ракет нет. Постепенно буду сокращать остальное». Антон.

«Больше не хочу играть в военные игры. Когда вырасту, хочу быть не солдатом, а таксистом — зарабатывать много денег для мамы». Сережа, 6 лет.

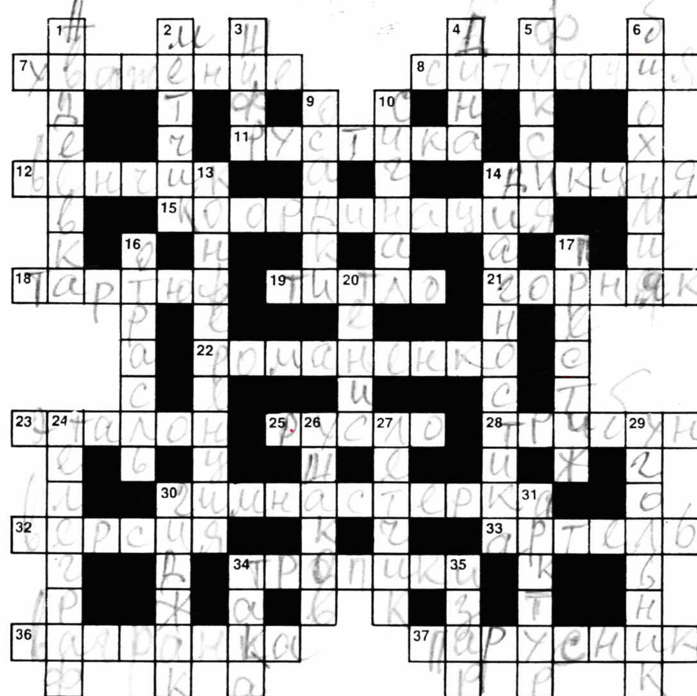
«У меня есть брат, которому 3,5 года. У него есть 1 пистолет с лампочкой, 2 — с пистонами, 3 танка, 45 солдатиков и 2 крейсера. Я просил родителей не покупать ему больше таких игрушек. Они согласились. Возлагаю на вашу эту акцию надежду. Да поможет вам Бог». Алексеев В. Ю., 11,5 лет.

«Пусть наши фабрики вместо пушек сделают много хороших игрушек». Артем Дроздов, 8 лет.

«Отдам свои железные военные игрушки, но с условием, что они пойдут на переплавку. Полученное железо можно продать за границу, а на валюту закупить у американских и японских фирм мирные игрушки». Алексей, 12 лет.

«Мне папа и мама никогда не покупали военных игрушек, но друзья подарили танк, саблю, бронемашину. Что делать? И почему салют только по военным праздникам? Нет салюта на Новый год, на Пасху, в День защиты детей». Федя Бакупов.

«Я опущу письмо и буду разоружать двор». Евгений Котяй, 9 лет.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Почтительное отношение на основании признания достоинств. 8. Сочетание обстоятельств, создающих определенную обстановку. 11. Рельефная кладка или облицовка стен камнями. 12. Часть цветка из лепестков. 14. Степень отчетливости произношения слов в речи, декламации. 15. Взаимосвязь, согласование. 18. Главное действующее лицо комедии Ж. Мольера. 19. Надстрочный знак в средневековой письменности. 21. Шахтер. 22. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 23. Образец, мерило. 25. Наиболее пониженная часть речной долины. 28. Блестящий оратор и публицист. 30. Верхняя рубашка, военная форменная одежда. 32. Разновидность, вариант в изложении, толковании факта. 33. Вид добровольного объединения граждан для общей хозяйственной деятельности. 34. Стихотворение В. В. Маяковского. 36. Шахтная печь для плавки чугуна. 37. Дневная бабочка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Город в Донецкой области. 2. Инструмент для нарезания внутренней резьбы. 3. Условные знаки для секретной переписки. 4. Единица силы. 5. Декоративное растение с яркими цветами. 6. Наука, изучающая в составе организмов структуру, превращение и функции веществ. 9. Атмосферная влага, дождь, снег. 10. Рассказ В. М. Гаршина. 13. Собрание, совещание представителей организаций, государств. 14. Учение о методах и принципах распознавания болезней. 16. Отдельная область деятельности науки, производства. 17. Авторитет, влияние. 20. Озеро на юге Западно-Сибирской равнины. 24. Предприятие связи. 26. Советский филолог, составитель «Толкового словаря русского языка». 27. Пилот. 29. Чертежный инструмент. 30. Струнный смычковый инструмент, распространенный в Средней Азии. 31. Самая яркая звезда в северном полушарии. 34. Денежная единица Бангладеш. 35. Приток Дуная.

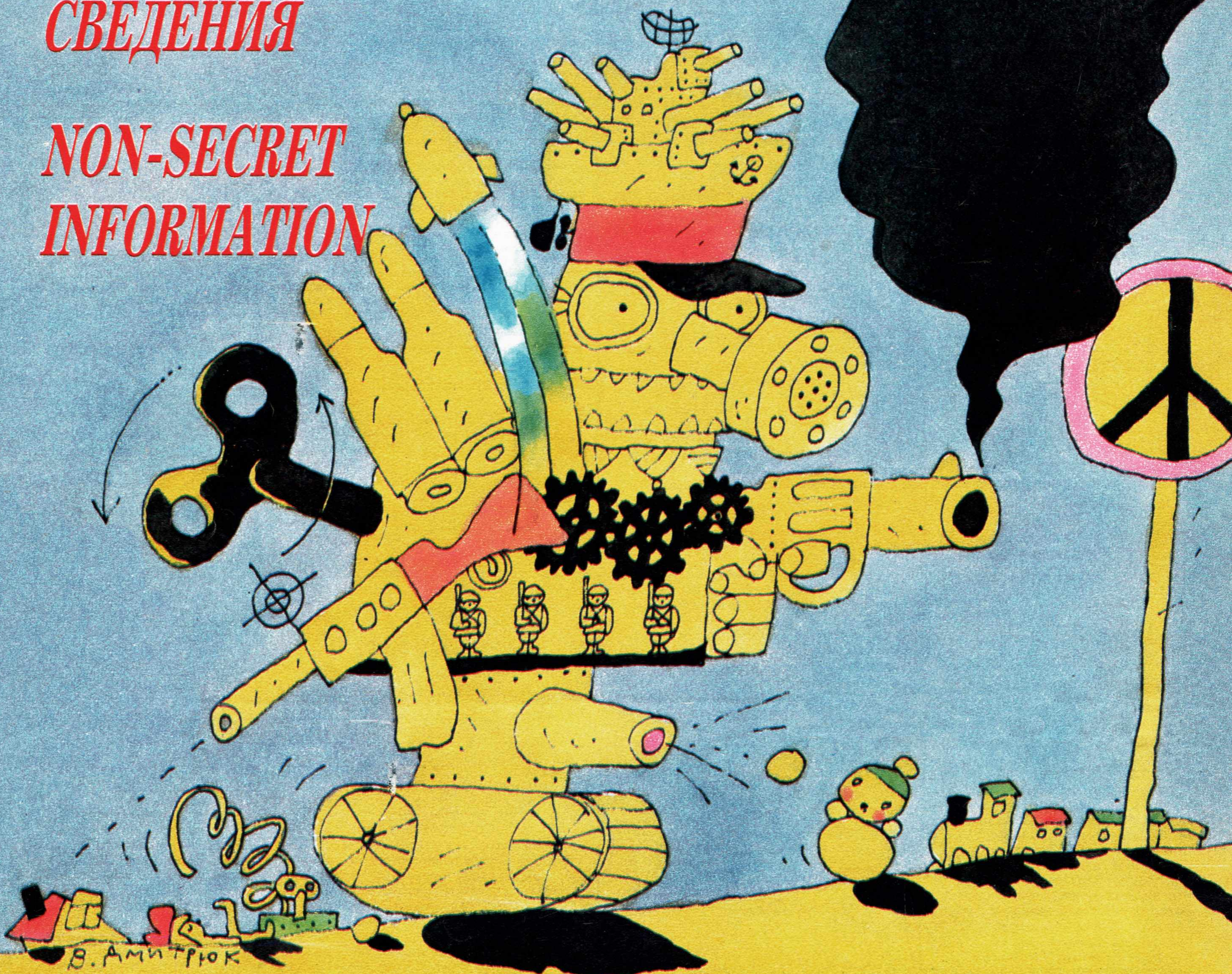
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Коси. 7. Качество. 8. Прилавок. 9. Рагу. 10. Техникум. 12. Тарханов. 14. Арль. 15. Секанс. 16. Эффель. 19. Кооперация. 20. Адвокатура. 23. «Узница». 24. Страус. 26. Духи. 28. Кожемяка. 29. Терминал. 30. Ложа. 31. Патетика. 32. Контракт. 33. Туба.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Каперс. 2. Черника. 3. Корма. 4. Ипуть. 5. Бакалея. 6. Лосось. 11. Консолидация. 13. Рефрижератор. 17. Эпилог. 18. Пахота. 21. Инженер. 22. Палитра. 23. Удокан. 25. Сказка. 26. Далат. 27. Итака.

НЕСЕКРЕТНЫЕ СВЕДЕНИЯ

NON-SECRET INFORMATION

Сегодня на вооружении у советских детей более 247 385 613 танков, боевых самолетов, кораблей, пушек, ракет, автоматов, пистолетов и других единиц игрушечного оружия.
Немало военных игрушек и у детей других стран.

Мы предлагаем детям планеты вместо военных игр играть в Международное Игрушечное Разоружение. В М.И.Р.
Детские дипломатические переговоры пройдут в городах Европы, Америки, Азии, Африки, Австралии и островных государств.
Средства массовой информации будут подробно освещать переговоры и публиковать заключенные детьми договоры.

Уважаемый Ребенок!
Если вы согласны подписать предварительный ДОГОВОР № 1, вы можете принять участие в дальнейших переговорах после того, как сообщите о себе по адресу: Москва, Бумажный пр., 14. В центр «Детское Разоружение» при редакции журнала «Огонек».

ДОГОВОР № 1 О ДЕТСКОМ РАЗОРУЖЕНИИ

Мы, дети разных стран, владеющие игрушечным оружием, договариваемся:
1. Не просить у родителей новых военных игрушек.
2. Начать переговоры друг с другом о постепенном взаимном сокращении тех военных игрушек, которые у нас уже есть.
3. Продолжать наши переговоры даже когда вырастем, до тех пор пока на планете не останется никакого оружия, ни игрушечного, ни настоящего, и война навсегда покинет наш мир.

Подпись ребенка ____________________

Имя ____________ Фамилия ____________ Адрес ____________

Today Soviet children are armed with more than 247 385 613 tanks, combat planes, ships, cannons, missiles, machine-guns, pistols and other types of toy weapons.
Children of other countries have many military toys as well.

We suggest that instead of war games, children of this planet play the game of International Toy Disarmament.
Children's diplomatic negotiations will be held in the cities of Europe, America, Asia, Africa, Australia and the island states.
The media will cover the negotiations in detail and publish the treaties concluded by the children.

Dear Child!
If you agree to sign the preliminary TREATY N° 1, you will be able to participate in further negotiations after you have provided us with information about yourself at the following adress: 101456, Moscow, Bumazhnyi proezd, 14. To the "Ogonyok" magazine "Children's Disarmament" centre

TREATY N° 1 ON CHILDREN'S DISARMAMENT

We, the children of different countries, possessing toy weapons, agree
1. Not to ask our parents for new military toys.
2. To start negotiations with each other on the gradual and mutual reduction of those toy weapons which we already have.
3. To continue our negotiations even when we grow up, until there are no weapons, neither toy nor real, left on this planet and war leaves the world forever.

Child's signature ____________________

Name ____________ Surname ____________ Adress ____________

40 коп. Индекс 70663